ПИОНЕР 11

НОЯБРЬ • 1971 г. • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ

ГЕНЕРАЛЫ, КОТОРЫМ ТРИНАДЦАТЬ...

Юрий СМИРНОВ

На площади в порядке четком
Со всех границ, со всех морей
Стоят парадные расчеты
Великой армии моей.

Застыли у Манежа пушки.
Горнисты в синеву трубят.
А у суворовцев веснушки
Совсем как у простых ребят.

Зато они в лампасах алых,
Которых у мальчишек нет,
Похожие на генералов,
Которым по тринадцать лет.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ— 54 ГОДА!

С праздником Октября—
днем рождения революции—
поздравляет тебя твой журнал.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 11

Издательство «Правда»

Москва 1971 г.

— **Никто из нас вовсе не считал себя героем** — такая мысль в голову не приходила. Просто мы строго следили за тем, чтоб каждый наш поступок служил революции.

В номере — рассказ Ксении Антоновны Липинской, члена КПСС с 1917 года «Мы идем в революцию!».

— **Наша родная улица — Университетский проспект.** Здесь мы живем и учимся. Мы — москвичи и хотим, чтобы наша Москва стала лучшим городом мира. Что мы для этого делаем? *Коля Максимов и его друзья сообщают нам о делах, которые сами придумали.*

Исчезли теплые моря и тропическая зелень. Вымерли гигантские ящеры и динозавры. Планету сковал страшный холод...

Когда это случилось и что было потом? *Доктор географических наук В. Котляков рассказывает о великом оледенении земли.*

— **Слово «раб» в наше время стало легендой, страшным сном.** Если бы мне сказали, что я увижу своими глазами рабов, я бы, наверно, недоверчиво рассмеялся. Но все же...

О партизанах Омана, сражающихся за независимость своей страны, рассказывает корреспондент «Правды» Алексей Васильев.

«Все дома Вьетнама соединены одной траншеей», — говорят вьетнамцы. Траншеи ведут от дома к дому, стихи — от сердца к сердцу. *Стихи вьетнамских ребят собрал и перевел для «Пионера» поэт Никита Разговоров.*

Один американский миллионер учредил специальный кубок для того, кто толкнет штангу весом в 500 фунтов. «Дадим бой русским!» — писали американские газеты.

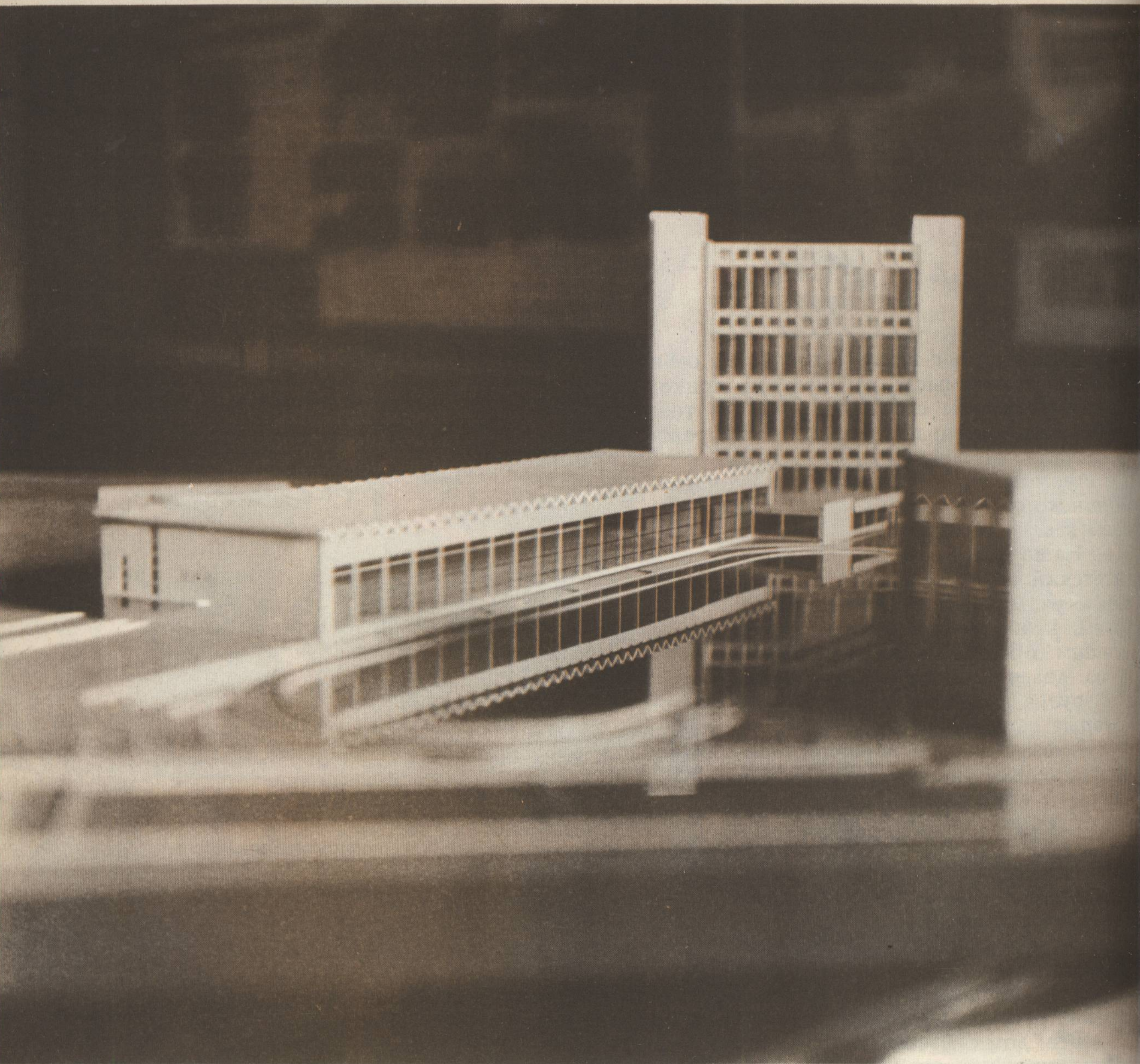
Кубок миллионера достался советскому тяжелоатлету Василию Алексееву. *Читай очерк спортивного журналиста В. Волкова «Железная игра».*

«Катя завозилась, толкнула Кольку и скороговоркой повторила: — Глаувандра глаувандра... что такое?

И давай повторять, наморщив круглый загорелый лоб:

— Гла-а-у-у...вандра... Гла-у-у-ва... Это — животное!

— Ха-ха! Хо-хо! — загадочно ответил Петя. *В номере — повесть писателя Евгения Шатько «Казачий остров».*



Завтрашний день столицы

Юрий КРУТОГОРОВ

Где мой переулок?

Недавно я побывал там, где проходило мое довоенное детство. Это неподалеку от Таганки. Чичеринский переулок, как короткий ручей, вливался в соседнюю улицу.

Я спустился с крутой горки. Вот моя бывшая 479-я школа. Стоит школа, лишь номер другой! И даже ноздреватый камень-валун сохранился у забора, возле него я дожидался, когда выйдет гулять девочка Неля из параллельного 3-го «б».

Но, бог ты мой, где же Чичеринский? Передо мной зиял широкий пустырь, и лишь в глубине бывших дворов щетинились только что забитые бетонные сваи.

Погрустил я немножко и пошел восвояси. Ничего не поделаешь, время берет свое. Позже

Такая детская спортивная школа появится в Москве через два года.

я узнал: на месте моего переулка вырастает многоэтажный квартал.

Да, Москве тесно в стареньких переулках. Ей мешают перекрестки-пятачки. Ей нужно больше жилья, зелени, простора. Москве некогда отдыхать. Она энергичная, деятельная, кипучая.

Она забирается в глубину, раздвигает земную толщу и пускает по тоннелям поезда метрополитена.

Она карабкается едва ли не под облака и с двадцать пятых этажей подмигивает глазками электросварки.

Она размашисто шагает на окраины.

Только не думайте, что Москва растет вширь, вглубь и ввысь беспорядочно, как ей заблагорассудится. Это не так.

Ростом города управляют.

Москва развивается по плану.

Город мастеров

Я поднимаюсь по ступенькам высокого белокаменного здания на площади Маяковского. Вдоль лестничных пролетов развешаны цветные схемы. Таблицы, похожие на вертикальные дома, — они заселены столбиками цифр. Чуть повыше огромные, как окна, фотографии новостроек. Широкие проспекты, которые словно для автомобильных гонок приспособлены. А вот акварели: жилые корпуса, вытянутые, как пеналы; стеклянные кубы магазинов — светлые и прозрачные аквариумы; раковина стадиона — кажется, она и на самом деле шумит, как морская раковина...

Мимо меня пробегают люди в белых халатах. Двое парней взвалили на плечи здоровенный подрамник. На холсте запутанные и загадочные линии. Девушки на вытянутых руках несут, будто охапку дров, рулоны чертежей.

— Дорогу, дорогу! — На деревянном щите плывет облаком алебастрово-голубоватый макет жилого района. Я хватаю свободный угол щита — надо же помочь! — и уже не как гость, а как человек, ответственный за четвертую часть макета, втискиваюсь в небольшой зал.

И здесь на стенах таблицы, схемы, фотографии, рисунки.

Шагаю дальше.

Мастерская № 1 — архитектурная, мастерская № 4 — инженерная, мастерская № 5 — транспортная.

Я попал в город мастеров, где создается будущее столицы. И рисунки, и макеты, и схемы скоро станут живой плотью родного города: трибуны стадионов взорвутся криками болельщиков, школы зашумят переменками, улицы заживут своей пешеходной и автомобильной жизнью.

Институт Генерального плана Москвы — так называется город мастеров.

Генеральный план отвечает

Я ходил по институту, заглядывал почти во все его мастерские. Мне все интересно. На любой вопрос — как, где, сколько, когда — я мигом получал ответ. В Генеральном плане все записано, ничего не забыто.

Сколько будет в Москве квартир в двухтысячном году?

Пожалуйста. К этому времени в столице будет жить примерно восемь миллионов человек. У каждой семьи будет отдельная квартира.

А что говорит Генеральный план о метро?

Одну минутку. Сейчас длина Московского метрополитена — сто тридцать восемь километров. А в ближайшем будущем будет триста двадцать. И поезда — это особенно важно — помчатся почти в два раза быстрее. Из одного конца города в другой — с севера на юг сорок километров — за считанные минуты доберешься. А если очень спешишь — например, в аэропорт, в загородный лес грибков собрать, — садись на вертолет. Городской «воздушный мост» к твоим услугам.

А как изменится облик Москвы?

О, ее просто не узнаешь. Она здорово подрастет, в три раза станет выше. Территория города разлиновывается на восемь частей — планировочных зон, как говорят архитекторы. Каждая зона — самостоятельный городок со своим центром: театром, стадионом, концертным залом, библиотекой, большим плавательным бассейном, десятками фонтанов, с разными предприятиями, учреждениями. Чтоб не очень далеко на работу ездить — все под рукой.

А как проектировщики позаботились о ребятах?

Тут я вот что скажу. В Москве за годы Советской власти построено около восьмисот школ. Целая школьная страна. Но архитекторы поинтересовались: а сколько в одном классе учеников? Примерно тридцать пять — сорок. Порядочно. Все-таки, согласись, трудно учителю вести урок, когда в классе столько ребят. Поэтому решено: в одном классе должно быть не больше двадцати четырех учеников. Вот и считай, сколько еще придется построить школ!

Меня повели в мастерскую, где создаются новые, более вместительные школы.

Это же одно удовольствие — покупаться в школьном плавательном бассейне. В настоящем бассейне, как во Дворце спорта. В новых школах будет свое «школьное телевидение», мастерские, не уступающие по оборудованию заводским. Ботанический сад. Зоосад. Широкоэкранный кинозал. Зал гимнастический. Зал волейбольный. Футбольное поле. И это все при школе.

Уж коли я заговорил о спорте, то скажу: в Москве в ближайшие годы построят восемь крупных спортивных комплексов. Здесь предусмотрено все самое необходимое, чтобы бегать, прыгать, играть в хоккей и футбол, в любую спортивную игру. Уже сейчас один такой стадион проектируется. Стадион «Буревестник». В любую погоду здесь можно будет играть в футбол. Ни дождь, ни снег не страшны. Почему? Да потому что над стадионом будет крыша. Пошел дождь — крыша развернется над головами игроков и болельщиков, как зонтик. Засветило солнце — крышу быстренько уберут. Она будет раздвижной — вот в чем секрет. Любители коньков — мальчишки и девчонки — перестанут дожидаться мороза. Пожалуйста, катайтесь на «канадках» — на катке расстелен искусственный лед!

Была раньше в Москве, в Чичеринском переулке, школа № 479. А теперь? Есть ли школа под таким номером? Оказалось — есть школа! Вот она на нашем снимке. Номер школы — 479. Но как она отличается от прежней, старой!

Вот какие спортивные комплексы появятся в восьми районах Москвы.

В институте я услышал: «Столица будет иметь звездообразное построение».

Что же это за «построение»? Разгадка вот в чем: если смотреть на Москву сверху, из самолета, она будет похожа на звезду с зелеными лучами. Хвойный бор или березовая роща — восемь шелестящих листвой лучей — станут для каждой из восьми зон привычны и обязательны, как гастроном, детский сад, универмаг. Битцевский лес, Царицынская роща, Коломенский бор, Кусковский березняк — вот какие троллейбусные остановки возникнут в столице.

Кстати, троллейбусов к тому времени будет в два раза больше.

Над просторами улиц и площадей — рубиновые звезды Кремля.

Спортивный зал и библиотека, комнаты для игр и спортивные площадки — вот сколько всего! А летом в школе устраивают городской пионерский лагерь. Двести ребят отдыхают здесь. А к концу пятилетки таких школ будет в Москве уже полтораста.

ее как Якиманку. Тихая, уютная улица — неподалеку от Москвы-реки. Но понадобилось Якиманку заново перекроить. Улица соединяет центр столицы с Ленинским проспектом. Он ведет в аэропорт Внуково, к новым районам на юго-западе города. И древняя Якиманка, вот беда, стала мешать транспорту: узка больно.

Думали-гадали и решили, что нет другого выхода: надо в три раза расширить проезжую часть улицы. Ломать надо дома. Как? Одну сторону домов — западную — снесут, новые кварталы приблизят к набережной. Улица подойдет к самой реке. Чтобы повсюду была видна водная гладь, ряд восемнадцатиэтажных зданий поставят на колонны — в просветы как бы вольется река. И новый Парк искусств будет рядом и новая великолепная Третьяковка.

Хорошо! Но какой москвич не знает якиманскую церковь Ивана-воина, легендарного победителя ворогов Руси? Кто не любовался особняком с пряничными завитушками, который построил в прошлом веке архитектор Поздеев? Что же, неустрашимый Иван-воин теперь будет побежден? Позволит поразить себя чугунному ядру экскаватора?

Нет, этого не случится. И церквушку Ивана-воина и расписной особняк никто не тронет. Они останутся. Они лишь ярче подчеркнут красоту современной архитектуры. Это записано в Генеральном плане.

Непобедимый Иван-воин

На окраине, на пустырях строителям простор. А в центральной части города? Тут столько зданий и всяких сооружений, которые испокон века стоят. Мы к ним привыкли почти как к родственникам. В них живет история. И сделаны эти здания на диво — русские зодчие строить умели.

Вот задумали архитекторы переделать старинную московскую улицу в Замоскворечье — улицу Димитрова. Старожилы знают и помнят

В новом микрорайоне столицы.

А так детскую спортивную школу недалекого будущего увидел наш художник. Тут стадион, две гаревые дорожки, плавательный бассейн, летний каток, гимнастические залы, ринги, волейбольные площадки... Чего только нет!

Как родилась улица

Старая Якиманка теперь вовсю перестраивается. А в мастерской № 4 я увидел, как рождается улица, которой и в помине нет. Она существует лишь в воображении градостроителей.

Евгений Яковлевич Шугин и Александр Данилович Паничев склонились над квадратным планшетом — это схема незастроенной части Москвы. Инженеры вооружены карандашами — по карандашу в руке, по карандашу за ухом. Грифели отточены, как иглы.

Всякая улица начинается с красных линий. Их несколько: одна — граница, вдоль которой выстроятся дома. Вторая — где под мостовой в трубах побежит вода. Третья линия обозначит, где посреди магистрали посадят деревья. И границы эти неприкосновенны. Поэтому надо точно, до сантиметра, знать, где улягутся на покой водопроводные трубы, а где проложат свои сети для голубого топлива газификаторы.

Евгений Яковлевич дотрагивается грифелем до планшета. Карандаш скользит по бумаге, оставляя линию-паутинку. Карандаш робок, линия неуверенная, по первому мазку ластика она готова исчезнуть. Шугин выжидательно глядит на товарища. На планшете возникает

вторая паутинка — красная линия водовода. Третья — граница тротуара.

— Послушай, Женя, — говорит Паничев, — ты что-то не того. Тут же диаметр водопроводной трубы полметра. Слишком близко дом ставишь.

— Верно. Вроде коротковат разрыв... Вот садовая голова! — И ластик нещадно убирает паутинку.

Новая линия. Она тверже. В ней есть смелая прямизна. Тут будет кромка тротуара.

Еще одна прямая появляется на бумаге. Граница бульвара.

Карандаш отчеркивает пространство для водовода.

К инженерам подходит руководитель мастерской Александр Григорьевич Яновский. Тридцать лет он строит города. С первого взгляда любую ошибку заметит. Яновский щурит глаз.

— Телефонный кабель где пойдет? Тэк, тэк... Канализация? Здесь ее заглубят. И поворот учли. Чудно!

Яновский поворачивается ко мне:

— Лет через пяток приходите прогуляться по этому бульвару. С женой. Дочка? Большая? Вот втроем и приходите — приглашаю! Как улица будет называться? Не скажу пока. Да это на данном этапе и неважно. Главное то, что улица уже заняла свое место на карте Москвы. Взята в расчет озеленителями, дорожниками, транспортниками. Для нас она уже живет...

Ока и Вазуза просятся в гости

Улица взята в расчет — это сказано не случайно. Пусть она и не в этом году начнет строиться, но именно сегодня надо подумать, как обеспечить ее жителей всем необходимым. Водой, например. Не такая простая это вещь. Уже сейчас Москва-река, говоря языком специалистов, полностью зарегулирована — брать из нее больше воды, чем нынче, нельзя. Она и так дает две тысячи ведер в секунду. Представляешь, какой поток? А из Волги столица получает в секунду шесть тысяч ведер воды. В секунду!

Поразмышляешь и скажешь: ого-го! Но для города, который растет не по дням, а по часам, и этого недостаточно. Только в прошлом году в новых квартирах зажурчало больше трехсот тысяч кранов!

Москва требует новых источников. И с ее требованием нельзя не считаться.

В трехстах километрах от столицы, в Смоленской области, течет речка Вазуза. Неторопливая такая, спокойная. И очень чистая. В ней одно удовольствие искупаться. В районе города Зубцова Вазуза впадает в Волгу. А скоро все изменится. Тут построят плотину, она загородит дорогу речке, и Вазузе скажут: «Ну-ка, милая, поворачивай к Москве. Там твоя вода крайне необходима».

Рядом с плотиной образуется настоящее море — Вазузское водохранилище. И мощнейшие насосы по каналам погонят речку прямехонько в Москву. Полторы тысячи ведер — вот сколько в секунду даст Вазуза столице. Хорошая подмога Москве-реке!

Но, оказывается, и этого мало.

Какие реки рядом с Москвой могут пригодиться для водопровода? Ока! Прекрасно. И вот около Серпухова ее тоже «подцепят на крючок». Отсюда по длинному каналу окская вода прибежит в наши кухонные краны.

Подсчитали. Каждый краник учли. Каждый новый фонтан взяли в расчет. И плавательные бассейны не забыли. Хватит теперь воды!

Сейчас на место будущего Вазузского водохранилища, на трассы каналов вышли изыскатели. Они ищут наиболее краткий путь к городским водопроводным станциям. Решают, где какие ставить насосы — более мощные, менее мощные. Ведь водораздел между Вазузой и Москвой не гладкий.

И — новые расчеты.

И — новые схемы.

И — новые таблицы, похожие на вертикальные дома.

Опять мимо меня куда-то спешат девушки — на вытянутых руках, будто охапка дров, рулоны чертежей.

— Люд, пошли обедать.

— Через полчасика. Мне надо дочертить уголок Выхинского комплекса.

— Выхино, Выхино. Это не туда мы прошлым летом ездили собирать землянику?

— Ну да...

Фото А. ШПИКАЛОВА,
А. ГЕРИНАСА, В. ПОСТНИКОВА.
Рисунки А. БОРИСОВА.

Эту девушку в солдатском полушубке звали Зоей Космодемьянской. Теперь ее именем называют улицы больших городов, морские корабли, школы и пионерские лагеря. Может быть, имя это носит твой отряд или твоя дружина.

То, о чем ты прочтешь в отрывке из поэмы Маргариты Алигер «Зоя», произошло тридцать лет назад. 29 ноября 1941 года Зоя Космодемьянская совершила подвиг, который никогда не будет забыт. Первый портрет Зои написал в 1942 году художник Л. Ф. Голованов.

Зоя

Маргарита АЛИГЕР

За остановившейся рекою
партизаны жили на снегу.
Сами, отрешившись от покоя,
не дали покоя и врагу.
Ко всему привыкнешь понемногу.
Жизнь прекрасна! Горе не беда!
Аккуратно портили дорогу,
резали связные провода.

Начались декабрьские метели,
дули беспощадные ветра.
Под открытым небом три недели,
греясь у недолгого костра,
спит отряд, и звезды над отрядом.
Как бы близко пуля ни была,
если даже смерть почти что рядом,
люди помнят про свои дела,
думают о том, что завтра будет,
что-то собираются решить.
Это правильно. На то мы люди.
Это нас спасает, может быть.

И во мраке полночи вороньей
Зоя вспоминает в свой черед:
«Что там в Тимирязевском районе?
Как там мама без нее живет?
Хлеб, наверно, ей берет соседка.
Как у ней с дровами? Холода!
Если дров не хватит, что тогда?»

А наутро донесла разведка,
что в селе Петрищеве стоят,
отдыхают вражеские части.
— Срок нам вышел, можно и назад.
Можно задержаться... В нашей власти.
— Три недели мы на холоду.
Отогреться бы маленько надо.
Смотрит в землю командир отряда.
И сказала Зоя:
«Я пойду.
Я еще не очень-то устала.
Я еще успею отдохнуть».
Как она негаданно настала,
жданная минута.
Добрый путь!
Узкая ладошка холодна —
от мороза или от тревоги?
И уходит девочка одна
по своей безжалостной дороге.

*

Тишина, ах, какая стоит тишина!
Даже шорохи ветра нечасты и глухи.
Тихо так, будто в мире осталась одна
эта девочка в ватных штанах и треухе.
«Значит, я ничего не боюсь и смогу
сделать все, что приказано...»
Завтра не близко.
Догорает костер, разожженный в снегу,
и последний дымок его стелется низко...
...Ты одна. Ах, какая стоит тишина!
Но не верь ей, прислушайся к ней,
дорогая.
Тихо так, что отчетливо станет слышна
вся страна,
вся война,
до переднего края...

Далеко-далеко умирает боец...
Задыхается мать, исступленно рыдая,
страшной глыбой заваленный,
стонет отец,
и сирот обнимает вдова молодая.
Тихо так, что ты все это слышишь
в ту ночь,
потрясенной планеты взволнованный
житель:
«Дорогие мои, я хочу вам помочь!
Я готова.
Я выдержу все.
Прикажите».
А кругом тишина, тишина, тишина...
И мороз не дрожит, не слабеет, не тает...
И судьба твоя завтрашним днем решена.
И дыханья
и голоса
мне не хватает.

КОММУНИСТ — ПИОНЕРУ

МЫ ИДЕМ В РЕВОЛЮЦИЮ!

К. А. ЛИПИНСКАЯ

Разговор в комсомольском клубе

Как-то раз — было это в прошлом году — пригласили меня к себе комсомольцы одного московского завода: попросили рассказать о том, как мы, я и мои товарищи, участвовали в революционных событиях 1917 года. В конце вечера окружили меня ребята и говорят грустно так, с завистью:

— Ксения Антоновна, какая вы счастливая! Какая героическая была у вас юность! Революция, фронт, тюрьмы! А нам? Ну где нам проявить героизм?! Не досталось нам ни войны, ни революции...

Сколько прошло со дня этого разговора, а я все вспоминаю его и про себя продолжаю. Мне хочется сказать комсомольцам завода, а заодно их ровесникам и тем, кто помоложе:

— Милые ребята! Октябрьская социалистическая революция была громадного размаха событием — недаром называют ее Великой! И, конечно, революция была героическим событием. Но это вовсе не значит, что каждый, кто принимал в ней участие, с утра до ночи совершал одни только героические подвиги.

Никто из нас вовсе не считал себя героем — такая мысль и в голову не приходила. Просто мы каждый день выполняли свои обязанности и старались делать это как можно лучше и добросовестнее. И еще мы строго следили за тем, чтобы каждый наш поступок служил революции, хоть на шаг, на полшага приближал ее победу. И нашлось множество небольших, но важных дел для каждой пары рук, которые готовы были служить революции.

Первое поручение

Весной 1917 года, к тому времени, когда в наш сибирский город пришла весть о том, что в Петрограде свергли царя, мне было семнадцать лет и училась я в седьмом классе гимназии. Минусинск, город, в котором я жила, издавна служил местом ссылки революционеров. С детства я видела вокруг себя ссыльных — людей образованных, смелых, самоотверженных. Они охотно и серьезно разговаривали с нами, гимназистами, и я внимательно прислушивалась к их речам, читала книги, которые они мне давали, и со временем поняла, что эти замечательные люди посвятили свою жизнь борьбе за справедливость. Я стала членом нелегального кружка революционно настроенной молодежи, а в начале 1917 года вступила в партию большевиков.

В Минусинской партийной организации мы с Пашей Путиловой, закадычной моей подругой и одноклассницей, оказались моложе всех и очень робели из-за этого. Мало того, что ходили мы в школьных форменных платьях — у нас даже де-

нег, пятидесяти копеек, не нашлось на вступительные взносы в тот день, когда нас принимали в партию. Ну, думаем, засмеют, не допустят нас до настоящего дела! Но нет, нашлась и для нас работа.

Паше, мне и другим молодым членам организации поручили распространять большевистские газеты: «Правду», «Сибирскую правду» и минусинскую газету «Товарищ».

В то время не читатели искали нашу газету, а газета должна была отыскивать своих читателей. Читатели же наши были, как на грех, народ к печати не приученный, а подчас и неграмотный.

С пачками газет отправлялись мы на базар — самое людное место в городе. В толпе высматривали подходящих людей — крестьян, солдат, рабочих с рудников. Подходили к ним, старались завести разговор, а потом кому давали газету, а чаще читали вслух. Конечно, приходилось на вопросы отвечать, объяснять непонятные места. И спорить приходилось, доказывать, что одна только партия большевиков по-настоящему защищает интересы простого народа. Работа, кстати сказать, не безопасная: у партийных газет много было врагов.

Сначала «освоили» мы город, а потом проложили путь в Абакан, на Черногорские копи — стали возить газеты шахтерам.

А как быть с далекими деревнями? Самим ехать — и не на чем и не на что. Все мы были из бедных семей, сами зарабатывали себе на жизнь уроками и родителям старались помочь. Пробовали почтой отправлять — закаялись: вечно с нашими газетами случалась какая-нибудь беда, не доходили они по адресу. То авария в дороге, то ошибка почтовых служащих, то дождь, то град — причины разные, а результат один: пропадали наши газеты! Чудес тут никаких не было, обыкновенный саботаж: работники минусинской почты, как могли, боролись с большевистской печатью.

Тогда стали мы подбирать верных людей в деревне, которые часто ездили по делам в город. Познакомились с сельской учительницей Гутей Михайловой, познакомились с большевиком Потаниным из казачьей станицы Таштым — они охотно нам помогали, а мы себя просить не заставили, сразу стали нагружать их газетами. Когда в октябре власть перешла в руки большевиков, все жители деревень, где работали наши люди, поддержали новое правительство. Вот какая сила была у наших газет! Недаром мы так гордились своей работой. Прибежишь из гимназии домой, сумку бросишь и, не пивши, не евши,— на улицу.

— Ты куда?! — кричит мама вдогонку.

Никогда не скажешь в ответ: за газетами, мол, в типографию. Гордо так ответишь:

— Революцию надо делать!

Второе задание

Между тем в гимназии приходилось нам с Пашей совсем худо. И раньше-то были мы с ней вроде белых ворон: бедняцкие дочки с окраины! А когда вступили в партию, вовсе показались одноклассницам врагами. Чего только не приходилось выслушивать! Называли нас шпионками, спрашивали, сколько платят нам немцы... Девочки не желали с нами разговаривать, учителя придирались...

— Уйдем мы из гимназии! — говорили мы старшим товарищам. А в ответ слышали твердое:

— Не разрешаем. Нельзя.

Одно оставалось нам — учиться как можно лучше. Каждый вечер, покончив с газетами, с учениками, чуть живые от усталости, садились за учебники, за тетрадки. И своего добились. Паша окончила седьмой класс с золотой медалью, а я — с серебряной. Только одно мы себе позволили — не пошли получать награды в ненавистную гимназию!

Это нужно партии

Мы знали, что учимся ради великого дела. Мы себя чувствовали солдатами, рядовыми революции, а уроки в гимназии были для нас вроде боевой подготовки. Нам так и объяснили в партийном комитете:

— Коммунист должен быть образованным человеком. Мы учились в ссылках, на каторгах, учились с опозданием, вы просто не имеете права отказываться от образования. Как бы ни было тяжело, гимназию придется окончить.

Представляете, каково нам было?

Мы ждали, что партия пошлет нас с оружием в руках сражаться за справедливость. Мы готовы были отстаивать свои убеждения, а нас посылали сидеть за партами!

Скажу сразу: все, к чему мы себя готовили, вступая в партию, не миновало нас. Мы сражались в рядах Красной гвардии, нас бросали в тюрьмы, приговаривали к смерти. Но не случайно я рассказываю вам самую мирную страничку своих партийных воспоминаний: я очень дорожу ею. Мне кажется, что именно тогда, оставшись в гимназии и окончив ее, мы впервые сумели интересы дела поставить выше своих. Мы учились у старших выдержке. Учились подчиняться дисциплине. Все это пригодилось нам вскоре: дорожка от простого дела к героическому для многих из нас оказалась прямой и короткой.

Паша Путилова, с которой мы вместе раздавали газеты и три года подряд сидели на одной парте в гимназии, в 1918 году работала уже в Петрограде, в Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Началась гражданская война, и Пашу направили в прифронтовую полосу, в Рузаевскую ЧК. К Рузаевке подходили белогвардейцы, и, поджидая их, враги Советской власти готовили мятеж. Мятежники укрылись в Знаменском монастыре, и вот туда-то с четырьмя красноармейцами отправилась Паша Путилова: ей было поручено обнаружить врагов и, если понадобится, арестовать их. Задание было трудным, опасным, и Паша об этом знала. В монастырь она приехала ночью, а к утру он был, как в осаде: главари мятежа успели собрать своих

сторонников со всей округи: наговорили, что большевики явились разорять дома, отбирать хлеб, увозить детей.

Ожесточенная толпа набросилась на маленький Пашин отряд. Паша смело выбежала на крыльцо:

— Остановитесь! Мы не хотим вас грабить...

Договорить ей не дали — Паша была убита.

И еще два случая хочется мне вам рассказать.

...В 1919 году власть в Сибири была захвачена белогвардейцами. Мы все, минусинские коммунисты, оказались за решеткой тюрьмы, многим грозил расстрел. Одним из обреченных был Яков Ефимович Боград, философ и математик. На воле Боград был пропагандистом, и пропагандистом замечательным: его называли «всесибирским агитатором». Агитатором он остался и в тюрьме — за несколько дней до смерти он подготовил и прочел заключенным доклад о значении Первого конгресса III Интернационала. Какой доклад он сделал! Даже надзиратель заслушался — и не разогнал «незаконное сборище».

Был у нас в Сибири и другой замечательный пропагандист — Яков Федорович Дубровинский. Он каждого мог убедить в правоте тех идей, в которые сам верил. Был он человеком широко образованным и таким благородным, что даже противники относились к нему с уважением. Дубровинский был выбран первым председателем горсовета Красноярска, руководил всей жизнью большого города. Но когда в июне 1918 года надо было с оружием в руках защищать Советскую власть, Яков Федорович Дубровинский создал отряд Красной гвардии и сам стал во главе его. Отряд попал в окружение и, казалось, был обречен. Тогда белогвардейцы предложили, что, если Дубровинский сдастся им, они дадут уйти отряду. Имя Якова Дубровинского хорошо было известно врагам, он был для них завидной добычей. Несмотря на протесты товарищей, Дубровинский принял условие. Отряд был спасен, а Дубровинский оказался в тюрьме и через несколько месяцев был расстрелян.

Ценой своей жизни он спас отряд красногвардейцев — мы называем его поступок подвигом. Но считал ли он себя героем? Нет, не думаю. Он поступил так, как должен был поступить коммунист.

Не считали себя героями и Паша Путилова и Яков Боград. Они были коммунистами и в любой обстановке делали то, что требовалось партии.

*

Вашему поколению, ребята, в самом деле «не осталось ни войны, ни революции». Но жалеть об этом не стоит. На ваше счастье, вам осталось множество великих дел — техническая революция, строительство новых городов, освоение Земли и Космоса...

И, конечно, вам будут завидовать! Когда вам минет столько лет, сколько мне сейчас, мальчишки и девчонки со вздохом скажут:

— Какие вы счастливые! Какая героическая была у вас юность!

А ваша задача ясная: найти в великом деле своего поколения простое, нужное дело для своей пары рук.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

ЭЙ, СМОТРИ, РАДУГА!

Б. ПОТАПОВ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

РАССКАЗ

В начале был свет...

Просачивался из щелей между бревнами из узкого, мутного оконца. Из прорехи соломенной крыши падал светло-оранжевым столбом, постепенно наполняя собой длинное помещение конюшни.

Конюшня с деревянными перегородками, яслями вдоль стен, с истоптанной копытами землей была пуста.

Только в углу на свежем сене в яслях спал мальчик. Накрытый солдатским бушлатом, в шапке с красной звездой, надвинутой на глаза, спал тихо и спокойно...

Далекое тонкое ржание донеслось с полей...

То ли этот призывный звук, то ли теплота утреннего солнца разбудили его, но мальчик проснулся, приподнялся, поправил шапку, и на мир глянули удивленные глаза...

По деревенской улице рысцой бежит лошадь с седоком. Легко сидит пацан, по-казацки, будто он и лошадь — одно целое. А раздели их, оба ни то ни се: пацан маленький, бушлат чуть ли не по земле волочится, шапка на глаза налезает. Конь его старый, худой, на ребрах бабам белье стирать можно. Но есть у них свое, особое: у пацана глаза прозрачные и звезда рубином на шапке горит, а у коня осанка военная, на плече метка — тоже звезда и номер полка, где служил конь.

У своего дома пацан остановился, привязал коня к изгороди, на крыльцо взбежал. Доска соскочила со ступеньки, еле держится на гвозде. Непорядок в доме. Тут же и молоток и гвозди нашлись... Прибил пацан доску, ногой притукнул: крепко ли держится? Сразу видно, хозяин в дом вошел.

Стол, длинный дубовый, потемнел от времени. На столе — крынка молока, кусок серого домашнего хлеба, печеная картошка. Корочка так и хрустит на зубах. Вкусно!..

В углу мать сидит, вяжет, на кормильца своего глядит. Худая мать стала, синие круги под глазами. Глаза большущие! Жалко мать!..

Мать встрепенулась, взгляд сына поймала и сказала тихо так, точно бумагой прошелестела:

— Ты, Павлушка, ешь побольше... А то жилочка у тебя тонкая, а работа тяжелая. Надорвешься...

— Сыт я, мам. Спасибо,— сказал Павлушка и по-мужицки локтем сдвинул посуду в сторону.— Мне сегодня хлеб на станцию везти. Тетка Марфа велела моего запрягать,— как бы между прочим сказал Павлушка...

— Отца нет, так малое дите на работу...— тихо сказала мать, не поднимая глаз на сына.

— Некому больше, мам. Все бабы в поле. А из мужиков один я в деревне... Последний воз везу. Тетка Марфа говорит, что это хлеб для бойцов наших... Им, поди, тоже несладко на войне...

— Федьку могли бы послать. Он старше и здоровее тебя, сынок.

— Ему тетка Марфа не доверяет. Он сопли-то свои вытереть не может... Так что мне везти.

На печи что-то заерзало, и рядом с Павлушкой грохнулся тяжелый валенок.

— Аленка проснулась,— заулыбался Павлуша. Он встал и подошел к печке.

С печки поднялась лохматая рыжая голова...

— Уууу! — завыла голова. — Ууу!..

Из-под мочалки, наброшенной на голову, на Павлушку глядели насмешливые глазенки.

— Боязно? — шепотом спросила Аленка.

— Ага! Прямо как домовик,— тоже шепотом ответил Павлуша.

И оба засмеялись...

— Конягу не жалей. В жалости в наши времена червяки заводятся,— поучает тетка Марфа.

Она и Павел на паперти старой церкви стоят, где зерно хранится и разный колхозный инвентарь...

Тяжелые мешки с зерном грузит в телегу тетка Марфа.

Схватит мешок за уши, как бы поколдует над ним и... раз... приподнимет его. И вот мешок уже на ее широченной спине. Сильная женщина — тетка Марфа, председатель колхоза!

— Постарайся до закрытия склада доехать и по дороге хлебушек не растерять,— говорит тетка Марфа с мешком на спине.

Взвалила последний мешок на телегу. Перевела дух.

— Надысь наша Ксюша повезла зерно в район сдавать, да не тому дяде сдала...

Павлуша голову отворотил, нетерпеливо слушает. С обидой сказал:

— Могли бы мне не говорить... Своя голова на плечах есть...

— Знаю, что есть. Иначе не послала бы... Последний воз, довезешь — чистенькие перед своими мужиками будем. Сама бы повезла, да времени нет. Баб на озимую пашку поднимать надо.

Марфа обошла воз, проверила, все ли в порядке, оглядев лошадь, покачала головой:

— Ну и одер у тебя, Павел Никитич. Боюсь, эти сто пудиков не дотянет. Дала бы другого, да все в работе... Довезешь?

— Сдюжим. На нем, может, сам Буденный в атаку ходил,— сказал Павлуша.

Марфа с сомнением посмотрела на лошадь, на Павлушу и строго сказала:

— В атаку ходить — ни себя, ни коня не жалеть. Ты не жалей его. Хлеб довезти надо... Топор и харчи взял?

— При мне.

— Давай я тебя поцелую на дорожку, мужика нашего.

— Не надо... Поехал я. — И Павлуша тронул лошадь.

— Постой-ка,— остановила его Марфа. Подняла с земли кусок кирпича и на высоком борту телеги вывела неровными буквами: «Зерно фронту».

— Жалко, кумача нет. Бабы на платки порезали. Вот раньше было...

— И так сойдет,— сказал Павлуша.

— Сойдет,— вздохнула Марфа.

— Тетка Марфа, а что такое радуга? — вдруг спросил Павлуша.

— Зачем тебе?.. Пыль это водяная, после дождя бывает...

— Это я знаю...

— Знаешь, а спрашиваешь. Трогай...

И телега тронулась. Мешки задвигались на ней, как живые...

Павлуша все оглядывался и оглядывался назад и еще долго видел крупную фигуру тетки Марфы на паперти старой церкви...

Белая дорога, долгая дорога. Бежит она за деревню в поле, мимо леса, поднимается по склону к самому небу...

Павлуша лежит поверх мешков, смотрит в небо...

Оно глубокое, с мутноватым отливом легких облаков...

Размеренно, плавно шагает коняга...

Молодые березки падали под топором...

Павлуша обрубал ветви, сноровисто тесал, откладывал в сторону...

И вот уже нарублена целая куча небольших бревен...

Воз с зерном стоял рядом с мостком через овражек.

Мосток давно не чинен, некому было руки приложить: бревна подгнили, провалились...

Умело, не спеша наводил Павлуша мосток. Подгонял бревна, подравнивал их...

Готов мост, забелел березовым настилом.

Осторожно повел лошадь Павлуша.

Колеса наехали на бревна. Те прогнулись, заскрипели, но воз выдержали.

Застряли в овраге, прямо посередине чужой деревни.

Павлуша тянул под уздцы, и лошадь, напрягаясь, задирая голову, пыталась подняться на пригорок, вывезти...

Тяжело груженная телега перетягивала обессиленного коня...

Собрались дети. Чуть поменьше Павлуши, они с любопытством наблюдали.

Павлуша не обращал на них никакого внимания. Он ходил вокруг телеги, не зная, что предпринять. Попытался подтолкнуть телегу, но вызвал этим только смех детей.

Девчонка почти одного роста с Павлушей неожиданно показала на него пальцем и крикнула:

— Мужичок! Мужичок с ноготок!

И дети запрыгали вокруг Павлуши, завизжали от восторга:

— Мужичок с ноготок! Мужичок с ноготок!..

Тогда, сделав страшное лицо, Павлуша повернулся к детям и повелительно, по-взрослому крикнул:

— А ну, брысь отсюда, мелочь пузатая! За уши всех отдеру! Ну-у!..

Дети отступили и затихли, но не разбежались. Стали наблюдать...

А «мужичок с ноготок» поправлял упряжь, дергал вожжи, крича охрипшим голосом:

— Но! Но-о, милый, вывози!

И каждый раз телега с зерном скатывалась на дно оврага.

Из соседнего дома вышел хромой мужик в новой рубахе навыпуск. Лицо заспанное....

Подошел к телеге, долго разглядывал мешки с зерном, щупал, стучал по ним кулаком.

— И как тебе доверили пшеничку везти? — Мужик нахлобучил Павлуше шапку на глаза.— Смотри, над тобой ребятня смеется... Эх, война, война! — вздохнул мужик, зевая. — Вот что, хлопец, половину я сброшу, а остальное повезешь. Легче будет твоей кляче...

Не дожидаясь ответа, мужик попытался поднять мешок с телеги, но не смог...

Хотел взвалить на спину и тут увидел лицо Павлуши прямо перед собой.

— Положьте, дядя...

— Помочь тебе хочу. Все не довезешь, а за мешок я тебе телегу вывезу.

— Сам вывезу. Не трожьте! — Павлуша стоял перед мужиком и мешал поднять мешок с зерном.

Телега медленно стала подниматься из оврага.

— Ну-ка, отойди! После договоримся...

И мужик оттолкнул Павлушу. Тот упал, но тотчас вскочил и выхватил из телеги топор.

Мужик моментально отцепился от мешка и отскочил.

— Ты это чего, а?! В тюрьму захотел?.. Тьфу! Ведь зарубить мог, убить человека! — взывал мужик к детям, а сам пятился от Павлуши.

— Ну, смотри! — грозил мужик.— Без меня не выберешься. Ночевать здесь будешь... А ночью мы с тобой поговорим.

И ушел в дом.

Павлуша готов был заплакать от бессилия и обиды, но вокруг стояли дети. Стояли молча, притихшие и напуганные...

Конь уже не пытался стронуть телегу.

Тогда Павлуша решился. Он срезал ивовый прут и стал бить лошадь. Бил несильно, больше кричал.

Конь встрепенулся, поднял морду и тихо заржал...

Павлуша отбросил прут, сел на пригорок...

И тут появился дед. С седенькой бородкой, с клюкой и, наверное, мудрый, потому что сразу понял положение Павлуши.

— Правильно, сынок, животину беречь надо. В хозяйстве пригодится.

Дед осмотрел коня.

— А лошадь была справная, отслужила свое... Если мешки скинуть,— начал рассуждать дед,— то кто их обратно положить сумеет? Никто. В деревне такого мужика не найдется. А энтого борова просить: молоко в решето доить. Ничего, мужики с фронта вернутся, они ему рога отпилят.

— Как же быть, дедушка? Ему помочь надо. Посмотрите, какой он маленький,— заговорила девчушка.

— Мал, да удал. Видишь, ему зерно доверили везти, хлеб фронту.

— А что здесь думать-то, соберем ребят и вытащим телегу,— убежденно сказала девчушка.

— Это ты, коза, хорошо придумала. Бегите, зовите всех мальцов. Всей коммуной мы что хошь своротим...

— Петька, за мной! — приказала девчонка и побежала в один конец деревни.

Двое Петек, как по команде, бросились за ней.

— Ну, а ты? Тебя это не касается? — повернулся дед к оставшемуся пареньку. Тот бросился за девчонкой.

— В другой конец беги! — крикнул дед.

Паренек резко повернулся и побежал в другой конец деревни...

— Ну, бесенята, разом взяли! — скомандовал дед и потянул коня.

Ватага ребятишек мал мала меньше, в пестрых одеждах с чужого плеча, с головками, выгоревшими на солнце, босиком, разом налегла на телегу, на борту которой кирпичом было написано: «Зерно фронту».

Кто толкал задок телеги, кто — колеса, кто тянул за оглобли.

Самому маленькому не повезло: его оттолкнули, и он, сидя на дороге в пыли, ревел.

Остался не у дел и Павлуша. К телеге невозможно было протолкнуться. Десятки детских рук толкали телегу.

И конь, словно понимая, что это последний шанс вывезти воз с хлебом, скользя копытом по земле, шел за дедом.

Телега медленно стала подниматься из оврага.

И вот она уже катится вдоль деревни, по бокам бегут ребята, радостно кричат...

Коня ведет уже сам Павлуша, и своей счастливой улыбкой он похож на детвору, которая окружает его.

Малыш перестал плакать, видя, что на него никто не глядит, вскочил и побежал следом...

Один дед отстал. Он ковылял за орущей ребятней. Серьезный, сосредоточенный, шептал про себя:

— Пусть обновятся праздники ваши, сынки! Лютое время нынче.

Трое их теперь на дороге: девчонка, Павлуша и конь.

— Ты городская?

— Да, мы с мамой приехали из города. Там голодно очень...

— А ты знаешь, что такое радуга?

— Это очень просто. Мы по физике проходили. Это спектр. Солнечные лучи расщепляются в капельках воды, и получается радуга. Разве ты не знал?

— Некогда мне учиться, работаю я...

— Вообще радуга,— начала учительски пояснять девочка,— это все цветное. Даже в этих цветах есть радуга. И в траве и в деревьях...

— Значит, и в моем коне тоже есть?

— Конечно. Во всем живом.

— И во мне и в тебе?

— Да,— подтвердила девочка.

Павлуша с недоверием оглядел себя, потом — девочку, усмехнулся.

— Врешь ты все,— сказал он грубо.— В радуге много цветов, а ты вся белая и ресницы у тебя белесые.

Девочка обиделась, отвернулась.

— А ты грубый и глупый,— сказала она и побежала прочь.

Станционный склад был длинный, со множеством дверей, и на каждой двери висели большие замки.

Стало темнеть, когда Павлуша остановил коня у одной из дверей.

На табличке стояла надпись: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗЕРНОЗАГОТОВКА.

Подошел сторож с ружьем.

— Ты чего здесь? Здесь нельзя, не место.

— Не видишь, зерно привез.

— А ты не видишь — на замках все. Раньше нужно приезжать. Где мать, где отец? Зови их, я им сейчас разом разобъясню...

— Один я...

— Как один? Из какого колхоза?

— Из «Зари» я!..

Сторож присвистнул от удивления, внимательно осмотрел Павлушу.

— Тридцать верст отмахал. На таком одре — такой воз? М-да! Пойду Якова Савича позову. Ты жди, придет, примет. Недалече здесь.

Винтовка стояла у стены. Сторож вместе с кладовщиком Яковом Савичем таскали мешки на склад.

Сгибаясь под тяжестью, они медленно взбирались на помост и скрывались в дверях зернохранилища...

Павлуша распряг коня, отвел в сторону и сказал ему:

— Пасись здесь. Трудно было? Сейчас всем тяжело. Завтра утром домой налегке поедем...

Он обнял коня за тяжелую, понурую морду, дал ему кусок черствого хлеба.

Конь вздохнул и прикоснулся своими мягкими губами к лицу мальчика.

На лежанке в будке у сторожа Павлуша пил чай и слушал сторожа. Тот рассказывал:

— Лошадь, она все чувствует. Сердце у нее большое. Я бы таким геройским лошадям ежедневно порцию овса выдавал в качестве медали. А на старости лет отпускал бы на волю, пусть себе пасутся на зеленом лугу... Правильно я говорю, Павел Никитич?

— Правильно,— подтвердил Павлуша, прихлебывая чай.

— Так... Почаевничал я с тобой и хватит. Склад надо обойти, а то мало ли что. Всякое может быть...

— Дядя Ефим, как ты думаешь, что такое радуга?

Дядя Ефим приостановился в дверях.

— Радуга?.. Это штука такая, что понять ее нет возможности. А если поразмыслить, то это дуга такая, из разных цветов сделанная. В нее стреляй, стреляй из ружья — она все равно не рассыплется...

Но Павлуша уже не слышал его. Он спал и во сне улыбался.

Сторож осторожно прикрыл его одеялом и вышел из будки.

Утром Павлуша проснулся рано, с тревогой предчувствуя, что что-то случилось, а он это проспал.

С недоумением он огляделся вокруг.

В окошке увидел серое здание склада, мокрые крыши.

Слышно было, как капала за стеной вода.

Послышались шаги, кто-то шел по лужам.

В дверь протиснулся дядя Ефим. Плащ на нем был мокрый. Поставил в угол винтовку, на скамью бросил плащ. Все неторопливо, с неестественным спокойствием. Долго смотрел на Павлушу.

— Какие сны видел? Гроза ночью прошла, не слыхал, небось?

— Нет.

— Спал, значит, крепко. Сон у тебя молодой, а я не могу по ночам спать, всякие кошмары во сне изображаются.

Павлуша встал, стал одеваться...

— Ты, Павел, лошадь свою не ищи. Нету теперь твоей лошади.

— Как нет?

— Пала твоя лошадь. Издохла, значит. В овраге лежит.

Хлопнув дверью, Павлуша выбежал вон...

Над оврагом с криком летало воронье.

Павлуша, утопая в грязи, подошел к телеге. В ней лежала вся упряжь его коня.

Надпись на борту смыло дождем, она была еле видна.

Четкими буквами он снова вывел надпись: «ЗЕРНО ФРОНТУ».

Все кругом было омыто дождем. Там, далеко над лесом, шла гроза. В ее сторону и шел Павлуша. На плече — конская упряжь.

У развилки дороги его догнал солдат:

— Эй, парень, закурить не найдется? Махра вот кончилась.

Павлуша достал кисет.

— Ты что не на войне? — спросил он.

— Не годен я теперь для войны. Ищу вот, где в мирной жизни могу пригодиться.

— А дом твой где?

— Теперь вся земля для меня — дом.

— Семейный?

— Был. Теперь все дети — мои дети. Значит, и ты. Понял?

— Понятно,— солидно сказал Павлуша.

— Раз понял, давай прощаться. Тебе — в одну сторону, мне — в другую.

Они пожали друг другу руки и разошлись.

— Эй, смотри, радуга! Знаешь, что это такое? — крикнул солдат.

— Знаю,— ответил Павлуша.

Гигантская радуга, как цветные ворота, висела над полями, и в эти ворота входил Павлуша. Входил, как в свою новую, уже взрослую жизнь.

«ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ!»

На нашей огромной планете — больше миллиарда ребят. У них разный цвет кожи, они живут в разных странах, и первое, самое доброе слово на земле — «мама» — каждый произносит по-своему. Но где бы ни жили твои сверстники: в солнечной Болгарии или в снежной Финляндии, в жарком Конго или в суровом Вьетнаме, — они любят писать стихи и рисовать, увлекаются музыкой и фотографией. И, конечно, мечтают. Мечтают о своем будущем и будущем своей родины. Мечтают о мирном небе, о добром солнце, о верных друзьях.

Космонавты, когда облетали Землю, видели необычайную ее красоту. Но видели и другое — пожары в джунглях Вьетнама. Они видели истерзанную, многострадальную землю...

И гнев народный, подобно урагану, поднимается повсюду против тех, кого называют главными палачами XX века, врагами детства, — империалистов. В этой борьбе рядом со взрослыми ты, твои друзья по дружине, твои зарубежные сверстники. В едином строю. Плечом к плечу.

Советские пионеры предложили написать необычную книгу под названием «Пусть всегда будет солнце!». Ее авторами станут сами ребята. Они расскажут о себе и времени. О чем мечтают. Кем хотят стать. Как помогают старшим сохранить мир на земле.

Эта весть разлетелась, как бумажные журавлики, по всему свету. И в разных странах ребята взяли в руки карандаши и ручки, кисточки и фотоаппараты, ватман и простой листик из школьной тетради. Пионеры Франции пишут о «Кавалькаде дружбы» — детском празднике мира. Мальчишки из Мозамбика — об охране границ районов, освобожденных от португальских захватчиков. Венгерские пионеры — о дружбе с пионерами Вьетнама... У книги «Пусть всегда будет солнце!» — миллионы авторов.

А что ты, наш дорогой друг, напишешь для этой книги дружбы и солидарности? Какой пошлешь рисунок или фотографию? Может быть, ты предложишь оригинальную тему обложки книги? Подумай сам. Подумайте в отряде все вместе. И самые интересные стихи, рассказы, фотографии, карикатуры, рисунки присылайте к нам в редакцию или в «Пионерскую правду».

Книга «Пусть всегда будет солнце!» — это книга о мире и счастье, о борьбе и солидарности детей всех стран.

Стихи вьетнамских детей

Подойди к глобусу или большой карте мира, отыщи 17-ю северную параллель. Она проходит через многие государства: Мексику, Алжир, Египет, Индию, Вьетнам. Во Вьетнаме к северу от параллели власть принадлежит народу. В южной части хозяйничают ставленники американских империалистов.

Прочти стихи твоих вьетнамских сверстников. Многие из них учатся в наскоро сколоченных школах, к которым ведут не тропинки, а глубокие траншеи. «Все дома Вьетнама соединены одной траншеей»,— говорят вьетнамцы. Траншеи ведут от дома к дому, стихи — от сердца к сердцу. Траншеи надежны, когда они достаточно глубоки. Стихи хороши, если они глубоки по мысли и чувству. Тогда они объединяют людей.

Именно такие стихи стараются писать вьетнамские ребята.

Н. РАЗГОВОРОВ

Глобус

ХОАНГ ХИЮ НХАН,
10 лет

Мне подарили глобус.
На глобусе пять океанов и пять континентов.
Стоит только коснуться рукой,
И он начинает вертеться.

Перед глазами проходят
Европа и Африка, Америка, Азия.
Я не знаю, какая страна самая богатая.
Но я знаю, что прекраснее всех
И отважнее всех
Моя Родина.

ДО НГОГ ТХОНГ,
8 лет

Я танцую

Я танцую,
Зеленеет в поле
Рис.

Я танцую,
Трактор радостно
Гудит.

Я танцую,
И в атаку мы
Идем.

Я танцую,
Янки в панике
Бегут.

Я танцую,
И встает зеленый лес
Там, где были
Только голые холмы.

Я танцую,
И от стройной пальмы тень
На поляне все длиннее и длинней.

Я танцую
Все быстрее и быстрей,
Мы не дрогнем, не отступим,
Победим!

НГУЕН ХОНГ КИЕН,
9 лет

Дедушка

Даже если солнце прячется за тучами,
Мой дедушка встает рано.
Он разводит в плите огонь,
И чайник запевает веселую песню.

У дедушки седая борода и седые волосы,
Он садится за швейную машину.
По материи бегут прямые швы,
Прямые, как его жизнь.

Солдатская куртка изодрана —
Дедушка ее чинит.
Крестьянская куртка износилась —
Дедушка ставит заплаты.

Но с каждым днем его спина
Горбится все больше и больше.
Пусть янки убираются из нашей страны.
Пусть вернутся домой мой отец
и его братья.
Дедушка от радости помолодеет.

Котенок

Тихо-тихо в нашем доме.
Фру-фру-фру!
Это маленькая мышка
Осторожно-осторожно
Подбирается к кувшину с белым рисом.
Зерна риса испугались.
Притаились.
«Ха-ха-ха!» — смеется мышка.
«Хи-хи-хи!» — усы трепещут.
Прыг!
Котенок из-под стула,
Словно молния, метнулся.
И едва-едва успела
Мышка снова скрыться в норке.
Тихо-тихо в нашем доме.
У кувшина с белым рисом
Спит свернувшийся котенок.
А в кувшине
Фру-фру-фру!
Смеются дружно
Зерна риса.

КАМ ТХО,
11 лет

Осень

Смолкли трещотки цикад.
Жаркие дни прошли,
Пионерские красные галстуки
На улицах всюду цветут.

Мы — шумные стайки птиц,
И добрая нянечка — осень
Зовет нас вернуться в школу.

ДОАН ТХИ МАИ ТХАН,
12 лет

Мой буйвол и я

Над холмами встало солнце,
Просыпайся, буйвол мой,
Посмотри: трава смеется,
Вся покрытая росой.

В путь! Пойдем туда, где травы
И нежны и высоки
И цветы бегут оравой
К голубой воде реки.

Мы идем тропинкой нашей,
А с холма веселый мирт
Нам с тобою веткой машет:
«С добрым утром!» — говорит.

Что ты смотришь? Наше место
Подле рисовых полей!
Не скучай и слушай песню,
С ней дорога веселей.

Над холмами светит солнце,
На тропинке буйвол мой,
И вокруг трава смеется,
Вся покрытая росой!

Рисунки П. БАГИНА.

ИБН САКР— Сын Орла

Алексей ВАСИЛЬЕВ

Рисунки Ю. КОРНЕЕВА.

В Азии и Европе, в Америке и Африке — на всех почти земных континентах есть города и страны, где сегодня идут бои и льется кровь. Патриоты, любящие родину и свободу больше жизни, восстают против угнетателей и расистов, против чужеземных хозяев-колонизаторов. В одной из таких стран, английской колонии Оман на Аравийском полуострове, побывал недавно автор этого очерка.

Раб... С этим словом мы обычно связываем картины из учебника истории. Тысячи невольников, подгоняемых бичами надсмотрщиков, строят египетские пирамиды. Полуобнаженные люди добывают медь на копях в Древней Греции. По улицам Древнего Рима в цепях проходят пленные — жертвы набегов имперских легионов. Еще в прошлом веке охотники за «живым товаром» вылавливали в африканских джунглях негров, отправляли их в трюмах судов за океан, на хлопковые плантации американских рабовладельцев.

Если бы мне сказали, что я увижу своими глазами рабов, я бы, наверно, рассмеялся. Но...

Вы садитесь в самолет, обыкновенный современный транспорт. И вдруг самолет как бы превращается в фантастическую машину времени, и вы, пролетев тысячи километров, попадаете в другую эпоху. Взгляните на карту. Если лететь из низовьев Волги на юг через Каспийское море, вы пересечете Иран, Персидский залив и попадете на Аравийский полуостров, в султанат Оман. Он принадлежит англичанам — крупным капиталистам, генералам, лордам. Так вот, в этом султанате я и побывал. Море здесь сине-зеленое, теплое, как чай, только в нем нельзя купаться: много акул. Песок на берегу желтый-желтый, покрытый пирамидками — это большие морские крабы построили себе жилища.

Город Салала—один из главных городов султаната. Он весь построен из глинобитных домов с плоскими крышами. Город кажется веселым и приветливым, особенно утром, когда не очень жарко и ветер не обжигает, а ласкает.

Но почему угрюмы лица людей в Салале? Почему так часто здесь слышен женский и детский плач? А потому, что в городе почти каждый четвертый — раб. Да-да, настоящий раб. У высоких глиняных заборов иногда раздается тихий звон кандалов, и между сидящими на земле людьми ходят толстые мужчины в белоснежной длинной одежде, рассматривают зубы «живого товара», заставляют рабов раздеваться, показывать свою силу и ловкость.

Мальчика Убейда оторвали от матери, когда ему было восемь лет. Он долго тосковал по ней, и по ночам ему снились ее горестные вопли, когда она умоляла знатного шейха сделать милость и купить ее вместе с сыном. Но кому из хозяев

нужна больная, слабая женщина! Мальчика продали одного.

Убейда дрессировали, как собаку, чтобы сделать из него слугу, верного и покорного. Он должен был просыпаться затемно, бежать к колодцу и тащить тяжелый бурдюк с питьевой водой, вместе с кухаркой идти на базар и нести ее громадные корзины, подметать дом, убирать двор. Он очищал от грязи арык, бегущий через сад хозяина, где росли чудесные бананы, персики и папайя — это такие плоды, как дыни, но растут они на дереве. Когда он однажды поднял с земли червивый персик и хотел его съесть, молодой сын хозяина Тарик схватил семихвостную плетку из кожи бегемота и так отхлестал мальчика, что рубцы остались на его спине на всю жизнь. Тарик был доволен, что проучил «черномазого щенка», но он не заметил одного: Убейд не плакал от страшной боли, лишь, как угли, горели ненавистью его глаза.

Своему верному слуге султану Омана Ибн Теймуру англичане разрешили делать, что он пожелает. А султан пожелал, чтобы навсегда его страна осталась отгороженной от нашего времени, чтобы в ней сохранились средневековые порядки. И вот султан издавал указы за указами. В них он запрещал подданным пользоваться электричеством, летать на самолете, носить очки, даже если кто плохо видит, петь и танцевать. Лишь один мальчик из двухсот мог учиться. Но даже в учебниках султан велел вычеркнуть слово «революция» и заменить его словом «бунт», «мятеж».

Однако зачеркнуть слово «революция» в книжке было куда проще, чем помешать ей на деле.

В горах против султана и его покровителей-англичан восстали гордые люди. Они не хотели быть рабами, невеждами, нищими. Они не хотели, чтобы богатство их страны — нефть — разворовывали английские капиталисты, а простым людям в лучшие дни доставались бы горсть риса да кусочек сушеной рыбы. Сначала партизан было немного — человек тридцать. Но любовь к свободе воспламенила и других людей — пастухов, рыбаков, рабов. Они создали народно-освободительную армию и захватили горы.

Салала, где жил султан, ощетинилась пулеметами. Ее окружила колючая проволока в несколько рядов. Англичане прислали подкрепление — наемных солдат. В армии султана почти не было местных жителей, он боялся своего собственного народа и предпочитал нанимать подлецов со всего мира. И лишь некоторые из его подданных соглашались служить в его армии и воевать на стороне англичан. Одним из них стал Тарик, сын хозяина. Он горделиво, как петух, расхаживал в новом военном костюме по пыльным улицам города.

Убейду было уже четырнадцать лет. Он рвался в горы из душной неволи, из собачьей конуры, в которой его заставляли спать.

Однажды ночью, когда луна была совсем тоненьким серпом — здесь по ночам она перевернута обоими своими рогами к земле,— Убейд достал надутую автомобильную камеру и отплыл

В пустыне партизаны используют быстрые отряды верблюжьей кавалерии.

в море. Он знал, что ветер может унести его в океан, он знал, что, в океане и море смельчакам угрожают акулы, но свободу он любил больше жизни.

На следующий день его, совсем измученного, обессилевшего, подобрали рыбаки и переправили в горы к партизанам.

Убейда отпоили густым верблюжьим молоком, и он выздоровел. Командир, который носил густую черную бороду, спросил:

— Что ты хочешь делать?

— Я хочу воевать.

— Ну нет, тебе еще рано. Побудь у нас, когда подойдет караван, мы тебя отправим в школу Ленина.

— Правда?!

Сердце мальчика радостно забилось. О школе Ленина знали все мальчишки Салалы. В высоких, неприступных горах партизаны создали орлиное гнездо для своих детей. Школу назвали именем Ленина — вождя и друга всех угнетенных, учение которого дошло и до этих гор, несмотря на все султанские запреты. Но перед тем как отправиться в школу, Убейду выпало счастье участвовать в боевой операции.

К востоку от Салалы возвышается гора. Она сложена из какого-то черного минерала. Местные жители называют ее «Сковородка шайтана». Экватор проходит совсем недалеко от Аравии, и можете себе представить, как днем здесь палит солнце. Чтобы испечь яйцо, не надо его класть в золу, достаточно закопать в раскаленный песок. Температура измеряется в тени, поэтому говорят: сорок градусов в тени. Здесь же даже в тени температура поднялась бы под пятьдесят градусов, но тени-то не было. Летом, в жару по-

сле девяти часов утра ни один человек не осмеливался забраться на «Сковородку шайтана».

Черная гора лежала в районе, который давно уже был в руках партизан. Рядом с ней по долине проходила дорога, связывающая побережье с несколькими оазисами за горной цепью. И англичане и султанские наемники боялись ездить по этой дороге. Но однажды в селение у подножия «Сковородки шайтана» пришел человек. Он был плохо одет, бос, зарос щетиной. Он ругал англичан и султана, но был упитанным и крепким — ему явно всю жизнь доставался плов с бараниной, а не просто сухая лепешка. Он не понравился крестьянам. Но закон гостеприимства здесь свято соблюдается, и ему предоставили ночлег. Когда же на следующее утро он отправился вниз, его случайно увидел Убейд. Мальчик сразу узнал незнакомца, несмотря на его лохмотья и небритое лицо: «Тарик!.. Что делает здесь этот сын собаки, английский шпион?» Он побежал предупредить командира отряда, но Тарика и след простыл.

Примерно через неделю жители деревушки у подножия «Сковородки шайтана» услышали шум моторов. На бронетранспортерах приехала рота наемных солдат с английскими офицерами. Проводником был Тарик. Врагов было слишком много, командир решил не принимать боя и отвел партизан в горы. Тарик «отблагодарил» жителей деревушки за гостеприимство: собственноручно сжег ее дотла.

Вечером в тайной горной пещере долго горел свет. Совещались командир отряда, комиссар и несколько старших бойцов.

— Принимать бой с противником, который сильнее тебя, противоречит партизанской тактике,— сказал комиссар.

— Будем наносить мелкие удары и уходить,— согласился командир, запустив пятерню в густую черную бороду.

— Давайте нападем со стороны «Сковородки шайтана»? Отсюда нас никто не ждет,— предложил кто-то.

— Но как определить путь? Бойцы никогда не бывали на черной горе. Что, если...

И все вспомнили Убейда. Он был единственным, кто пробирался по «Сковородке шайтана», но только зимой, когда не было так жарко.

Ночью отряд начал подъем на скалу. Бойцы, кроме автоматов, пулеметов и гранат, несли еще кожаные мешки — бурдюки с водой. Когда поднялось золотое солнце, с каждой минутой идти становилось все труднее. В полдень жара стала такой, как будто вы залезли в горячую печь. Пятеро бойцов свалились от солнечного удара, но отряд продолжал идти.

Убейду было трудно. От жажды потрескались губы и распух язык. Пот заливал и ел глаза. Но Убейд шел. Он бы так и не попросил воды, но командир заметил, что мальчик уже без сил. Он дал ему напиться, облил водой его фуражку.

Когда же солнце стало клониться к горизонту, отряд закончил свой переход. Бойцы поднялись на скалу и увидели внизу наемников. Их бронетранспортеры стояли рядом на дороге. Солдаты жарили барана, играли в карты, и вдруг на голову им обрушились пулеметный огонь и гранаты. Вот было переполоху! Наемники бежали. Когда партизаны спустились с горы, они обнаружили лишь убитых. Среди них валялся толстый Тарик, сын рабовладельца. Убейд с презрением взглянул на врага.

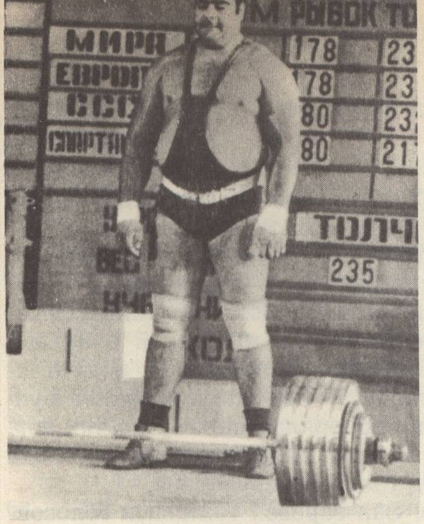
Веселый же пир был в ту ночь у партизан — барашек был уже почти готов, когда начался бой. Перед тем как приняться за еду, командир построил отряд. Он поблагодарил Убейда, расцеловал его и приколол ему на грудь значок с изображением Ленина. Никогда в жизни Убейд не был так счастлив.

Весь отряд вышел провожать мальчика, когда на следующий день караван верблюдов с больными и ранеными отправился в тыловую зону, где находилась школа Ленина.

Я побывал в этой школе-интернате. Правда, она не такая школа, как мы с вами представляем. Здесь нет парт, классных комнат, лабораторий. Здесь всего лишь старые, продранные палатки и круглые хижины, сложенные из толстых сучьев. Рядом с ними бомбоубежище, чтобы было куда прятаться, если налетят английские самолеты. Убейда хорошо встретили в школе и стали называть партизанской кличкой Ибн Сакр — Сын Орла. Одно из первых слов, которые он научился писать, было слово «революция» — то самое слово, которое султан велел вычеркнуть из книг.

Убейд вместе со всеми школьниками мыл посуду, разводил костер, таскал в бурдюке воду, варил рис. Но у него было и другое задание, которым он очень гордился. Убейда, как уже опытного бойца, назначили в отряде на самую почетную должность: он стал командиром пионерского караула, который с винтовками по торжественным дням стоит у портрета Ленина. Там я его и увидел — вчерашнего раба, который навсегда стал свободным.

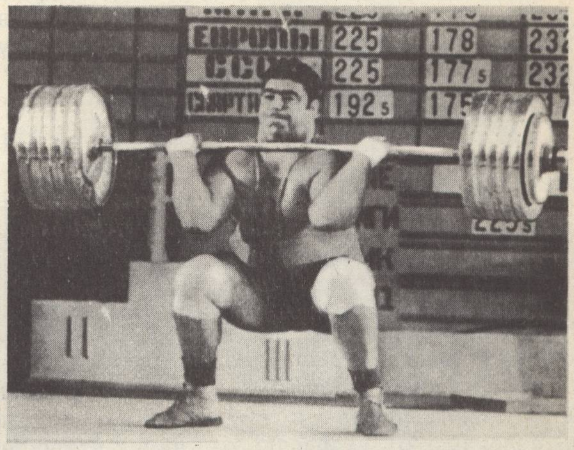
В отрядах партизанских школ Омана ребята изучают революционную политграмоту и военное дело. Совет командиров отрядов назначает дежурства. Так из отдельных отрядов и дружин рождается будущая пионерия Омана.



ЖЕЛЕЗНАЯ ИГРА

В. ВОЛКОВ

Фото В. КУТЫРЕВА.



...В 1955 году в Москву приехал американский штангист Пауль Андерсон. Он весил сто семьдесят килограммов. Его прозвали «подъемным краном». Он первым в мире в сумме классического троеборья (жим, рывок, толчок) набрал 500 килограммов. Журналисты США объявили его результат «рекордом на века». Потом Андерсон добавил к этому весу еще двенадцать с половиной килограммов. «Фантастично!» «Неповторимо!» «Феноменально!» — эти слова обошли всю мировую прессу.

В то время Васе Алексееву было всего двенадцать лет...

Этот далекий, чужой Колумбус

Чемпионат мира по тяжелой атлетике 1970 года проходил в американском городе Колумбусе.

Один американский миллионер учредил специальный кубок для того, кто толкнет штангу весом в 500 фунтов. «Дадим бой русским!», «Пора нарушить скверную традицию проигрывать России!», «Только победа в командном зачете спасет наш пошатнувшийся престиж», — заявил чемпион США Дьюб.

— Ну что ж, если они просят боя, мы его дадим, — сказал тренер сборной Василию.

— Дадим! — спокойно подтвердил Алексеев.

Судьи на чемпионате делали все, чтобы советская команда проиграла. Не засчитывали вес, подвергали спортсменов унизительной проверке — не принят ли допинг. Но старались не только судьи...

Завтра выход на помост Василия Алексеева. После тренировки он пришел в номер гостиницы. За окном шумел город. Вечерние огни еще раз напомнили: пора спать. Но не успел Василий закрыть глаза, как зазвонил телефон.

— Вам кого? — строго спросил тренер.

В трубке — короткие гудки.

Через несколько минут снова звонок.

И опять в трубке гудки.

— Проверяют наши нервы, — сказал тренер, в который раз снимая телефонную трубку.

— Дай-ка я поговорю, — спокойно сказал Василий и протянул руку к телефону. В его руке осталась трубка, а шнур уныло повис около аппарата.

— Так, пожалуй, спокойнее... Давай спать! И Василий повернулся к стене.

Через полчаса он проснулся от неприятного запаха. Вскочил и увидел, как из-под двери течет какая-то пахучая жидкость.

— Вот негодяи!

Он открыл дверь и успел схватить за шиворот двух типов, стоявших в коридоре под дверью номера. Он ничего не сказал им. Молча столкнул их лбами и швырнул в темноту коридора.

«На лес смотрел, с плотогонами дружил...»

Вася просыпался с первым солнечным лучом. Выпивал залпом кружку холодного молока, натягивал пропахшие смолой и рыбой шаровары и опрометью выбегал из хаты. В такие минуты его тревожила одна мысль: «А вдруг старшие ушли...»

— Что, Васек, не спится? — говорил отец. — Небось, опять с нами на Двину собрался?

Вася кивает головой и слышит, как хлопает калитка. Он знает — это мама. Вчера она уговаривала его не ходить к лесорубам.

— Ты только посмотри на карельскую сосну, — говорила она. — В небо уперлась, а ты валишь ее. Опасная это работа, сила тут нужна мужская.

Вася прощается с матерью. И она знает — мальчишку не уговоришь.

От леспромхоза, где жила семья Алексеевых, до Двины несколько сот шагов. Река — великан. Плывут караваны барж. Гудят на берегу мощные электропилы. И кругом лес, лес, лес...

Загорелые мужчины, ловко орудуя баграми и шестами, гонят по течению плоты. Однажды Вася видел, как его отец поделился завтраком с одним из плотогонов.

— Папа, это твой друг? — спросил мальчик.

— Он плотогон! — ответил отец.

Река учила мальчика мужеству, в лесу он набирался сил. Он не хотел отставать от старших — от плотогонов и лесорубов. Вася никогда не слышал от них слова «я», только «мы».

В свободные минуты он брал в каждую руку по булыжнику и проделывал с ними замысловатые упражнения.

Как-то со старой баржи сбросили кусок ржавого рельса. Братья помогли Васе дотащить его до дома. Он сколотил себе помост в саду и стал регулярно упражняться с этой железякой. Потом рельс показался ему слишком легким, и он нанизал на него тяжелое железное колесо. Это была его первая штанга...

Позже, когда Вася переступил порог школы тяжелоатлетов, его спросили, откуда у него такая силища.

— Я на лес смотрел, когда рос, с плотогонами дружил, когда вырос, — пошутил Алексеев.

Чемпион мира

...Василий проснулся так же неожиданно, как и уснул. Вдруг он расхохотался.

— Чему радуешься? — удивился тренер.

— Плакал сегодня приз миллионера...

Алексеев вышел на помост, спокойный и собранный. Тщательно натер магнезией руки, попробовал гриф штанги. И посмотрел в притихший зал. На штанге — 500 американских фунтов. Такой вес не покорялся никому до сих пор.

Вот он берет штангу. Еще мгновение — и она взметнулась над головой спортсмена.

Что тут было! Зал заревел тысячами голосов. Аплодисменты и объятия друзей.

— Подкиньте-ка еще полкилограммчика, — шутит Василий, теперь уже чемпион мира. — От лесорубов...

И в следующем подходе Василий, словно играючи, толкает штангу. Легко сказать, играючи. Многим неведомо, что только за одну тренировку он поднимает... двадцать тонн, что семь потов сойдет, прежде чем Василий скажет: «На сегодня хватит».

Из Колумбуса он уезжал в радостном настроении. Нет, его не так уж радовал кубок миллионера и платиновая заколка, подаренная ему президентом США Никсоном. Не стоило только из-за этого лететь через океан. Его радовала победа всей советской команды. Много потом будет побед и рекордов. Но чемпионат в Колумбусе останется в памяти на всю жизнь: здесь он стал чемпионом мира.

Президент пионерского клуба

Весной 1971 года состоялся софийский чемпионат Европы, где Алексеев завоевал звание чемпиона континента, покорив 630 килограммов. В одной из гостиниц Софии для спортсменов был устроен прощальный вечер. Играла музыка, спортсмены разных стран пели «Подмосковные вечера». Среди этого хора мощно звучал голос самого сильного человека Земли — Василия Алексеева.

Когда смолкла песня, один из итальянских корреспондентов спросил Василия Алексеева:

— Господин Алексеев, у вас есть дети?

— Двое, Сережа и Дима, — ответил он.

Потом подумал и сказал:

— Точнее, сто тысяч советских пионеров — членов «Клуба 600». Я президент этого клуба.

«Клуб 600» родился 24 ноября прошлого года на страницах «Пионерской правды». Однажды Василий Алексеев в разговоре с работниками редакции сказал, что хорошо бы по всей нашей стране провести заочные соревнования по различным упражнениям, доступным ребятам. Победит тот, кто наберет больше очков.

Василий Алексеев учредил специальный кубок для победителей.

«Клуб 600» назван в честь рекорда — шестисот килограммов Василия Алексеева.

Когда я был у чемпиона мира в Шахтах, то узнал, что Сережа, его старший сынишка, целый год занимался по программе «Клуба 600». Очков он набрал немало, но до шестисот не дотянул, хотя Сережа при мне больше десяти раз отжимался от пола, много раз подтягивался на перекладине. Два раза в неделю он занимается маленькой штангой, легко поднимает двумя руками 20 килограммов.

— Я не согласен с теми, — сказал Алексеев, — кто возражает против занятий штангой и гантелями в пионерском возрасте. С одиннадцати лет я «качал силу» всякими тяжестями. И, как видите, это пошло мне на пользу, и рост у меня — почти два метра. Но с наскока я никогда тяжести не поднимал, тренировался регулярно.

Соревнования «Клуба 600» доступны всем ребятам. Зеленые лужайки, крутые горные тропинки, быстрые речушки, гимнастический зал, площадка во дворе — это стадионы для всех.

— Недавно я где-то прочел, — продолжал Василий Иванович, — что спортивный рекорд — сплав силы воли и силы мышц. Очень верно. Пусть все члены нашего пионерского клуба сделают эти слова своим девизом.

Вот она, победа! Василий Алексеев стал чемпионом Европы на соревнованиях в Софии.

640! 670? 700?

В 1960 году Юрий Власов на олимпиаде в Риме первый сокрушил мировые рекорды Андерсона, а затем поднял потолок в сумме троеборья до 580 килограммов. Советский богатырь Леонид Жаботинский прибавил потом к власовской штанге еще 10 килограммов.

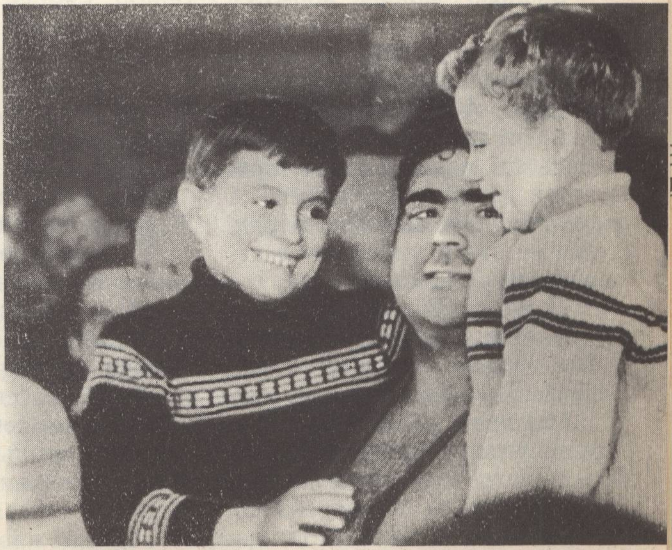
После этой победы заволновались в Америке. Президент обещал поставить в США бронзовый памятник тому американскому спортсмену, который первым покорит шестисоткилограммовый рубеж. Памятник ставить не пришлось. Рекорд родился в СССР. Автор его — Василий Алексеев, заслуженный мастер спорта, лауреат знака Ленинского комсомола «Спортивная доблесть», лучший спортсмен страны 1970 года. На Спартакиаде народов СССР он установил семь мировых рекордов, и теперь мировой рекорд в сумме троеборья равен шестистам сорока килограммам. На последнем чемпионате в Лиме Василий Алексеев, выступая во втором тяжелом весе, установил три мировых рекорда. За год и восемь месяцев он внес сорок семь поправок в таблицу мировых рекордов.

— Какой вес в ближайшее время может стать абсолютным рекордом мира? — спросили у него журналисты.

Василий на минуту задумался.

— Мне думается, на Олимпийских играх в Мюнхене надо будет поднять 670 килограммов, чтобы стать олимпийским чемпионом. Будем надеяться, и 700 килограммов тоже сможет поднять человек. Это сделают те, кто пойдет за нами.

Занимайтесь спортом ребята!
Человеку сильному, закаленному — в учебе легче.
Пусть вашими рекордами будут крепкие мускулы и отличные отметки в дневнике.
Ваш друг — В. Алексеев



Сереже и Диме очень повезло: их папа самый сильный человек в мире.

радиостанция „Здравствуй!“

МЫ — МОСКВИЧИ

Наша родная улица — Университетский проспект. Здесь мы живем и учимся в 25-й школе. Мы — москвичи и хотим, как все москвичи, и взрослые и дети, чтобы наша Москва стала лучшим городом в мире. Что мы для этого делаем? Сейчас расскажем.

Быть городу садом!

Это значит, садом станет каждый уголок Москвы. И тот, где мы живем. А сделать это нам под силу. И вот каждый день после уроков мы идем к домам № 5 и № 9. Они наши соседи, наша школа — дом № 7. Мы приводим в порядок дворы и бульвары, подрезаем сухие веточки у кустов и деревьев. Горьковато пахнет дымком — это мы сжигаем опавшие листья. А весной, когда стает снег, мы придем опять, чтобы вскопать землю, разбить клумбы, посадить новые деревья. Пусть прилетают птицы, вьют гнезда, выводят птенцов!

Берегите лифт

Сколько народу живет в домах № 5 и № 9! И молодые и старые. Утром, как и все москвичи, они спешат на работу. А позже бабушки выходят погулять с внуками. Вечером мамы и папы торопятся домой с покупками. А потом снова выходят нарядные — кто в кино, кто в театр, кто в гости.

Дома высокие. Если лифт ломается, всем неудобно. Вся жизнь нарушается, настроение портится.

Мы придумали: будем опекать лифты. Смотрим, чтобы все было в порядке и лифты работали бесперебойно. Чуть что — даем знать дежурному лифтеру. Пусть лифт бережет людям время и силы, а мы будем беречь лифт.

Трень-брень

В наших подшефных домах много малышей. Они ходят в детский сад. А потом, когда подрастут, придут учиться в нашу школу. Мы дружим. Когда малышам весело, всем вокруг хорошо: и взрослым и старшим ребятам. Мы приходим в детский сад с концертами, делаем ребятишкам лопатки и флажки. А недавно сделали для них к празднику балалайки! Достали фанеру, и пришлось повозиться: не сразу получилось. Малыши ликовали, не хотели расставаться с подарком. Все ходили и бренчали: трень-брень.

Строим сами

Когда мы вырастем, то станем защищать спортивную честь Москвы на соревнованиях. Пусть Москва во всем будет впереди! Скоро у нас на две школы будет стадион. Его строят. А пока мы расчистили спортплощадку, построили беговые дорожки, песочком посыпали. Соревнуемся!

Знай историю Москвы

Если ты москвич, то должен все знать о Москве. Иначе какой же ты москвич? У нас первоклассники знают все интересное о нашей улице. А вторые и третьи классы весь район облазили, обо всех достопримечательностях могут рассказать. Пионеры постарше собирают материал о комсомольцах с нашей улицы, погибших в войну. У нас есть постоянная выставка «Вечно живые». Любой может прийти к нам в гости. Мы покажем выставку и расскажем, что сами знаем о Москве и ее героях.

Каждый должен вырастить цветок

Такое у нас постановление. Если кругом цветы, кажется, что праздник. Вырастить цветок надо дома и принести его в школу. Когда сам следишь, как разворачивается каждый листик, то потом и за свой цветок болеешь и за все другие! У нас в пионерской комнате уже сад. Цветы на всех окнах. От ребят отбою нет. Все хотят знать, как себя чувствуют их питомцы. Особенно к зиме, когда холодает и от окон дует. Есть у нас ребята — настоящие специалисты по цветам. Вот Галя Долинина — все знает про кактусы. У нее даже есть медаль ВДНХ за отличные кактусы. А Костя Петров все цветы любит. Он каждую перемену торчит у окон с цветами.

«Искорка»

Так называется книжный киоск во Дворце пионеров. Там мы продаем книги. Москвичи приедут во Дворец пионеров — купят книжку. Гости приедут из других городов и сел — тоже книжку увезут, и не одну. Работать в киоске — для нас честь.

Это не все наши дела. Об одних мы решили пока не рассказывать, а других еще не придумали. Но нам хочется знать, что другие ребята делают, чтобы в их городе или селе жилось лучше. Напишите нам!

Коля Максимов,
Наташа Блохина,
Лена Силуянова,
Володя Макеев,
г. Москва, 25-я школа.

Таким прекрасным, солнечным и веселым виделся Артек Саше Федорову, когда он мечтал отправить туда весь свой отряд.

И. ГОЛУБЕВА

ПУТЕВКА В АРТЕК

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

Марину Климкину и Сашу Федорова рассадили на разные парты совсем недавно. Рассадили за то, что часто ссорились. Доставалось всегда Саше: Марина была выше и сильнее его. Но Саша до сих пор жалеет, что Климкина сидит не с ним. Марина тоже собирает марки. Это уживается в ней с непонятной и позорной слабостью к открыткам с киноактрисами. Саша не находит в них ничего особенного, но приходится верить Климкиной. Она говорит, что актрисы красивые, и меняет три отличных марки на открытку с портретом актрисы из ГДР... А Саша до потемнения в глазах и дрожания в коленках любит марки незнакомых стран. Чем неведомей страна, чем причудливее звучит ее название, тем страшнее и радостнее брать марку в руки.

Когда на перемене Климкина подошла к его парте, он сосредоточенно разглядывал марку, поперек которой витиевато было что-то написано.

Марина дружелюбно смотрела на Федорова.

— Чего свет загораживаешь?..— Саша неохотно поднял голову.

— Знаешь, нашему классу одну путевку в Артек дали.

— Ну да?.. Здорово! Честное слово, нам дали?

— Нам, нам,— торопливо подтвердила Марина.— У нас неуспевающих меньше.

И Саша с интересом обнаружил, что Марина покраснела.

— Могут Женьку Фадеева послать,—мечтательно пробормотал он.

— Женя — мальчик, а путевку дали на девочку,— обиженно сказала Марина и пошла к своей парте.

Федоров озадаченно посмотрел ей вслед.

И прежде, чем вернуться к изучению этой незнакомой марки, он еще немного посидел просто так, глядя в окно и представляя, как, например, они провожают в Артек Женьку Фадеева. Стоят на перроне, едят мороженое и машут Женьке, который высунулся из окна поезда. Конечно, жалко, что одного Женьку: можно было бы проводить в Артек Ирку Ушакову, Вадьку Минаева... Вадьку как раз очень хорошо было бы послать: Вадька — лучший Сашкин друг, и в том, что, добравшись до берега моря, Минаев выбросит из чемодана все рубашки и набьет его самыми красивыми морскими камнями, Федоров нисколько не сомневался. Когда прозвенел звонок, Федоров не стоял уже мысленно на перроне и не махал вслед уходящему поезду, а сидел в вагоне у окошка. Рядом на полках удобно разместились Сережа, Ирка, Вадька, еще тридцать четыре ученика пятого «А» класса школы номер семь. Ну и, конечно, Джулька. Джульку, легкомысленную шатенку с большими болтающимися ушами и без причины задранным вверх хвостом, Сашка любил до обожания.

Марина Климкина тоже думала об Артеке. Откинувшись на спинку парты, она почти не слышала голоса ботанички, а видела зеленоватые колыхающиеся волны, горячую гальку, взметнувшиеся к небу оранжевые языки костра и думала о том, что надо бы съездить с мамой в «Детский мир» за шортами и купальником...

Когда в начале пятого класса Марину выбрали председателем совета отряда, она очень удивилась. Те самые ребята, с которыми на перемене только что она обсуждала приключения капитана Клосса и рассматривала марки, вдруг став необыкновенно серьезными, поднимали руки и голосовали за то, чтобы она, Марина Климкина, стала председателем совета отряда. Почему? Может, потому, что хорошо училась,— это всегда вызывает уважение; может, потому, что все новые игры во дворе придумывала и знала, чем заняться в дождливую погоду; может, потому, что не жадина, или потому, что марки собирает, и еще много всяких «потому».

Сначала Марина с удовольствием занималась подшефным детским садом, подготовкой концерта, налаживала переписку с ребятами из Дагестана. А потом ей надоело. Домой возвращаешься поздно, мама сердится, говорит, что все это чепуха, от которой нет толку.

Марине и в самом деле стало казаться, что на сбор отряда ей идти ни к чему, стенгазету выпускать незачем. За то, что она хорошо выучит литературу, ей поставят пятерку, а за стенгазеты пятерок не ставят.

В классе заметили перемену, попробовали поговорить с Мариной. Она равнодушно ответила: «Переизбирайте»... Ее не переизбрали. Обижать Марину не хотели.

Любка сидит через три парты от Федорова. У нее красивое разноцветное платье и загорелый нос. Когда Любка бежит, а бежит она почти всегда, платье надувается на ветру и вытягивается, как пестрый флаг с красными цветами, поднятый в честь удивительного, нестерпимо жаркого, пахнущего яблоками и ромашками лета. Сейчас Любка в коричневой школьной форме, она вприпрыжку движется от парты к парте. Щеки измазаны синей пастой, словно украшены причудливой татуировкой.

На втором уроке должен быть диктант. Любка ищет чистую тетрадку: старая кончилась.

Возле первой парты Любка нерешительно останавливается. Лена Манохина старательно складывает в портфель учебники и возникшей перед ней Любки с вымазанными щеками, кажется, не видит.

— Лен, а Лен... дай тетрадку. Завтра верну. Вот умру, если не верну.

Это звучит как клятва. Лена скорбно разглаживает на учебнике помявшуюся обложку, и по ее маленькому, сердито наморщенному носу Любка ясно видит, что жертвы ей не нужны.

— Нету, нету, нету.

Ух!!! Любка бежит к своей парте. Ну Манохина, ну жадина... Есть же, есть же тетрадка, у нее всегда есть. Смутно Любка понимает, что у нее самой должны быть запасные тетрадки и что о диктанте надо было подумать заранее, но... (Любка чувствует, как щиплет у нее веки, будто мыло попало.) Как же она будет сейчас писать диктант? И из Любкиных глаз медленно и неторопливо вытекают две огромные слезищи. Слезы такие горькие и большие, что, если посмотреть на них внимательно, можно увидеть отразившиеся, как в зеркале, парты, перевернутые вверх ногами дома за окошком и даже темноволосую голову Манохиной с маленькими розовыми ушами. Сашка эти слезы увидел и тетрадку Любке нашел, разрешив тем самым все ее тревоги и сомнения...

Странная девчонка Лена Манохина. Стоит сказать на литературе вместо «гипѐрбола», «гипербо́ла», смотрит снисходительно, как восьмиклассница на первоклашек. Или вот тетрадку пожалела... А вчера сидела в классе до самого вечера, и щеки были измазаны, как сегодня у Любки, только зеленой тушью: стенд оформляла. Никто лучше нее этого не сделает, не умеет, и главное, часто так сидит. Этого не жалко, а тетрадку пожалела... Странная.

Маринка тетрадку бы не пожалела. Зато к Кольке Марина не пошла, а Ленка больше всех ему помогала...

*

События, происходившие в классе, требовали срочного вмешательства. Колька Каценко во второй четверти стал неуспеваю-

щим. На строгий призыв учителей математики и литературы: «Каценко, к доске!»,— вторая в третьем ряду парта отвечала молчанием: она была пуста.

Наступал Новый год. К празднику пятый «А» решил испечь пирог. Пироги в школе не пекут, и... уже никто не помнит, кто это придумал, может, Алла Константиновна, может, Лена Манохина, пирог решили печь у Каценко. Когда Колька увидел двигающуюся к его дому процессию одноклассников, он обреченно подумал: «Ну вот, дождался, и чего суются не в свое дело...» Но ребята про Колькины прогулы и двойки не вспоминали, а вовлекли его в дело трудоемкое и неизвестное — приготовление пирога. Пирог вместе пекут, вместе едят. Ребята зачастили к Кольке домой, и он все реже убегал к своим друзьям-приятелям с лохматыми прическами и сигаретами в кармане.

А потом дошла очередь до кролика, белого, пушистого, который жил у Каценко. Лена Манохина попросила Кольку отдать кролика как награду для викторины, в качестве приза. Кролика Колька принес, и с этого самого раза ему стало легко приходить каждый день в класс. Он понял, что раньше проводил время с «вольной» компанией во дворе вовсе не потому, что его одноклассники были прилизанными маменькиными детьми. Из-за своих плохих отметок и прогулов он не чувствовал себя с ними равным, а хуже других Колька Каценко быть никогда не хотел.

Когда помогаешь сам, уже не так неловко принимать помощь от других, даже такому независимому и вполне взрослому человеку, как Колька Каценко. И Алла Константиновна и Лена Манохина стали заниматься с ним по алгебре и литературе.

В третьей четверти, самой длинной и трудной, двоек у Кольки не было. В тот день, когда раздавали дневники, ребята часто останавливались возле смирно сидящего за партой Кольки и как-то особенно ему улыбались. А Колька... Колька подошел к Алле Константиновне и сказал:

— Там надо для детского сада лопатки сделать. Давайте я сделаю.

А Марина по-прежнему болтала на переменках о приключениях героя очередного многосерийного фильма и почти не замечала, что в разговорах ребят имя Каценко употребляется так же часто, как имя капитана Клосса.

❄

Однажды в класс вместе с Аллой Константиновной пришел высокий седой старик, сотрудник обнинского городского краеведческого музея Александр Михайлович Курбатов. Когда ребята узнали, что он был комиссаром партизанского отряда «За Родину!», тридцать девять не очень тихих и послушных пятиклассников замолчали и слушали.

Про Колькины прогулы и двойки не вспоминали, а вовлекли его в дело трудоемкое и неизвестное — приготовление пирога.

Зачем он пришел к ним? Зачем рассказывает о своих погибших в неравных боях товарищах, о казненном немцами командире отряда Гурьянове, о могилах, разбросанных по калужской земле, могилах и обелисках, на которых нет надписей и фамилий? В одной из деревень под Обнинском есть братская могила: из пятидесяти шести фамилий похороненных здесь бойцов известно только пять. Смогут ли они найти фамилии остальных? Прошло столько лет!..

Группа «Поиск» принялась за работу. Писались письма в архивы и воинские части, готовился поход по окрестным деревням, где шли бои. В большую папку, хранящуюся у Александра Михайловича, стали собираться первые тонкие листочки с печатями и подписями: первые сведения о бойцах, сражавшихся в районе Обнинска.

А потом подшефный детский сад попросил устроить живой уголок. Вадька Минаев принес хомяков, Сашка Федоров предлагал морскую свинку и черепаху, но тут же по-

«Хорошо бы было послать в Артек Сережу Катушкина! — думал Саша Федоров.— Это он снял знамя, когда «красные», увлеченные сражением, совсем забыли о нем».

мрачнел, когда кто-то из ребят задумчиво сказал: «Хорошо бы собаку в живой уголок»... Разлуки с Джулькой Федоров представить не мог. Но если бы ребятам очень понадобилось, он бы пошел и на это. К счастью, от собаки детский сад отказался.

Лена Манохина никакого зверька принести не могла и, тяжело переживая это, занялась добыванием корма, клеток и прочих необходимых для живого уголка вещей.

А Марина по-прежнему спешила после уроков домой: за живой уголок отличных отметок никому не ставили.

Но потом... потом была торжественная линейка: пятому «А» классу дали звание правофлангового отряда, и у Маринки шумело в ушах от поздравлений, которые она получала, как председатель отряда. Были торжественные сборы и поездка на Красную площадь. И все это было здорово, а теперь еще путевка в Артек.

В том, что в Артек поедет она, Маринка, она не сомневалась. За последнее время она так привыкла к словам похвал и поздравлений, что иногда ей казалось: если бы не она, класс не получил бы звания правофлангового.

В тот день Артек занимал не только мысли Сашки и Маринки, пятый «А» кипел страстями. «Кого?», «Когда?» — эти вопросы перекатывались по классу, как теннисные мячики. День томил неизвестностью, но все дни, даже самые длинные, когда-нибудь кончаются.

Утром, когда над витринами магазинов опускаются полосатые тенты, а из раскрывающихся дверей булочных пахнет теплым хлебом, в одинаковых пятиэтажных домах, разделенных на одинаковые микрорайоны, звенят будильники. Стучат на кухне кастрюльки, и десятки пап и мам, раздвигая на окнах шторы, повторяют уже в который раз: «Вставай, вставай, а то в школу опоздаешь».

С этой самой минуты можно уверенно сказать, что город проснулся. Я знаю одну старушку, она всерьез утверждает, что весь шум в городе не от трамваев и машин, а от школьников. Если ей верить, два пятиклассника наделают больше шума, чем дребезжащий самосвал, неполно нагруженный гравием.

Когда Сашка Федоров, опоздав на первый урок, влетел в класс, Алла Константиновна стояла возле стола.

— Сегодня после уроков задержимся. Составим список ребят, достойных поездки в Артек. Дальше будет выбирать совет дружины и педсовет.

Ну, вот... Теперь Федоров уверовал в путевку окончательно. Впрочем, в том, что их класс оценят по заслугам, Сашка никогда не сомневался. Кто же все-таки поедет в Артек? И тут он вспомнил про Сережку Катушкина. Как это он забыл о нем в прошлый раз?

❄

Было солнце и недавно выпавший рыхлый снег, по которому, проваливаясь по колено, теряя валенки и варежки, шли армии «красных» и «синих». Основное «зарничное» сражение состоялось на пологой и гладкой, как

перевернутая чайная чашка, горе. На единственном здесь дереве было спрятано знамя «красных».

Ряды «синих» быстро редели. Снег усеяли лоскутки сорванных погон. Неожиданно «синие» устремились к дереву. Знамя! Увлеченные сражением «красные» совсем о нем забыли. А потеря знамени означает гибель армии. На секунду «красные» опешили. Мальчишки из армии «синих» ловко карабкались по гладкому почти дереву. И тут...

Герои ходят среди нас. Они скромны и незаметны, но наступает мгновение, единственное и неповторимое, и имя героя парит в воздухе, подхваченное хором восторженных голосов. Сережа Ка-туш-кин! Отбрасывая «синих» противников, он пробирается к вершине дерева. Наверху короткая схватка и...

Замазаны йодом боевые царапины, он идет впереди знамени, и красный лоскуток, извиваясь и трепеща, ярко вспыхивает на солнце. Да, герои ходят среди нас, они сидят в среднем ряду за последней партой в пятом «А» классе, и до поры до времени никто не знает их имени.

«Жалко, что одна путевка,— еще раз подумал Сашка Федоров,—и для девочки... Хорошо бы было послать в Артек Сережу Катушкина!»

*

Обсуждение началось после уроков. Обсуждали долго. В составленном списке была и Лена Манохина, и Ира Ушакова... Марины в этом списке не было. Ребята чувствовали, что поступили верно, но почему они так поступили, точно сформулировать не могли. Алла Константиновна сказала:

— Ребята стали выше приятельских отношений с Мариной. Марки марками, но для класса Марина сделала немного.

Весть о том, что в Артек поедет Лена Манохина, те, кто голосовал при обсуждении не за нее, приняли по-разному.

— Жадина...— вздохнули девочки.

— Задается...— пробормотали мальчики.

— И еще царапается,— задумчиво подытожил Саша Федоров.

— Но хорошо учится... — возразили девочки.

— И для класса много сделала...— подтвердили мальчики.

— А сколько книжек читает! — восторженно заметил Федоров.

И класс побежал поздравлять Лену с отбытием в Артек.

*

Наступает вечер. Мороженщица увозит свою опустевшую голубую тележку; гулко разносится по улицам тропическое рыканье львов, засыпающих в своем кочующем из города в город зверинце. В школе давным-давно пусто. Застыли ровно выстроенные в ряд парты.

Я сажаю девочек рядом. Они молчат и не глядят друг на друга. Высокая, с широкими, будто выгоревшими на солнце бровями Марина и тоненькая Лена. Конечно, все это выдумка: их здесь нет. Лена в Артеке, а Марина дома. Наверное, читает сестренке новую книжку. Но все равно я представляю, как они сидят рядом и молчат. И тогда я пробую говорить сама.

Марина, ты считаешь, что тебя обидели... По-твоему, произошла несправедливость: возглавляла отряд ты, а путевку отдали другому. Но пойми... Не все в жизни делается за вознаграждение. Есть щедрость, когда не жалеют для товарища чистой тетрадки, и есть щедрость души. Когда мастерят для малышей из детского сада лопатки и не думают о том, что за это причитается; когда заботятся

Маринка тетрадку бы не пожалела. Зато к Кольке Марина не пошла, а Лена больше всех ему помогала.

о щенке; когда просиживают после уроков, помогая решать задачки не другу, а просто однокласснику, и не потому, что за это похвалят, а потому, что ему необходима помощь.

Ты, Марина, добрый и хороший человек. Так считает твоя сестренка, подруга Таня и Саша Федоров. И ты поймешь, что несправедливости не было. Поймешь, что работа для класса, для ребят требует щедрости и что щедрые — а они, может, потому и щедрые — ничего за это не ждут.

Леночка! Ты напрасно хмуришься. Слово «жадина» достаточно обидно и не очень-то приятно, когда его повторяют столько раз. Но я его не придумывала, так говорят ребята. Ты можешь обидеться на них. Но подумай: это от их решения зависело, поедешь ты в Артек или нет, и разве кто-то из них вспомнил о том, что ему пришлось сдать тетрадку без полей, когда ты не дала ему карандаш. Ребята не пожалели для тебя целого месяца солнца, моря и удивительных встреч. Подумай об этом.

*

Жизнь пятого «А» класса покатилась дальше. Отряд правофланговых учится, работает на субботниках, отправляется в походы, выходит в одинаковых красных пилотках на торжественные линейки. Чем отличается он от других отрядов? Тем, что хорошо учится? Красными пилотками? Тем, что в игре «Зарница» был лучше других отрядов, или тем, что чаще других ходит в подшефный детский сад? По-моему, душевной щедростью; тем, что ни один человек в классе не чувствует себя забытым; умением быть справедливыми; дружбой, при которой невозможны ссоры из-за путевок и длительные неурядицы из-за тетрадок. Тем, что ребята понимают: собирание марок не главное, чем можно завоевать уважение и признание одноклассников.

Когда в строю отдают команду «Равняйсь!», все смотрят на того, кто стоит первым. В строю много разных, непохожих людей, в школе много очень разных отрядов. Равняйсь! И они смотрят на того, кто стоит первым, на отряд правофланговых. Место его почетно. Но и в этом отряде есть свои трудности. Надо быть всегда достойным того, чтобы на тебя равнялись.

ОТ РЕДАКЦИИ

А в твоем отряде случалось так, что приятная весть о награде вызывала тревогу, волнения, обиды?

Всегда ли ребята твоего отряда справедливы друг к другу?

Умеют ли так построить отношения, чтобы всем в отряде жилось хорошо?

Напиши нам об этом..

Расскажи о трудностях своего отряда, и давай подумаем вместе, как от них избавиться.

Мих. ПЛЯЦКОВСКИЙ

Полярное сиянье

**Вилюрка взял свою тетрадь
И, затаив дыханье,
Стал не спеша в ней рисовать
Полярное сиянье.**

**Карандаши есть у него —
Зеленый, красный, синий....
А на листочке ничего
Нет, кроме пестрых линий.**

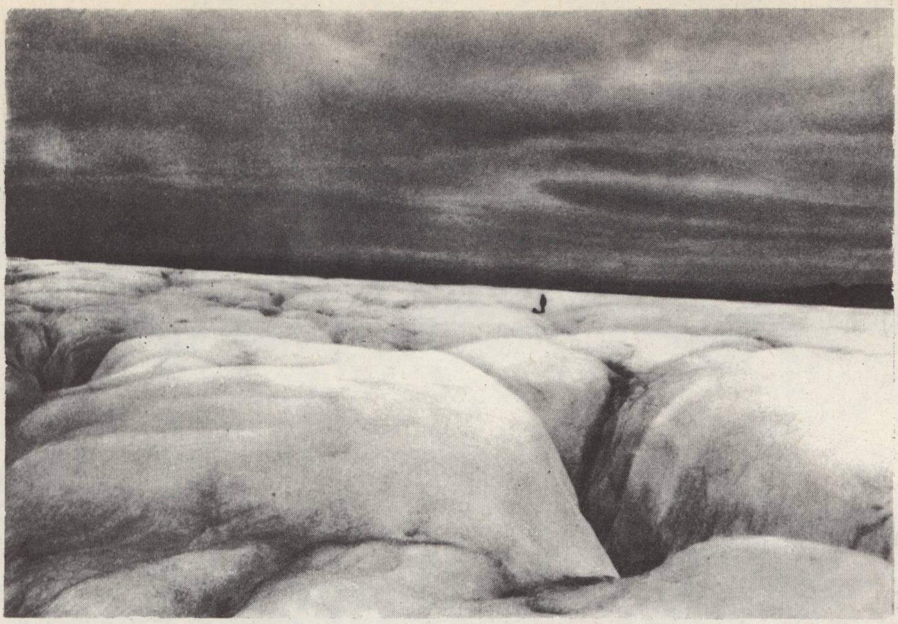
**Глядит он на рисунок свой,
Но сходства видит мало,
Хотя не раз над головой
Сиянье полыхало.**

**Вилюрке нравится давно
Цветное чудо это.
Оно красивей, чем кино,
И веселей, чем лето.**

**О нем словами рассказать —
Напрасное желанье,
И не вмещается в тетрадь
Полярное сиянье!**

Плавающая гора

**Плывут по волнам
Катера и линкоры.
А могут ли плавать
Большущие горы?
Поверьте, ребята,
Я видел вчера,
Как мимо плыла
Ледяная гора.
И мне показалось,
Что эта гора —
Не просто гора,
А гора серебра.
Так празднично
Было вокруг и светло...
Но гору потом
В океан унесло.
Я долго стоял
На морском берегу.
Не скоро ту гору
Забыть я смогу.
Эх, жаль, прокатиться
Нельзя детворе
Ни с этой горы,
Ни на этой горе!**



ТАМ, ГДЕ СУША СЛОЖЕНА ИЗ ВОДЫ

В. КОТЛЯКОВ,
доктор географических наук.

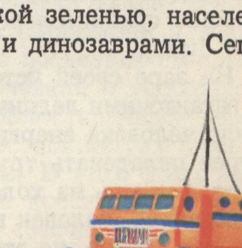
В 1957 году мне довелось побывать в Антарктиде, на наших научных станциях «Восток-1» и «Комсомольская». Здесь, на куполе гигантского ледника, человека окружает неземное безмолвие: никогда не прошумит дождь, не просвистит ветер. Не бывает и облаков, мельчайшие снежинки — «алмазная пыль» — бесшумно падают прямо с ясного неба. Падают и остаются лежать рыхлым слоем, в котором проваливаешься по пояс. И над всем этим господствует лютый, поистине космический мороз. В августе 1958 года на станции «Восток» термометр показал — 87,4° по Цельсию. Это место считается сейчас полюсом холода планеты...

Нечто подобное наблюдают люди и в центре Гренландии.

Всегда ли так было?

Всегда ли климат нашей планеты зависел от ледников? Науки о прошлом Земли говорят, что не всегда. Ледники, оказывается, редкие гости на нашей планете. Да и эти их редкие появления относятся в основном к последнему периоду жизни Земли. До этого многие и многие сотни миллионов лет везде — и на севере и на юге — был одинаковый ровный, теплый климат.

Трудно сегодня представить это. Мы привыкли к холодным морям с плавающими льдинами, к безжизненной ледяной Антарктиде, к студеным зимам, к животным с теплым мехом, к птичьим перелетам в южные страны. Привыкли, что на экваторе тепло, а чем севернее, тем холоднее. На самом деле этот наш привычный прохладный климат вовсе не типичен для Земли. Настоящим «земным» климатом правильнее было бы назвать тот, что был задолго до появления человека. Тот, при котором появилась на Земле жизнь — сначала в теплом океане, потом на суше — во влажных болотах под жарким солнцем. Посмотри на нашу карту: многие миллионы лет Земля жила под Солнцем вот такая — покрытая тропической зеленью, населенная гигантскими ящерами и динозаврами. Сегодня мы находим только следы тех далеких времен: кладбища динозавров по берегам Северной Двины, залежи каменного угля — окаменевшие тропические леса — в Антарктиде и на Шпицбергене.



Теплые моря, тропическая зелень, гигантские животные — так выглядела Земля многие миллионы лет — большую часть своей истории.

Земля была тогда планетой теплого, ровного, мягкого климата. Если бы все это время царствовали ледники, жизнь на Земле, возможно, не достигла бы такого высокого развития...

И как раз в то суровое время, когда ледники завладели Землей, появился человек. Это произошло сравнительно недавно — всего миллион лет назад.

На заре своей истории люди селились рядом с гигантскими ледниками, и соседство это заставило человека энергичнее вставать на ноги, быстрее овладевать трудовыми навыками. Иначе не выживешь на холодной Земле!

Конечно, человек все равно научился бы разжигать костер, но это пришло бы к нему гораздо позже...

Мы живем в ледниковую эпоху

Да, лик Земли тогда неузнаваемо изменился. Исчезли теплые моря и тропическая зелень, вымерли гигантские теплолюбивые животные. Более четверти всей поверхности было погребено подо льдами. Посмотри на вторую карту. Всю Северную Европу сковал ледяной панцирь. Британские острова, Скандинавия, северные моря, Урал, Сибирь — все было придавлено ледяным щитом толщиной в три километра. Здесь поднялась горная ледовая страна — мертвая, безжизненная. В Северной Америке ледниковый щит был еще громаднее и выше — до трех с половиной километров толщиной!

Льда на планете было так много, что он сползал с континентов и заполнял собой окраинные

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Разгар великого четвертичного оледенения — Земля неузнаваемо изменилась. С тех пор и до наших дней жизнь планеты зависит от ледников, оставшихся на ее полюсах.

моря. Посмотри: все прибрежные воды спаяны ледяным щитом воедино с сушей. По морям плавали огромные айсберги — осколки ледниковых щитов, заполняя собой все водное пространство северного полушария. Планета была скована холодом. Все живое сдвинулось к югу — мамонты проникли в Испанию и Италию, северный олень и заяц беляк стали жителями Крыма. Это был разгар великого четвертичного оледенения Земли.

Все это время на юге планеты возвышался Антарктический ледник — более древний, чем северные ледники, и почти неизменный.

Северные ледниковые щиты много раз меняли свои размеры. Окончательно они освободили север Европы и Русскую равнину всего десять тысяч лет назад, оставив напоминанием о себе большой ледяной остров Гренландию.

Великое оледенение Земли на этом закончилось, но ледниковая эпоха продолжается, и мы с вами ее свидетели.

Остатки могучего древнего ледника можно увидеть сегодня, только отправившись в Антарктиду или поднявшись к вершинам Скандинавских гор.

Несколько лет назад я побывал во всех основных ледниковых районах Скандинавии и везде видел следы отступавших в последние столетия ледников. Однажды мы ночевали в небольшой гостинице. Неподалеку стоял старинный деревенский дом, а всего в пяти километрах к северу лежал ледниковый язык. В этом доме нам показали древнее прошение крестьянина, который жаловался королю на «бесчинства» наступающего ледника, уничтожившего его выпас и картофельное поле.

Тогда ледники наступали в последний раз. В Скандинавии это было в середине XVIII века, в Альпах и на Кавказе — в середине XIX.

С тех пор вплоть до нашего времени горные ледники отступали. Причина — некоторое потепление климата, особенно в начале XX столетия.

Но в последние годы, как все, конечно, заметили, климат стал иным: все чаще зима бывает многоснежной, лето — пасмурным и холодным. Иногда выпадает так много снега, что ледники, несмотря на летнее таяние, растут, продвигаются вперед. Крупнейший в Альпах Ронский ледник, например, тоже продвинулся за последние годы — мы видели свежие обвалы льда.

Все это происходит уже на наших глазах и позволяет ученым исследовать законы жизни ледников, законы, по которым они когда-то возникли на Земле и продолжают жить в наше время.

Почему Земля оледенела?

Ты, конечно, видел обычную карту полушарий Земли — южного и северного. Они резко различаются между собой хотя бы по количеству голубой краски, обозначающей океан, и зеленой — сушу. В этом и скрыта причина различного поведения ледников на севере и на юге Земли.

В южном полушарии у самого полюса лежит высокий материк. Со всех сторон он окружен океаном.

В северном полушарии, наоборот, у полюса — океан, окаймленный материками.

А что нужно для возникновения ледника? Открытая вода — морская или океанская, чтобы питать ледник влагой. Низкие температуры — чтобы снег накапливался, превращаясь в лед.

Несколько миллионов лет назад, как предполагают ученые, произошло поднятие Антарктического материка. Сразу же похолодало на несколько градусов и началось превращение снега в лед. Так началось оледенение в южном полушарии. Постепенно льды заполнили весь материк. Этому помог Южный океан. Он постоянно снабжал Антарктиду снегом, и у ледников не было недостатка в «пище».

Итак, на Земле, в южном полушарии, появился и стал расти огромный ледник. Это сразу сказалось на температуре всей планеты: она упала на несколько градусов, — и вызвало понижение уровня Мирового океана на несколько десятков метров. Так южный ледник создал условия для возникновения ледника на севере. Это было уже позже, всего около миллиона лет назад.

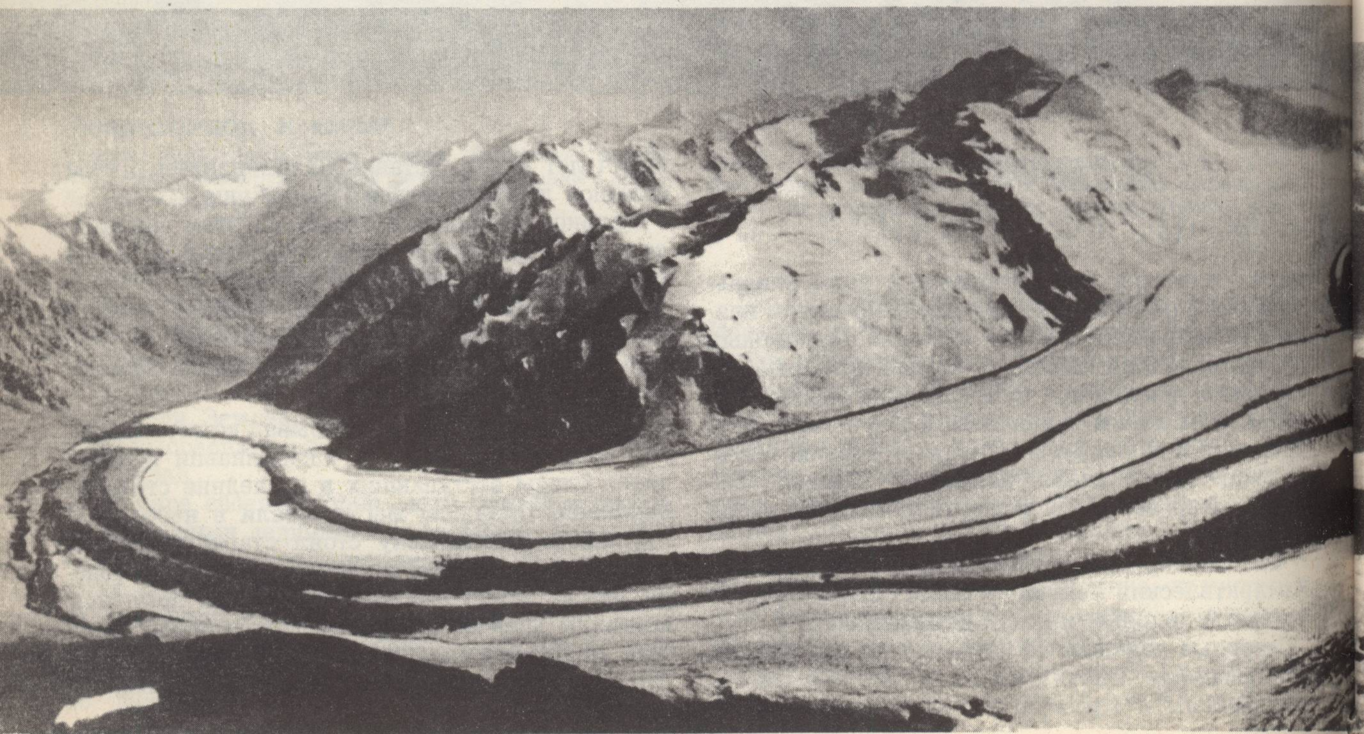
С тех пор жизнь на Земле определяется двумя крупными массивами льда у полюсов планеты. Сколько же сейчас льда на планете?

24 миллиона кубических километров!

По площади это 16,2 миллиона квадратных километров.

Длинными гигантскими языками спускается с Тянь-Шаня ледник Корженевского, крупнейший ледник Казахстана.

Фото И. ФЕДУЛОВА.



Иначе: пятидесятая часть всех запасов воды на Земле.

Как будто немного? Но если это «немногое» растает — произойдет катастрофа: уровень Мирового океана так поднимется, что будут затоплены все низменности — исконные места обитания человека... И хотя сейчас нам все это не угрожает, необходимо хорошо знать ледники и изучать их.

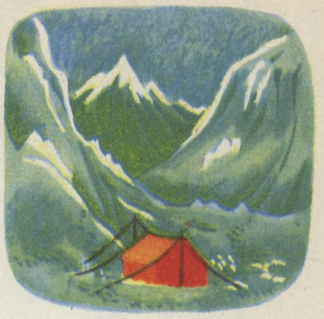
Вертолеты над ледниками

Прежде всего предстоит взять на учет все ледники, составить каталог ледников Земли. Это был бы очень нужный справочник. Строители горных дорог смогли бы, например, заглянув в него, узнать, с какими ледниками им придется иметь дело, какова форма и размеры ледяных полей, какие реки из них вытекают. А те, кто трудится на полях в засушливых районах? Им тоже важно это знать. От ледников, от скорости их таяния зависит, сколько влаги получат поля.

Казалось бы, совсем нетрудно составить такой справочник: просто собрать все известные сведения в одну книгу. К тому же сейчас этому помогут снимки поверхности Земли, сделанные с искусственных спутников. И все же мы еще очень многого не знаем о своей Земле... Вот и отправляются гляциологи — ученые, исследующие лед, — в далекие экспедиции.

Я работаю в одной из таких научных экспедиций на Памире.

Горы Памира очень высоки, и ледники лежат в самом поднебесье. Раньше, да иногда и сейчас, гляциологи попадали на эти высоты по узким, опасным тропам, пешком или на ишаках. Но в наши дни есть и другой способ попасть на ледник — с воздуха.



Конечно, среди горных вершин не найдешь места для посадки самолета. Другое дело — вертолет: ему не нужна полоса для разбега. Правда, и посадка вертолета на таких высотах — тоже чрезвычайно трудное дело и под силу только самым искусным летчикам. Мощности мотора не хватает, чтобы вертолет мог прочно «зависнуть» в воздухе, а выключить мотор опасно: колеса могут провалиться в снег. Вот и приходится летчику искать золотую середину — касаться колесами поверхности, не выключая мотора, чтобы в случае опасности можно было сразу же взлететь.

За две-три минуты нам приходилось «выбрасываться» из вертолета и выгружать оборудование. Вертолет улетал, чтобы вернуться к вечеру. А нам за это короткое время предстояло сделать огромную работу: выкопать и изучить снежный шурф глубиной около четырех метров, пробурить во льду десятиметровую скважину и измерить в ней температуру, измерить во множестве точек ледника толщину выпавшего за зиму снега...

Постепенно такие посадки были освоены. Однажды в конце августа нам необходимо было сесть на самый высокий из выбранных ледников — на высоте 4 600 метров над уровнем моря. Все получилось удачно: мы к тому времени стали настоящими десантниками. За день у нас в руках были цифры, характеризующие режим

Истоки ледника Южный Иныльчек. Посмотри, как ледник набирает силу: год за годом наслаивается свежевыпавший снег (слои хорошо видны на снимке), чтобы потом под гигантским давлением превратиться в лед.

Фото В. РАЦЕКА.

самых высокогорных ледников Средней Азии. Я уверен, что уже в недалеком будущем с помощью вертолетов будут получены сведения о ледниках в самых труднодоступных и неисследованных районах.

Ледники служат людям

Оледенение на планете сокращается (хотя и бывают годы, благоприятные для ледников), а человечеству крайне нужны сейчас эти самые крупные хранилища пресных вод. Сейчас ученые думают о том, как искусственно пополнить массу ледников на Земле.

Как же получить больше воды с ледников? Способ найден и уже применяется на ледниках Средней и Центральной Азии. Ледник будет энергичнее таять, если его поверхность посыпать тонким слоем темного порошка, например, угольной пылью. Правда, еще не ясно, можно ли этот способ применять ежегодно. Даже огромные запасы пресной воды в ледниках не безграничны, и расходовать их надо разумно.

До сих пор у нас шла речь о горных ледниках. Что же касается Антарктиды, то здесь сама природа предложила способ транспортировки пресной воды. Огромные айсберги издавна дрейфуют к северу от Антарктиды, повинуясь ветрам и морским течениям. Можно попробовать с помощью атомных ледоколов доставлять айсберги по морю к берегам густо населенных районов Земли и ставить на «якорь» около больших промышленных городов. Постепенно собирая талую воду, можно даже небольшим сравнительно айсбергом (длиной, например, в два километра, шириной в полкилометра, толщиной в 150 метров) поить в течение месяца такой огромный город, как Нью-Йорк. А надо ему — ни много ни мало — 150 миллионов тонн воды!

Можно предложить и другой, более далекий проект использования запасов пресной антарктической воды. Взгляните на карту южного полушария: менее тысячи километров отделяют засушливые районы Южной Америки от северной оконечности Антарктического материка. Если проложить трубопровод между этими двумя континентами, а на Антарктическом полуострове построить мощную атомную электростанцию, энергия ее пойдет на таяние льда. Тогда мы получим неиссякаемый источник воды. Переброска ее в Южную Америку практически не отразится на режиме антарктического ледникового покрова.

До осуществления подобных проектов еще далеко, но гляциология быстро идет вперед, приближая это время. ★

НАШ ЛЯГУШАТНИК

ЗЕТ: Прошлая Олимпиада доказала, что мы можем гордиться нашими лягушатами. Видно, не зря вы целый год барахтались в нашем лягушатнике — многому научились. Мы считаем, что можно смело вести вас теперь на большую глубину.

Итак, начинаем наше новое занятие.

КАК ВЫБРАТЬСЯ ИЗ ЛАБИРИНТА?

Для начала хочу вам напомнить одну сказку:

«Утята кое-как выбрались из скорлупы и стали озираться кругом...

— Ах, как велик мир! — сказали утята.

Еще бы! Теперь им было куда просторнее, чем тогда, когда они лежали в своей скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? — сказала мать. — Какое там! Он тянется далеко-далеко за сад, в поле, но там я отроду не бывала!..»

Среди только что родившихся малышей был и знаменитый гадкий утенок. Теперь уж вы понимаете, из какой сказки мы взяли этот отрывок. Ну, конечно, это Андерсен, «Гадкий утенок». Вместе со своими братьями и сестрами знаменитый утенок попал из тесного и темного мира скорлупы в наш — огромный, зеленый, сияющий и просторный.

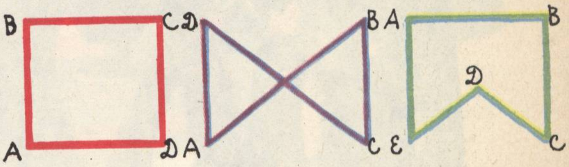
Правда, утятам было просто: в каком месте скорлупу ни ткнешь носом, везде открывалась дорога на волю. А погляди-ка на этих бедных мышей. Мечутся они в запутанном лабиринте, никак не найдут дорогу на волю. Этот лабиринт — тоже как скорлупа, он отделяет мышей от внешнего мира, но вот выбраться из лабиринта труднее, чем утятам из скорлупы. Не в любой точке выход на волю.

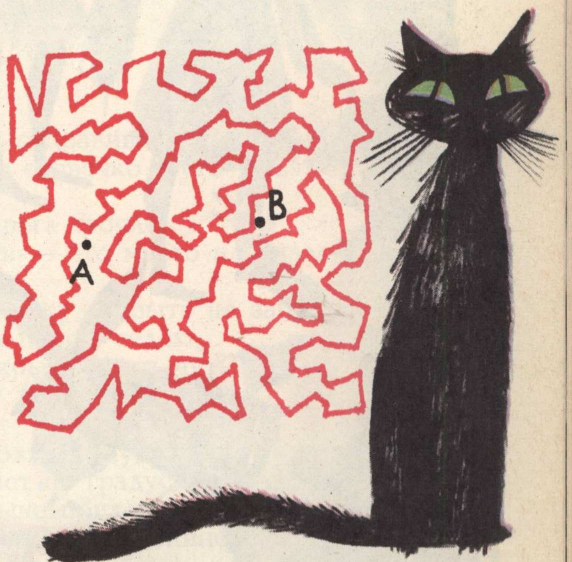
Попробуем помочь бедным мышам.

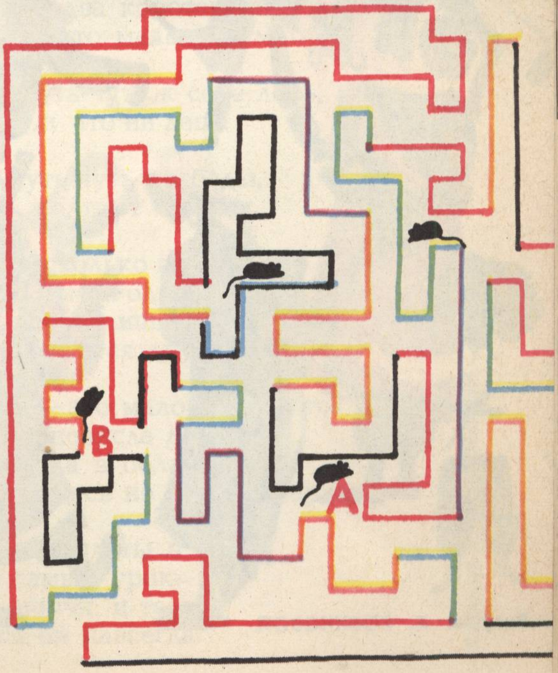
Посмотри, лабиринт составляют не прямые линии, а ломаные. Они образуют бесчисленные переулочки и закоулки, где заблудились мыши. Ломаные линии бывают замкнутыми, когда начальная точка совпадает с конечной. Замкнутую ломаную АВСД можно вычертить, например, на четырехугольной площади любого города, если обойти ее всю и вернуться в то место, откуда вышел. Такая ломаная нигде сама себя не пересекает. А можно начертить на нашей площади и такую линию, как АВСДА, если пересечь ее из угла в угол дважды. Но между этими двумя ломаными есть одно важное различие: одна замкнутая сама себя пересекает, а другая, тоже замкнутая, но не пересекает себя и поэтому делит всю плоскость только на две части — внутреннюю и внешнюю. Вместе со своей внутренней областью такая ломаная называется многоугольником (АВСДЕ). Попасть из внутренней области (помнишь скорлупу?) во внешнюю (большой, просторный мир!) иногда легко, а иногда трудно.

На нашей воображаемой площади легко разобраться, стоишь ты на самой площади (внутри многоугольника) или на соседней улице (вне его). А вот разберись-ка в этом запутанном клубке линий: какая точка внутри, а какая вне?

Разберешься в линиях, значит, и мышам поможешь выбраться из лабиринта. Определи, какие мыши смогут это сделать, а какие навсегда замурованы в его стенах... Не забудь: пересекать ломаную не разрешается.







Рисунки Б. Кыштымовой.

Нуратдин ЮСУПОВ

Украли речку

Мимо аула, вдоль бережка
Вроде серебряного ремешка
Светлая речка текла, вилась.
Чтоб на другой бережок попасть,
Козлята делали три прыжка.

Девочки мыли там лоскутки,
Ею гордился в ауле народ.
Чтоб подчеркнуть величье реки
Перед соседом, что рядом живет,
Обувь снимали, кряхтя, старики,
Переходя ее летом вброд.

Только ты нраву ее не верь.
В оба за этой тихоней гляди.
Речка весною ревет, как зверь.
В дождик — к ней близко не подходи!

Как-то однажды сторож-старик
Поднял средь ночи тревожный крик.
Руки помыть он хотел в воде,
Глянул — а речки нету нигде.

Может, растаяли ледники?
Может быть, высохли родники?
Нет, ледники блестят при луне.
Нет, родники звенят в вышине.
Справа бугор, налево утес,
Только вот речку кто-то унес...

Сторож решил разбудить аул:
— Эй, кто уснул, а кто не уснул!
Эй, выходите скорее сюда!
Речку украли!
Беда!
Беда!
Гордость аула, где она? Где?
Как не жалеть о своей воде!

Каменщик, строивший каменный мост,
В горе, что речку кто-то унес,
Сердится: «Не утешайте меня:
Мост без реки — что седло без коня!»
Люди в милицию ночью звонят:
«Речка пропала. Верните назад!»

Речка недавно была еще тут.
Вот старики уже в горы идут.
Смотрят, а там поднимается сад,
Саженцы яблонь рядами стоят.

Речка пропавшая около слив
Плещется, пенится, груши полив.
И говорит старикам агроном:
«Не беспокойтесь, мы речку вернем.
Ваша река, напоив этот сад,
Не пропадет, а вернется назад!»

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Перевела с лакского З. АЛЕКСАНДРОВА.

Гостеприимство

Закон гостеприимства строг:
Гость только ступит на порог,
И каждый счастлив, каждый рад,
А в очаге дрова горят.

На пламя бабушка взглянула
И соли горсть в котел швырнула
И молвила: — Варись, хинкал,
Какого мир еще не знал!

Дед приволок бараний бок,
Добавил соли в кипяток
И пожелал: — Варись, хинкал,
Какого мир еще не знал!

Мать круто тесто замесила,
В котел галушки запустила,
Достала соль.— Варись, хинкал,
Какого мир еще не знал!

Отец склонился над котлом,
Обед заправил чесноком
И посолил.— Варись, хинкал,
Какого мир еще не знал!

— Какие б ни были обычаи,
Пожалуй, нужно для приличия
Их соблюдать,— промолвил гость,
В котел бросая соли горсть.
Так приготовлен был хинкал,
Какого мир еще не знал!

Кто сам на пищу приналяжет,
Тот и гостям пример покажет.
Хозяевам (будь славен гость!)
По две тарелки съесть пришлось.

Тот гость окажет дому честь,
Кто любит и умеет есть.
И гость, хоть выбился из сил,
Еще добавку попросил.

В тот день источники иссякли
И без воды остались сакли,
А мельник план не выполнял
И от реки народ гонял.

Перевел В. БЕРЕСТОВ.

Чуть-чуть

Однажды, отправившись в путь,
Я встретил словечко «чуть-чуть».

Оно у порога стояло,
«Чуть-чуть» — это много иль мало?

Дверь в стужу закрыть не забудь!
Оставишь порою седою
Ее приоткрытой чуть-чуть,
И лопнут кувшины с водою.

Весною дохнуло чуть-чуть,
Вверх лезет по градусам ртуть,
Чуть больше прихлынет теплыни,
И маки зардеют в долине.

«Чуть-чуть» — два коротеньких слога,
«Чуть-чуть» — это мало иль много?

Приблизил чуть-чуть к себе лень,
Теперь ее жди что ни день.

От искры чуть-чуть до беды,
Где в поле желтеют скирды.

«Чуть-чуть», сколько весит оно?
Немного, но помни одно:
Чуть-чуть пересолишь, и вдруг
На шутку обидится друг.

«Чуть-чуть» — это мало иль много?
Над бездной повисла дорога,
Машина вошла в облака,
«Чуть-чуть» здесь не больше вершка.

Урок приготовил ты в срок,
Еще этот самый урок
Чуть-чуть поучи, и тогда
Запомнится он навсегда.

Перевел Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Н. НАДЕЖДИНА

ЭХО бесшумных шагов

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЕВГЕНИЯ ИВАНОВИЧА ЧАРУШИНА

Мы не видим того, кто встревожил лесную кошку. Но по изгибу спины, по пружинящим лапам рысенка видно, что враг приближается. Лесной звереныш весь в напряжении—от грозно раздутых усов до распушившегося от ярости щеткой кончика хвоста. И нас захватывает эта мастерски переданная художником неукротимость, неистовая сила жизни. Рысенок не струсил, не сдался, он готов драться.

Сейчас этот первый опубликованный рисунок Е. Чарушина находится в Третьяковской галерее. Рысенок — иллюстрация к рассказу В. Бианки «Мурзук», напечатанному в 1927 году.

Пожалуй, острей всего чувствуешь силу и прелесть весны, заметив в лесу по соседству с нерастаявшим снегом дерзко пробившиеся зеленые ростки. Двадцатые годы были весной Советской республики.

За исключением классики, старая детская литература, когда приторно слащавая, а когда и вовсе пустая, со своими героями, чьи интересы не выходили за порог комнаты, была списана революцией в расход. Нужна

была новая детская книга с широким кругозором, правдивая и смелая, яркая и свежая.

В Ленинграде собралось творческое содружество писателей и художников — «болельщиков» советской детской книги. Писателей объединял С. Я. Маршак, художников — замечательный рисовальщик В. В. Лебедев. Зорким глазом он оценил самобытное дарование выпускника Академии художеств Евгения Чарушина, стал привлекать его к иллюстрированию книг.

В редакции засиживались подолгу: думали, спорили, курили, острили, рассказывали интересные случаи. Рассказывал и Чарушин о птицах и зверях, которых ему довелось повидать в родных вятских лесах. Послушав Чарушина, Маршак, человек абсолютного литературного слуха, сказал художнику:

— Да ведь вы еще и писатель! Вам обязательно надо писать.

И с тридцатых годов в Ленинграде начали появляться книжки, на заглавных листах которых стояло: Е. Чарушин. Рисунки автора.

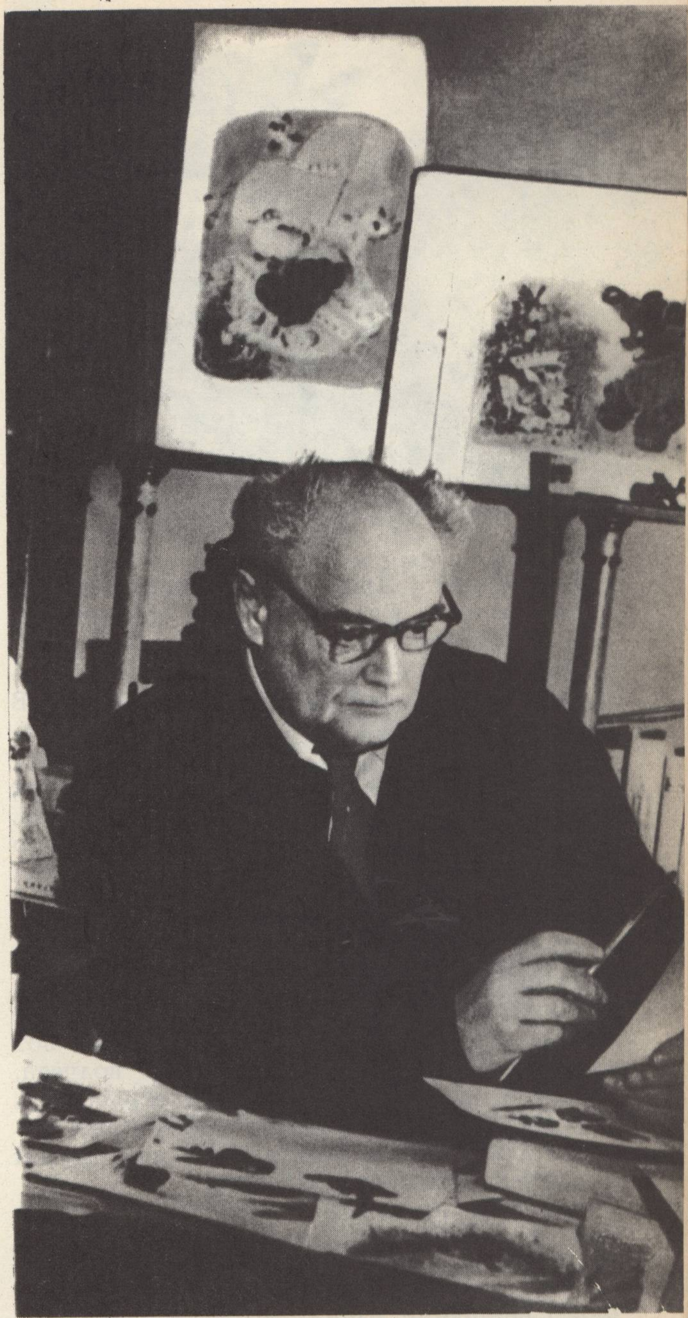
Евгений Иванович считал, что стать писателем и художником ему помогли впечатления детства. «Все мое детство,— писал в краткой автобиографии Чарушин,— прошло среди диких зверей и домашних животных. Я много ездил с отцом. Ездили мы и днем и ночью, лесами, полями, в пургу, в осеннюю непогоду... Научился смотреть и удивляться силе и красоте природы, всему ее разнообразию и великолепию».

Вот эту красоту и силу, разнообразие и великолепие Чарушин захотел передать и пером писателя и карандашом и кистью художника.

Художника, который изображает животных, называют анималистом. В книгах Чарушина вы встретите и льва, и орангутанга, и бегемота, и слона. Но чаще всего Чарушин рисовал тех зверей, чьи повадки знал наизусть, с кем, так же как и знакомые ему охотники, колхозники, ложечники, бакенщики, встречался с глазу на глаз,— зверей, о которых складывал песни и сказки русский народ.

И особенно любил Чарушин звериных малышей. Им посвящена книжка «Зверята», рассказы «Мишки», «Волчишко» и многие другие. Евгений Иванович не был сентиментален и сына Никиту в детстве учил: не жалуйся, сумей сам постоять за себя, пусть трудно, больно — не хнычь. Но лесные малыши, большеглазые и большелапые, грациозные в своей неуклюжести, трогательно наивные и беспомощные, вызывали у него особую мужскую нежность.

Малыши привлекали Чарушина еще и по-другому. В сердце художника, волнуя и побуждая к творчеству, всегда жила радость ожидания. Равнодушный к тем, от кого нечего ждать, Евгений Иванович тянулся к ребятам и зверятам: в малыше столько еще не



Это Евгений Иванович Чарушин, подаривший нам в своих рассказах и рисунках маленьких друзей, теплых, пушистых, с «говорящими» глазами.

раскрытых возможностей, у малыша все впереди!

У нас немало талантливых художников-анималистов. В чем же очарование Чарушина, чью руку сразу можно узнать? Одни говорят, что рисунок Чарушина, сделанный черным, кажется красочным, цветным. Другим хочется погладить зверей, нарисованных Чарушиным,— настолько их мех тепел и пушист. Третьим рисунки Чарушина напоминают сказку о добром молодце, который мог обернуться птицей и зверем, мог говорить с зайцем по-заячьи, с медведем — по-медвежьи, с любым лесным жителем — на его языке. Волшебство художника еще мо-

гущественней. Язык чарушинских зайчат, лисят, волчат, медвежат всем понятен: у них «говорящие» глаза.

Впрочем, у чарушинских зверей все «говорящее»: и глаза, и уши, и лапы, и хвосты. В рассказе «Сорока» участвуют семеро волчат. Семь пар волчьих ушей и семь хвостов — это семь рассказов о семи различных характерах: кто осторожен, кто недоверчив, кто тугодум, кто шустер, кто хитер, кто азартно рвется вперед, кто неторопливо трусит сзади — куда все, туда и я!

Посмотрите на двух волчат с чарушинского эстампа. Волчата лежат, но в их упругой неподвижности художник искусно показал подвижность возраста: хочу все знать. Кажется, что насторожившиеся уши вот-вот вздрогнут, носы зашевелятся, и волчата, спрыгнув с обложки, примутся обнюхивать все вокруг. И это жгучее, неутомимое щенячье любопытство есть даже в повернутой к зрителю пяточке задней ноги.

Взгляните на щенка — героя книжки «Про Томку». Можно закрыть ладонью Томкино гуловище, оставив лишь лохматые уши, выпуклый глаз и вздернутый нос. И этого достаточно, чтобы вам было ясно, что щенок, ликуя, мчится во всю прыть. Такой щенячий восторг, такое упоение скоростью бега в Томкиных развевающихся ушах, что читателю вместе со щенком хочется, радуясь жизни, бегать, прыгать, скакать.

Чтобы так рисовать, надо много знать, много видеть. Бывает, что глаза у человека открыты, он смотрит, но не видит. Евгений Иванович умел видеть и сына Никиту еще мальчиком посвятил в лесную науку: слушай так, чтоб тебя не слышали, смотри так, чтоб тебя не заметили, забудь про себя, и тебе откроется то, что не открывается шумным и развязным, пренебрегающим лесным гостеприимством.

Ни на минуту не забывая о мальчике, отец в лесу не докучал ему опекой, хотя иной раз приходилось и беспокоиться. Однажды Евгений Иванович признался сыну, что все время держал ружье наготове потому, что заметил в том направлении, куда пошел Никита, свежие следы медведя-шатуна.

Первоклассный стрелок, Евгений Иванович никогда не охотился ради спорта, тем более ради забавы. Он мог бродить по лесу и без ружья, радуясь встрече не только с птицей и зверем, но и с лесным деревом и кустом. В книгах Чарушина вы увидите иногда ствол дерева, иногда макушку, иногда просто ветку, но за ней видятся тысячи веток, слышится запах леса, протяжный лесной шум.

Чтобы так рисовать, надо много работать. Евгений Иванович говорил, что работа происходит от радости. Он делал наброски в лесу, в зоопарке, много работал дома. А когда уставал, то для отдыха менял работу: начинал что-нибудь мастерить. В кабинете художника и сейчас стоят сделанные его руками табуретка и стол. Евгения Ивановича восхищала талантливость человеческих рук.

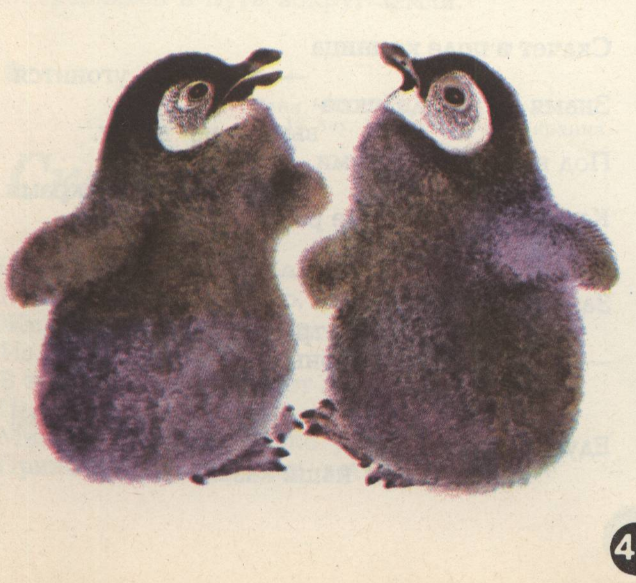
Отсюда его интерес и глубокое уважение к мастерам своего дела — людям физического труда.

Тяжело больной, он не прекращал работы. Сделанные им за неделю до смерти иллюстрации к книге Маршака «Детки в клетке» получили Золотую медаль на международной выставке детской книги в Лейпциге в 1965 году.

Чтобы так рисовать, надо любить то, что изображаешь. Еще мальчиком Чарушин устроил в отцовском сарае «джунгли — птичий рай». Жена художника Наталия Аркадьевна рассказывает, что в их квартире в разное время жили щуры, овсянки, куропатки, перепелки, чечетки — сорок восемь различных птиц, волчонок, белка, зайчата, ежи, кошки, собаки — и все считались «членами семьи».

И сейчас в чарушинской квартире сохранились те же традиции. Здесь рисуют. Сын Никита Евгеньевич стал, как и отец, художником-анималистом. Рисует и маленькая Наташа.

Здесь любят животных. Гостей по-прежнему встречает красавец сеттер Гаяр, в углу



светятся зеленые глаза постаревшего кота Тюпы. Тюпа и Гаяр не подозревают, что благодаря книгам Евгения Ивановича они стали любимцами множества ребят.

Никита Евгеньевич вспоминает, как в детстве он фантазировал вместе с отцом. Сидят они вечером в сумерках на диване и придумывают: будто горка со стеклянной посудой стала настоящей горой и по ней скачут серны и круторогие козлы. А под горой из разлившейся по полу темноты, как из черного озера, поднимает голову бегемот.

Евгений Иванович хотел побывать в Индии и в Африке, чтобы поближе узнать тропических зверей.

В последние годы жизни болезнь ног лишила художника возможности двигаться, но он не терял связь с живой природой. Сын увозил отца в лес на машине — они исколесили всю Ленинградскую область, и Евгений Иванович ходил по лесу, несмотря на боль.

Он мечтал жить в таком месте, где бы бле-

стела вода и росли лесные деревья, которое стало бы домом для диких птиц. Его мечте не суждено было сбыться.

Случилось другое: книги Чарушина стали домом для диких зверей и птиц. Здесь выглядывает добычу сорока, пасется выводок тетеревят, качаются на деревьях медвежата, скачут зайчата и оленята, играют у норы лисята и волчата, крадется рысь. Здесь по-звериному неслышно прошло множество больших и маленьких мохнатых лап.

Эхо их бесшумных шагов разнеслось далеко-далеко. Тираж книг Е. И. Чарушина, изданных на шестидесяти языках, почти двадцать пять миллионов. Их читают в нашей стране и во Франции, в Африке и в Японии, Англии, Италии, США, в ГДР. И как ребята тридцатых годов, так ребята семидесятых годов благодарны чудесному писателю и художнику за ту радость, которую он доставил им. ★

Журнал «Кораблик» печатает только тебя

Галя ЗАЙЦЕВА.
учится она в 5-м классе,
живет на станции Артышта.

* * *

Самолет летит,
В нем пилот сидит,
Самолет ведет,
Песенку поет.
Под крылом поля.
Под крылом моря.
И ему видна
Вся наша земля.

*

Марина СЛАВУЦКАЯ.
Она живет в Харькове.

Родина

Наша Родина прекрасна,
Широки ее просторы,
Глубоки моря и реки,
Высоки седые горы.

А леса ее обширны,
Нивы, пашни плодородны,
И в большой стране Советской
Все счастливы и свободны.

Осень

Словно птица, лето пролетело,
Золотая осень за окном.
Смолкли песни, роща опустела,
Листья пестрым стелются ковром.

Скрыта грусть в осеннем небе синем,
Паутинки серые летят.
Ветерок прохладный на осине
Чуть багряный трогает наряд.

А. КАТЕРЕНЧУК,
живет и учится в Магадане.

Бабушка

Бабушка наша очень добра.
Бабушка наша стала стара.
Много морщинок у бабушки
нашей —
С ними она еще лучше и краше.

Если любимая кукла больна,
Вылечит куклу сразу она.
Если на лбу появляется шишка,
Пуговки нет, изорвется пальтишко
Или другая какая беда —
Бабушка нам помогает всегда.

Теплые варежки бабушка свяжет,
Вечером бабушка сказку
расскажет.
Слушать ее мы готовы часами,
Что позабудет, подскажем ей сами.

Конница

Скачет в поле конница
— ветер не угонится.
Знамя их гвардейское
вьется на ветру.
Под ногами быстрыми
вспыхивают искрами
Камни придорожные рано поутру.
Скачет в поле конница
— ветер не угонится.
Зажигает солнышко
острые клинки.
— Эй, фашисты, вороны,
разлетайтесь
в стороны!
Едут, едут по полю
наши казаки.

Н. НЕСТЕРОВ.
Живет он в Мордовии,
на станции Вад.

* * *

Лес по осени уснул
Богатырским сном,
Даже нехотя зевнул
Под моим окном.

Он в наследство нам оставил
Все владения, чем правил.
Потому что час пришел,
Лес в забытие ушел.

* * *

Плясал на ветке воробей
И до того устал,
Лишь подойти к нему сумей—
Со страху бы упал!

* * *

Легкий ветер на прогулке
Шарик к небу поднимал,
Он к заплаканной девчонке
Прямо на руки упал.

✻

Толя ФЕСЕНКО
из Липецка.

Лунная река

Сыплет снег и над землей кружится,
Будто в небе пух роняют птицы.
В звездном свете, в тишине ночной
Кажется он лунною рекой...

И плывут по речке этой лунной,
Тихой, без заливов, не бурунной,
Звездные снежинки — корабли,
Отправляясь в путь вокруг земли.

✻

Таня ЧЕБРОВА,
ей 13 лет. Живет она на Украине.

Сказка

В краю, где туманы белые
Поля обнимают нежно,
Живет королева белая,
Из снега ее одежда.
В темную косу вплетает луну,
Плечи кутает в вечер...
Мне эту сказку, только усну,
Приносит на крыльях ветер.

Ира ДУНИМАН.
Ей 11 лет. Она
учится в 4-м классе.

Снежок

Здравствуй, беленький снежок!
Здравствуй, милый мой дружок!
Ты на вид, как паутинка,
Белокрылая снежинка,
И летишь с пушистой стаей,
Нашу землю украшая.
Белый город... Он зимой
Весь в снегу стоит, седой.

Эмблему «Кораблика» и все рисунки нарисовала Олеся САХАРОВА, она учится в 161 московской школе.

Оля АЛУТИНА
из села Куприянова
в Амурской области.

* * *

Рано утром на заре
Из-за рощи на коне
Поднималось солнце —
Розовое донце.

Поднимайся выше,
выше,
Освещай дворы и крыши,
И деревья, и снега —
Занесенные луга!

Петя протянул Макароне большой, специально изогнутый гвоздь.

ЕВГЕНИЙ ШАТЬКО

Казачий остров

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Ранние детские годы Пети Кузяева прошли очень бурно.

В то время, впрочем, как и сейчас, Петя жил в слободке, на окраине большого волжского города, и мечтал стать капитаном кругосветного плавания. Вот тогда-то и состоялось...

Неудачное плавание в Астрахань

В теплых летних сумерках Петя и его друзья сидели в старом баркасе. Баркас этот никуда не плыл, а много лет торчал в песке на берегу. Ребята пристально смотрели вниз на Волгу: там на воде покачивались великолепные лодки спасательной станции, а поодаль темнела будка сторожа. Путешественники были одеты по-походному — в лыжные брюки и фуфайки, а у Витьки, долговязого мальчика по прозвищу «Макарона», за спиной висел рюкзак. В рюкзаке лежали рыболовные снасти, крупа, соль, полкило конфет «Кавказские» и толстая тетрадь — дневник для записи главных событий предстоящего плавания.

Петя поднялся, выглянул из-за борта баркаса, показал рукой на крайнюю лодку и строгим адмиральским голосом сказал:

— Значит, так! Ты, Макарона, поползешь первый и раскурочишь замок у лодки вот этим гвоздем.

Петя протянул Макароне большой, специально изогнутый гвоздь и предупредил:

— Как поползешь, держи его в зубах. Смотри, если потеряешь — выгоню начисто.

— А почему я первый? — уныло спросил Макарона.

— Ты у нас самый плоский,— шепотом пояснил Петя.— Хоть и самый длинный. Если к земле прижмешься, тебя сторож и с трех шагов не увидит.

— А голова-то у меня круглая,— неуверенно напомнил Макарона.

Петя недовольно посмотрел на голову Макароны, и Колька-Челюсть с Катькой посмотрели.

— Значит, говоришь, круглая?! — зловеще переспросил Петя, вдруг рассердился и сказал: — Ну и иди на фиг!

— Ну ладно, не круглая,— согласился Макарона и взял гвоздь.

Тогда Петя подумал и повернулся к Кольке:

— Значит, так. Ты, Челюсть, пойдешь к лодке пешком.

— А сторож-то увидит?

— Пускай! — сказал Петя.— Так и надо. Ты думаешь, я зря своей головой думал?! Когда сторож будет тебя разглядывать, Макарона как раз подползет.

— Больно нужно сторожу меня разглядывать,— возразил Колька.— Что я, клоун?

— Правильно,— обрадованно сказал Петя.— Молоток! Иди и кувыркайся. Еще возьми и упади и головой треснись.

— И как раз сторожа отвлекешь,—добавила Катька.

Колька-Челюсть нахмурился и сказал:

— Сами кувыркайтесь и трескайтесь.

Тогда Петя вскочил, вырвал у Макароны специально изогнутый гвоздь и сказал оскорбленным голосом:

— Я для них старайся! Я для них настоящую лодку ищи! Я с ними в Астрахань и даже в Африку хотел плыть!

Тогда путешественники схватили Петьку руками и стали просить не покидать их. А Колька-Челюсть, чтобы заслужить прощение, даже поел немного грязного песку.

— А чего мы в Африке будем делать? — все-таки спросил Макарона уныло.

Надо заметить, что Макарона был постоянно какой-то полусонный, даже мух с лица не всегда сгонял.

Петя достал из-за уха большой, чистый окурок, сунул его в зубы, как сигару, и ответил без раздумий:

— Ясно чего! Новых животных будем искать и отправлять в зоопарки. И будем есть бананы.

Петя велел приступать. Сам он вместе с Катькой отошел вниз по берегу и скрылся в кустах.

Операция началась. Плоский Макарона успешно прополз к лодке и долго ковырял замок, пока Челюсть кувыркался и пел перед будкой сторожа. Наконец Макарона открыл замок и хрипло свистнул. Челюсть кинулся в лодку, они отчалили и подплыли к кустам. Здесь Петя с Катериной прыгнули в лодку, и Петя залег на дно, потому что он как адми-

рал не имел права рисковать жизнью. Они оттолкнули лодку и проплыли метров десять, но тут сторож высунулся из-за штабеля бревен, где он рыл червей, и закричал:

— Ребятка, ребятка, завертайте в момент, а то вас на катере догоню, хуже будет!

Челюсть с Макароной налегли на весла, но Петя со дна лодки проговорил утробным голосом:

— Завертайте, ладно уж! У него ружье с пулями!

Они пристали, и сторож по одному достал всех из лодки и поставил на берег. Потом он ласково сказал:

— Который заводила, признавайся! А не то всем ухи поокручиваю.

Сторож погладил нежные ребячьи макушки. А рука у него была шершавая, как кирзовый сапог. Катька всхлипнула...

— Мы все заводилы! — сказал Петя стоически.

— Эдак не бывает нигде! — возразил сторож и придвинул к себе малорослого Петю...

Взятый за ухо, Петя вдруг неузнаваемо тонким голосом запричитал:

— Мы-то маненькие, а он-то большой. Мыто не понимаем, а он-то все-о-о понимал!

И тут Петя вырвался из рук сторожа, замахнулся на Макарону:

— У, каланча! Привык маненьких обманывать!

Сторож отделил Макарону от ребят и сказал:

— Ну-ну, бежите и приведите родителя этого хитрого мальца. И чтоб пятки сверкали!

Как только ребята отошли от лодочной станции подальше, Петька утер крупные слезы и весело объявил:

— Значит, так. Макаронной матери ниче не скажем. Держи карман шире. Я в своей голове все придумал. Ты, Челюсть, сейчас залезешь к себе в дом через окошко из палисадника и вытащишь свою копилку. А ты, Катеринка, достанешь у дедушки из тумбочки три пачки папирос.

— А я еще могу галоши принести,— сказала догадливая Катька.— Сторож-то у воды ходит, в сырости.

— Не возражаю,— разрешил Петька.— Ради спасения Макароны.

Через полчаса они обменяли Макарону на четыре рубля семнадцать копеек мелочью, на три пачки папирос «Беломор» и почти ненадеванные галоши.

Когда друзья снова оказались вместе, Петька внушительно сказал:

— Значит, так. Поездку в Астрахань я пока что отменяю. Лучше завтра пойдем на свалку и насобираем частей на целый велосипед.

— А зачем нам велосипед? — тоскливо спросил Макарона.

Полкило конфет «Кавказские» пришлось съесть. Колька-Челюсть при съедании конфет не присутствовал и поэтому здорово обиделся. Да ведь и правда получилось нескладно. Тогда в баркасе грязный песок он ел, а как лопать конфеты, его не позвали! И вообще Колька-Челюсть считал, что Петька больно много власти захватил, а выдумывает всякую ерунду. Выдумал вот, что в Африке есть неоткрытые, неизвестные и таинственные животные. Колька считал, что таких животных нет. Может, конечно, есть какая-нибудь захудалая незнакомая мышь, ну и что из этого?

Глаува́ндра

В начале осени ребята лежали на крыше сарая. Петя ни с того ни с сего спросил:

— А что такое глаува́ндра?

Катя завозилась, толкнула Кольку и скороговоркой повторила:

— Глаува̀ндра, глаува̀ндра... что такое?

И давай повторять, наморщив круглый загорелый лоб:

— Гла-а-у-у... вандра.... Гла-у-у...ва... Это— животное, вроде кошки!

— Сама ты вроде кошки,— сказал Петя довольно и стал слезать с крыши.

— Город! — проговорил Колька неожиданно.— Это город в Индии!

— Я сейчас пойду за квасом,— сказал Петя.— А вы вспоминайте. Так я вам сразу и открыл.

— Вулкан, вулкан! — крикнула Катя вслед ему.— Глауванджаро!

Когда Петя ушел, Колька ворчливо сказал:

— Я эту вашу Глау... вашу выдру отгадывать не буду. Я сам такое слово знаю, что твой Петька заткнется.

— Ну скажи, скажи, воображала!

Колька подумал и сипло выговорил:

— Инфлюенция.

Катя притворно захохотала:

— О-ё-ёй! Кто ее не знает! Все ее и везде ее знают! Ну все, все!

— Все знают, а ты ни бум-бум! — возразил Колька.

Тогда Катя решительно объявила:

— Инфлюенция — самый красивый город в Италии!

— Молодец, Катька,— сказал Челюсть.— Возьми с полки пирожок с гвоздями и съешьте со своим Петькой! Вы со своим Петькой не читаете ни одной газеты и не знаете инфлюенцию. А вот люди, которые читают много разных газет и умеют считать до миллиона, называются как раз инфлюенция.

Катька покраснела и сказала:

— Зато ты еще не ходишь в баню, тебя в корыте моют!

— Слезай с нашего сарая! — закричал тогда Колька.— И не подходи к нему близко!

В это время во двор вышел Петя с бидоном и спросил:

Колька толкнул Петю, он свалился вместе с бидоном, и поднялся такой грохот, что на крыльцо выскочила тетя Даниловна с распущенными волосами.

— Ну, как, отгадали?

Катя плаксиво сказала:

— Он меня со своего несчастного сарая согнал, а глауванду отгадывать не хочет!

Петя строго спросил:

— Не хочешь отгадывать, да? Не хочешь? Тогда сиди на крыше и не слезай на нашу землю!

— Когда отгадаешь, тогда слезешь,— добавила Катя.

— Никакой глауванды нет! — сказал Колька упрямо.

— Давай скорее отгадывай!— закричал Петя.— Мне за квасом надо идти! А ну отгадывай, а то хуже будет!

— Плевать мне на вашу глауванду!— ответил Колька.— Мне на моем сарае и без нее хорошо! А у вашей глауванды шерсть вылезает! Ваша глауванда в помойке живет!

— А ну повтори! — сказал Петя и полез на сарай.— Я тебе сейчас по шее так наглаувандрю!

Но Колька толкнул Петю, он свалился вместе с бидоном и поднял такой грохот, что на крыльцо выскочила тетя Даниловна с распущенными волосами и закричала:

— Я немедленно иду прямо в милицию!

Ночью Колька спал плохо. Ему снилась какая-то облезлая полукошка-полуобезьяна. Она шипела и лапой доставала его из какой-то норы. Наверно, это была ужасная глауванда. В школе на уроке литературы Колька не выдержал и спросил учителя, как будет глауванда во множественном числе и

кто они такие. Учитель нахмурился и сказал, что ответит ему после уроков.

Занятия кончились, все ушли домой, а Колька стал ждать. Наконец, ему надоело, и он заглянул в учительскую. Там шел педсовет, и учитель Михаил Сергеевич не вышел. Может быть, он сам вспоминал, что такое глаувандра, да так и не вспомнил...

Расстроенный Колька грустно побрел домой, а глаувандра как будто кралась за ним следом и мяукала за углами.

А Петя как назло не выходил во двор. И только к вечеру он появился на крыльце с двумя катушками ниток в руках. Колька подскочил к нему, схватил его за плечо:

— Ну, ты, говори, кто такая глаувандра?

— Отстань, потом! — озабоченно сказал Петька и показал ему две катушки ниток.— Вот смотри, чего сейчас будет! Вы меня с Катькой к столбу примотаете обеими катушками, а я буду отрываться. Как думаешь, оторвусь или нет?

Вот так Петя изводил ни в чем не повинных людей своими выдумками, пока сам не попался на такую же удочку...

Операция «Капли «Бло», или эликсир роста

Вскоре после случая с глаувандрой Петя купил на Птичьем рынке трех кроликов. Пух на кроликах был белоснежный и ласковый, глаза розовые, светящиеся, а на длинных теплых ушах — голубые жилки.

Петя соорудил для кроликов большую клетку в сарае и решил выкормить их до рекордных размеров. Он выполол для них всю траву во дворе, таскал тайком морковку из погреба, подмешивал в питье витамины. Но кролики, увы, подрастали неровно. Крольчиха Зоя вообще отворачивалась от травы, сердито стучала задними лапами, сидела носом в угол и теряла в весе. Нужно было придумывать радикальное средство.

Читатель мог убедиться из первой истории, что Петя был человеком невысокого роста, даже, если говорить без преувеличений, маленького роста. Но Петю это ничуть не задевало. Впереди была целая жизнь, и еще неизвестно, кто будет выше, он или Макарона... Но вот как-то вечером, когда Петя, Макарона и Катерина стояли на улице перед воротами и грызли семечки, подошел Колька-Челюсть в новых сандалиях и в новой белой рубашке коробом. Он сморщил свое скуластое хитрое лицо, захихикал и сказал Кате елейным голосом:

— Ну-ка, стань рядом с нашим Петей.

— Ну и что? — спросила Катя.

— Хе-хе-хе,— засмеялся Колька и положил им руку на головы.— Даже ты, девчонка, длиннее нашего пупсика. Ох-хо-хо!

Петя оттолкнул Колькину руку и сказал:

— Отойди, а то я тебя в твоих сандалиях на сарай закину.

— Малявки еще разговаривают,— сказал Колька, отходя на всякий случай подальше.

Петя не придал никакого значения этому пустяковому разговору, но все-таки...

Через три дня, когда он возился возле клетки с кроликами, к нему подошел Колька-Челюсть, присел рядом на корточки. Посмотрел на грустную крольчиху Зою, бросил ей травки. Потом достал из кармана черный пузырек с красной пробкой, стал нюхать. Петя с любопытством покосился на пузырек, но Колька тут же положил его в карман.

— Это что? — спросил Петя, не выдержав.

— Капли «Бло»,— важно сказал Колька и зачем-то лизнул пузырек.— Эликсир такой, ужасно полезный.

Петя взял пузырек, поболтал, понюхал. На этикетке было напечатано: «Капли «Бло».

— Что это за «бло»? — спросил Петя.

— Бло — значит ускоритель роста.

— А кого он ускоряет?

— Ну, млекопитающих... И животных и человека.

— А кроликов?

— А-а, чего там — кроликов! — важно сказал Колька.— Его в детские сады прямо ящиками отправляют, чтобы дети росли в три раза быстрее. Сестра принесла из аптеки.

— Слушай, дай мне для Зойки,— попросил Петя.

— Нет, сам буду пить,— твердо возразил Колька и спрятал пузырек в карман.— По десять капель три раза в сутки, и порядок.

— Да ты и так длинный! — льстиво сказал Петя.

— А я в баскетбол буду играть,— пояснил Колька.— И во флот пойду. Я себе еще пузырьков достану.

— Давай меняться, а? — вдруг предложил Петя.— На свинец!

Это был великий соблазн. Колька от волнения даже завертел головой, будто его щекотали, но выстоял, сказал безразличным голосом:

— Не-ек.

— На черные очки.

— Не-ек.

— На карманный фонарик!

— Больно нужно!

Петя собрался с силами, вскочил и выпалил:

— На горный хрусталь!

Уж это была страшная жертва, потому что всего два кристалла горного хрусталя отец привез Пете с Памира.

— Только за пять пузырьков! — тут же добавил Петя.

Колька завертел головой, заерзал, но удержался, засунул руки в карманы и пошел из сарая. Петя кинулся следом за ним, ухватил за локоть:

— Слышь, давай в ножички! Если проиграешь,— на хрусталь будешь меняться!

— Ладно уж,— согласился Колька.— Я тебя враз причешу.

Петя скорее достал складной ножик, и они сели у сарая на корточки. Петя поспешно вскопал лезвием круг земли, размял комья пальцами, разровнял.

— Начинай давай,— сказал Колька.

Петя поставил нож острием на конец мизинца, подкинул в воздух, и нож воткнулся в мягкую землю.

Колька почесал нос, втянул голову в плечи...

Петя поставил острие на безымянный палец, подкинул — нож воткнулся.

— Ух! — сказал Колька.— Ну, даешь!

Петя метнул нож со среднего пальца, с указательного, с большого, потом с ладони, с запястья, с локтя!

Колька только кряхтел, морщил нос от огорчения. А Петя, закусив губу, опустил левое плечо пониже, согнулся, поставил лезвие острием на плечо.

— А ты чё гнешься, хитрый Митрий! — закричал Колька.— Подыми плечо-то! Так и моя бабушка попадет!

Петя выпрямился, метнул нож, и он плашмя шлепнулся на землю.

Колька тут же схватил нож, поплевал на него, пошептал что-то в ладонь и бросил с мизинца. Сразу промазал и заохал:

— Ой, ёй, ёй, накрылся я!

Петя обрадовался, метнул нож с плеча — попал! Со лба сделал «расческу» — попал, с груди, с колена, с пятки.

— Ух, пропал я, накрылся! — воскликнул Колька хриплым, тоскливым голосом.

А Петя закончил игру «росписью», то есть три раза взял нож за кончик лезвия пальцами, и подкинул так, что он все три раза вонзился в землю.

— Все! — сказал Петя и подступил к Кольке.— Фертиг! Гони-ка свое «Бло»!

Колька скривился и неохотно достал пузырек.

— Ладно, еще посчитаемся, малявка,— пробурчал он, сунул пузырек победителю и пошел, шаркая ногами, к калитке.

Дома вечером Петя достал из буфета чайник с заваркой, налил в стакан на донышко, накапал десять капель «Бло» и выпил. Чудодейственный настой отдавал чем-то кислым, не то сеном, не то капустой. Да, велика человеческая слабость! Перед сном Петя в одних трусах вылез из кровати и стал спиной к дверному косяку. Приложил к макушке прямую ладонь, вылез из-под ладони, ногтем сделал отметину. Потом взял карандаш, провел черту и написал сегодняшнее число.

— Ты что там возишься? — спросила мама из соседней комнаты.

Петя нырнул в постель. Прежде чем закрыть глаза, посмотрел на косяк, на отметину, вздохнул — все-таки мал ты ростом, Петр Кузяев!

Через несколько дней Колька принес Пете еще четыре пузырька и, отдавая, спросил деловитым тоном:

— Ну, как, растут кролики?

— Да так... ничего... вроде,— замявшись, неопределенно ответил Петя.

— Эх, жалко его на животных тратить,— сокрушенно сказал Колька.— Когда людям не хватает.

А Петя все пил и пил эликсир «Бло», и мерил себя у косяка, и смотрелся в зеркало и в стекла магазинной витрины... Но из зеркала, из витрин на него глядел все тот же загорелый, плотный мальчик без шеи, с двумя торчащими макушками...

Однажды утром Петю взяло сомнение. А тут во дворе появились Колька-Челюсть, Макарона и Катька. Колька, ужасно веселый, крутил головой и что-то им рассказывал, захлебывался и сгибался от хохота — Петя это видел из окна. Вот Макарона тоже засмеялся, закидывая голову. И Катька тоненько залилась. А Колька подошел к палисаднику, согнул ноги в коленках, изображая коротышку, и запел гнусным голосом:

— Шел высокий гражданин маленького роста!

Тогда Петя вышел на крыльцо в отцовской старой штурмовке, которая, как назло, доставала ему до колен. Колька увидел его, повалился на траву, задрыгал ногами. А потом сел и, вытирая слезы, сказал Макароне и Катьке:

— Я ему старого кваса в эти пузырьки налил! Ох-хо-хо! Ху-ху-ху! — Он повернулся к Пете и участливо спросил: — Животик не заболел, а?

Старый, прокислый квас — это было особенно нестерпимо обидно! Петя сбросил штурмовку и кинулся с крыльца. Челюсть не успел подняться и отлетел в сторону от удара головой в бок. Пыхтя, они катались на траве, и наконец Петя прижал Кольку к земле и сел верхом ему на спину.

И тогда Челюсть закричал, запричитал:

— Настоящие капли, настоящие!

— А вот тебе добавка за вранье! — сказал Петя и наградил Кольку еще тремя щелчками.

...Так, довольно бесславно, закончилась операция «Капли «Бло»...

Индейская война

С тех пор Колька-Челюсть присмирел. Но это была, конечно, одна видимость.

Однажды в понедельник у них во дворе началась большая индейская война. Дело в том, что в воскресенье по телевизору показывали жизнь южноамериканских индейцев. С татуировкой на груди, с кольцами в ушах и в носу, в уборах из пушистых перьев, потрясая копьями, индейцы плясали, наскакивали друг на друга и пели боевые песни.

На другой день Петя предложил Кольке-Челюсть создать племя и немедленно начать сражение. Но с кем все-таки сражаться? Они подумали и пошли в соседний двор, где жил пятиклассник по прозвищу «Вещий Олег».

— Эй, вы, доставайте копья, стрелы и перья,— сказал ему Петя.— Собирайте свое племя и красьте лица. Через два часа мы на вас нападем.

— А как называется ваше хилое племя? — пренебрежительно спросил Вещий Олег и отставил ногу.

— «Непобедимый орел!» — ответил Петя сразу.

— Ну и придумали! — сказал Вещий Олег.— Вот у нас будет почище вашего — «Белая рысь». А перьев нам не нужно. Мы шкуры наденем!

Петя с Колькой нахмурились, поняли, что Вещий Олег здорово разбирается в индейских делах, и побежали к себе во двор.

Возле палисадника, под фанерным грибом, состоялось общее собрание племени. Здесь были, конечно, и Макарона и Катька. А Колька-Челюсть позвал ребят поменьше, лупоглазого Толика по прозвищу «Рыба», сына портнихи Веню, тихого мальчика в очках минус девять по прозвищу «Пальто», и совсем незначительных малышей, которые мало чего понимали.

Колька-Челюсть открыл собрание и сразу дал себе первому слово для выступления. Он сказал, что, во-первых, надо выбрать вождя, и предложил, чтобы выбрали Петю. Пальто поднял руку и сказал, что нужно выдвинуть еще кого-нибудь. Челюсть снова взял слово и заговорил, по мнению Пети, очень убедительно:

— Выберем Петьку, и кранты! Ты, Пальто, заткнись! И ты, Рыба, тоже! Тебя все равно не выберем. А он... он... умеет говорить чудовищным голосом, и у него заколдованная нога.

Сообщение о том, что у Пети заколдованная нога, сильно подействовало на племя. Петя тоже этому удивился и обрадовался.

В общем, племя с восторгом и трепетом смотрело на Петю и было готово к сражению. Только тихий Веня, то есть Пальто, продолжал возражать. Тогда Колька-Челюсть отозвал Пальто в сторону и боднул его головой. Петю выбрали.

Он тут же предложил назначить Кольку-Челюсть предсказателем и первым своим заместителем по всем вопросам. Еще выбрали Макарону начальником личной стражи вождя и заведующим трофеями и скальпами.

В это время враждебное племя Белая рысь заседало в соседнем дворе на крыше сарая, и хорошо были видны их злые рысьи лица.

Петя влез на верхушку поленницы и вставил себе в голову два куриных пера, а Колька-Челюсть велел племени подходить по одному тереться об его заколдованную ногу.

Племя, приплясывая, со священным воем пошло к ноге. Петя хотел и Кольке предложить ногу, но пока воздержался. Колька велел вождю произнести какую-нибудь речь. Петя встал, а племя упало. Петя заговорил о том, что у Непобедимого орла злая Белая рысь выдрала немало перьев. Он простер руку к соседнему двору. Племя вскочило, запрыгало и обещало биться без пощады.

Белая рысь в ответ завизжала, и затопала там на крыше сарая, и шумела до тех пор, пока не вышла во двор тетя Валя, у которой в том сарае лежали дрова, и не закричала, чтобы все сейчас же слезли на землю.

Тут Колька-Челюсть внушительно сказал:

— Перед началом сражения давайте принесем человеческую жертву.

Все задумались, а Петя с Колькой посмотрели на Пальто.

Пальто растерялся и сказал:

— А я еще не сделал уроки.

— Смерть причину всегда найдет,— важно ответил Колька, и Петя даже позавидовал, что не смог сам так сказать.

Тут он затопал ногами и закричал чудовищным голосом:

— За мной! Налетай на них, орлы!

Племя кинулось на забор, и долго индейцы бились под забором с переменным успехом. Наконец многие рыси па/и от ядовитых стрел, а Вещего Олега и П/омбу орлы взяли в плен. Их привели под Дерево мести.

— Дрожите и тряситесь,— сказал Петя радостно.— Сейчас вот этого закоптим немного на бамбуковом костре, а Вещий Олег пусть ужаснется, но мы его отпустим, потому что он храбро сражался.

— Надо сжечь обоих! — возразил Колька.

— Нет, закоптим одного! — приказал Петя.— Второй только ужаснется.

Тут опять вмешался этот занудливый Пальто. Он сказал Пете:

— А давайте не коптить ни одного. Просто ты, как вождь и колдун, преврати их в крокодилов. Пусть ужаснутся оба.

— Молчать! — закричал Колька. — Взять его!

Макарона, грозный начальник стражи, схватил Пальто за майку и потащил под замок, в палисадник.

— Нет, сжигание отставить! — приказал Петя.— Я, как вождь, приказываю развязать пленных и взять их в наше племя. И начнем общие танцы и соревнования, кто дальше бросит копье.

Тогда Колька-Челюсть подскочил к Пете, выдернул из его головы куриные перья, запрыгал и завопил:

— Заговор раскрылся! Ты не вождь! Племя тебя больше не любит!

Тогда Петя пронзительным, чудовищным голосом сказал:

— Я выгоняю тебя из моих заместителей!

— Он не умеет говорить чудовищным голосом! — закричал Колька и вставил себе

Петя влез на верхушку поленницы и вставил себе в голову два куриных пера, а Колька-Челюсть велел племени подходить по одному тереться об его заколдованную ногу.

перья в голову.— Макарона, Рыба, бросайте в него копья!

Тут все смешалось. Вещий Олег вырвал копье у сонного начальника стражи Макароны и перешел на сторону Пети. Рыба размазал краску по лицу и быстрой рысью побежал домой. Двое малышей, не зная, что им делать, полезли через палисадник. А коварный Колька-Челюсть схватил Катьку, спрятался за нее и стал отстреливаться из автомата. Но стрельба была недопустимым нарушением правил, поэтому от его пуль никто не стал падать и умирать... Петя, не теряя спокойствия, собрал племя в ряды и объявил, что война окончена, а теперь начинается сбор винограда и постройка общего коробчатого змея для запуска его с крыши сарая в стратосферу...

Отвергнутому, изгнанному Кольке-Челюсть ничего не оставалось, как удалиться на улицу и кричать противным, хриплым голосом, высунув голову из-за калитки:

— Эй ты, хабанера! У тебя никогда не было заколдованной ноги! Не было никакой ноги!

Но на эти крики никто не обращал внимания...

Во дворе появляется незнакомка...

Со времени описанных событий прошло больше года. Много воды утекло в Волге, много перемен произошло в слободке. За трамвайной линией, внизу, снесли всю кри-

вую Овражную улицу. Теперь там строили два больших белых дома, и выше всех скворечников поднялась стрела крана; на конце стрелы весело трепетал красный флажок.

Петин отец вернулся из экспедиции с Памира и привез лиловый камень флюорит, который светился в темноте. Петя показывал всем ребятам, как он светится. Для этого сначала все сели на диван, потом Петя закрыл ставни, хотя был вечер. Потом он вошел в совершенно темную комнату с камнем флюоритом и положил его на стол.

Камень слабо замерцал сиреневым и фосфорическим блеском. Все смотрели, сильно дыша от волнения, и все видели камень в абсолютной темноте.

Лишь один Колька-Челюсть сказал сварливым голосом:

— Зажгите мне свет, чтобы я этот камень увидел.

Но от Кольки ничего другого и не ждали, на него все давно махнули рукой, даже полусонный Макарона... Впрочем, Витька-Макарона уже не был такой полусонный, как раньше, он ходил теперь в черной фуражке с козырьком и задирал нос, потому что его приняли в речное училище и он учился на рулевого.

Да, немало произошло перемен. На углу, возле булочной, поставили телефонную будку, выкрашенную изнутри в ярко-красный, пылающий цвет. Но время от времени кто-то портил автомат, вытаскивал из него все монеты или отрывал трубку. Председатель уличного комитета Семен Иванович Семенов, бывший цирковой борец, человек с плечами, как холодильник «ЗИЛ», очень сердился и говорил:

— Эту шпану я обязательно найду, и она у меня попляшет.

Наступило лето, такое сухое и знойное, что даже листва на деревьях стала виснуть тряпками, как неживая... Не только по мягкому асфальту, но даже по земле горячо было ходить босиком. Неделями не появлялось ни одного облачка в чистом, будто эмалированном, распаленном небе...

Однажды утром Петя вышел на крыльцо и сразу увидел ее, эту совершенно незнакомую девочку. В белой спортивной шапочке с синим прозрачным козырьком, она стояла под акациями сбоку от калитки и читала книжку. Удивленный Петя, нарочито зевая, медленно прошел до калитки, повернулся и прошел обратно до крыльца. Потом он взял ведра, опять пошел к калитке и около калитки нарочно уронил пустое ведро.

Незнакомка не обратила никакого внимания на все эти маневры, зато Петя сумел разглядеть, что лицо у нее бледное, даже какое-то голубоватое, брови светлые, а косы кренделькaми висят на ушах. А в кармане белого полотняного сарафана лежит большое яблоко.

Пока Петя дошел до колонки на другую сторону улицы, он решил, что девчонка прилетела на реактивном самолете из-за полярного круга — такое у нее было незагорелое, нездешнее лицо. Шапочка и яблоко тоже были не местного происхождения. Оставалось еще много невыясненных вопросов: к кому эта девочка приехала, зачем и надолго ли?

В общем, когда Петя вошел в калитку с полными ведрами, он от нетерпения едва не брякнул ей «здрасьте», но вовремя закрыл рот. Так мог поступить только Макарона, который всей слободке был известен как прилипала.

Петя поставил ведра в сени и отправился за дом, где в деревянной клетке жил старый ученый кролик Борька. Серый, толстый и важный Борька еще спал, растянувшись, как лев, во всю клетку. Борьке очень не понравилось, когда Петя без всякого предупреждения за уши потащил его из клетки. Он запыхтел и задергал задними лапами.

Петя вынес Борьку на середину двора, чтобы незнакомка могла все хорошо увидеть, и поставил кролика на задние лапы. Когда Борька был в хорошем настроении, он стоял охотно и колотил передними лапами по фанерному ящику. Однако сейчас, спросонья, обиженный Борька вырвался и тяжелым скоком кинулся в калитку. Он полез в щель под калиткой, застрял и начал бить задними лапами. Петя схватил его за лапу. Борька заверещал и все-таки вырвался, вылез на ту сторону. Петя услышал, как за спиной весело засмеялась девочка, и бросился за кроликом на улицу.

Борька приударил поперек дороги и уселся на трамвайном пути. Петя схватил его и побежал обратно; Борька совсем обозлился и начал рвать когтями рубашку на животе. В калитке Петя столкнулся с высокой незнакомой женщиной в темных очках, а за нею следом шла та самая девочка. Женщина держала в руках теннисную ракетку в чехле.

— Мальчик, скажи, как нам пройти на стадион? — спросила женщина.

У Пети так и вертелось на языке: а зачем вам туда? Но он неслыханно вежливо объяснил:

— Значит, так... Идите, идите все по левой стороне мимо поликлиники и через три квартала напротив аптеки заходите на стадион, пожалуйста.

— Спасибо. Кстати, нам и в аптеку надо,— ответила женщина и улыбнулась Пете.— Пойдем, Нина.

Итак, им нужно на стадион и в аптеку... Спорт и лекарства... Какие можно сделать выводы? Девчонку зовут Ниной.. Она, конечно, воображала и зубрила и ест только мытые яблоки... Неужели она умеет играть в теннис?

Все эти вопросы сильно мучили Петю до обеда. К обеду с работы из школы пришла Петина мама, учительница начальных клас-

сов. Она сказала, что очень устала от жары и от педсовета, и велела немедленно выгнать мух из обеих комнат. Петя взял рубашку и полотенце, долго махал руками, как мельница, и свалил на пол стакан со стола, на что мама сказала со вздохом:

— Хватит, хватит, а то перебьешь всю посуду.

Пока шла борьба с мухами, таинственная девочка и ее мама вернулись домой, а Петя прозевал этот важный эпизод. После обеда Нина, конечно, не появилась во дворе, потому что стояла страшная жара и они там, наверно, залегли все спать. Словом, пришлось мучиться и ожидать до вечера.

Наконец раскаленное медно-желтое солнце село за нагретые горы, и от реки потянуло свежестью. В лиловом небе над степью, за Волгой, повис узкий, слюдяной серпик месяца. Скоро под недвижными кустами акаций у забора, где густел сумрак, мелькнул белый сарафан. Девочка села там на скамейку. Петя так и прирос к крыльцу, вглядываясь и решительно не зная, что же ему делать.

А на крыше сарая, глядя на Петю болотными глазами, сидел облезлый кот по прозвищу «Шнур». Вот он встал, выгнул спину, беззвучно зевнул и снова сел, поджал лапы. На землю Шнур спрыгивать боялся, потому что Петя был близко. Но ему было не до кота. Петя просто умирал от любопытства, а она... какое ей было дело до низенького мальчика с толстыми щеками! Эх, вдруг бы сейчас началось наводнение! Петя бросился бы и помог ей залезть на крышу, а потом поплыл бы на бревне и на глазах у нее спасал жителей двора. Но разве дождешься наводнения в такую жару!

Опять Колька-Челюсть

И вдруг Пете показалось, будто тихо приоткрылась калитка, кто-то вошел во двор и сразу исчез в сумраке под кустами. Петя поднялся и вдоль сараев незаметно сделал несколько шагов к калитке, остановился, замер, прислушался. В кустах, там, где сидела Нина, ему почудилось какое-то шевеление... Вдруг она пронзительно, тоненько вскрикнула, бе-

На свету Петя узнал Кольку-Челюсть и разобрал наконец, что на голову тот натянул старый капроновый чулок. Петя схватился за чулок на Колькиной макушке...

лое пятно ее сарафана метнулось к дому, но кто-то серый, кривляясь и прыгая, преградил ей дорогу. Нина закричала, заплакала, и тогда тот отпрыгнул в кусты и, треща ветками, кинулся к воротам.

— Ма-ма-а, ма-мамочка! — совсем как маленькая, захлебываясь, крикнула Нина, бросаясь к дому.

Петя пустился наперерез через кусты и столкнулся у калитки с каким-то уродом... Существо это дернуло калитку, и в свете уличного фонаря Петя увидел гладкую, без ушей, коричневую змеиную голову со сдавленным носом и расплющенными губами. У Пети морозом дернуло по спине, зашевелились волосы. Голова эта, которая торчала из белой рубашки, зарычала, захрипела, протискиваясь в калитку, которую Петя прижимал изо всех сил. И все-таки что-то знакомое было в этой отвратительной, блестящей, как яйцо, голове. Существо вырвалось на улицу, и на свету Петя узнал Кольку-Челюсть и разобрал, наконец, что на голову тот натянул старый капроновый чулок. Петя схватился за чулок на Колькиной макушке и стащил. На глупой Колькиной голове сразу растопырились уши и взъерошились волосы.

— Здорово я придумал? — спросил Колька, отдуваясь.— Почище Фантомаса, ага? Пошли в сквер девчонок пугать.

— Придурок ты базарный! — сказал Петя с презрением.

— Отдай чулок! — Колька схватил чулок и потащил к себе.

А Петя обкрутил Кольку чулком и стал связывать, приговаривая:

— Ах ты, моська бесхвостая!

— Отойди, лилипут пузастый!

Конечно, они долго еще придумывали бы друг другу разные пышные прозвища, но за забором, в доме, хлопнула дверь, послышались взволнованные голоса и трубный возглас Семена Ивановича:

— Откуда он выскочил?

Колька оторвался от Пети и пустился через трамвайные пути в переулок. Тут же калитка открылась, и Петя был схвачен могучей рукой Семена Ивановича.

— Ага, безобразник, попался! — прогудел Семен Иванович.

В калитке появилась мать Нины, губы ее дрожали.

— Ты, ты хулиган! Какой ужас! — сказала она Пете.— Девочка насмерть перепугалась! Нет, мы уедем!

— Да я его ловил! — закричал Петя.— Вот стащил с него чулок!

— При чем здесь чулок? — сердито спросил Семен Иванович.— Ты мне зубы не заговаривай!

— Я на него бросился!

— На кого? Кто это был?

Петя готов был вывалять Кольку в мазуте, заставить есть песок, глину и камни, но назвать его имя он не мог.

— Не разобрал я, он сразу смылся,— смятенно проговорил Петя.

— Не понимаю, зачем мы сюда приехали! — воскликнула мама Нины и пошла в дом.

— Да вы не бойтесь! — крикнул Петя ей вслед.— Он больше во двор не сунется!

Семен Иванович внимательно посмотрел Пете в лицо выпуклыми светлыми глазами и сказал с обидой:

— Я пригласил Людмилу Ивановну, мою сестру, с дочкой отдохнуть на Волге и подправить здоровье, чтобы у девочки окрепли гланды, а у нас хулиганы выскакивают из кустов! Что подумают гости о нашем городе, а?

Петя виновато молчал.

Семен Иванович вздохнул.

— Девочке требуются жаркий, сухой воздух и хорошие друзья. А что получается? Вы храбрецы пугать девчонок и таскать трубки из телефонов-автоматов!

— Эх, ну вы и сказали, Семен Иваныч! — воскликнул Петя тоскливым голосом.— Да я его калиткой прижал!

— Ну, смотри, Петр, смотри! — грозно проговорил Семен Иванович и тяжелыми шагами пошел в дом.

Это была страшная обида; у Пети даже в носу защипало. Он пошел за Семеновым, но тот был непоколебим и решительно закрыл дверь перед Петиным носом.

«Нет никакой справедливости на свете! — думал Петя, направляясь к своему крыльцу.— Ты защищаешь девчонку от дурака Кольки, а они... Нет справедливости, нет!»

Петя в расстройстве сел на теплое после дневной жары крыльцо и предался отчаянию. Кот Шнур смотрел на Петю с крыши сарая, блестел глазами и, казалось, говорил: «Да, брат, я-то знаю на собственной шкуре, что нет никакой справедливости». И вдруг Пете стало жалко ободранного Шнура, который, хоть немало натерпелся от ребят, все-таки не покидал родной двор.

— Шнур, Шнур, иди сюда,— тихо позвал Петя.

Кот поднялся, выгнул спину, мягко прыгнул на ствол клена, потом на землю и осторожно подошел. Петя погладил кота по шишкастой, битой голове, и Шнур хрипло, с некоторым смущением замурлыкал, стал поджимать передние лапы и царапать когтями ступеньку от полноты чувств.

Казачий остров

Наутро, когда Петя проснулся, щели в закрытых ставнях горели точно от электросварки, потому что солнце било прямо в окна.

Петя выскочил на крыльцо. Солнце, точно расплавленное, поднималось далеко за Волгой, но от него шел такой жар, будто оно

висело прямо за воротами. Синяя тень от забора закрывала весь двор, доходила до крыльца.

Жаркий, сухой воздух... Особенно много его было внизу, на Волге, где лежал прекрасный остров с белыми песчаными отлогими берегами, со старыми серебристыми осокорями в середине... Вот куда надо везти племянницу Семена Ивановича с ее гландами!

На соседнем крыльце показался Макарона, у него живот вздувался после завтрака. Вышла и Катька, его сестра. Макарона несколько раз зевнул от сытости, еле сошел с крыльца и лег на скамеечку возле палисадника. А Катька запела диким голосом, подражая Рафаэлю.

Петя тихо зашел в палисадник, подкрался к Макароне и через ограду толкнул его в бок. Макарона свалился со скамьи, как тюк, и остался лежать на земле — до того наелся.

— Ну вот что, засоня! — сказал Петя.— Спишь тут и ни фига не знаешь!

— А мы и знать не хотим,— равнодушно сказал Макарона, снова залезая на скамейку и укладываясь.

— А кто к Семену Ивановичу приехал? — спросил Петя.— Кто?

— А-а, видали, какая-то рыжая девчонка,— проворчал Макарона.

— Боже мой, рыжие волосы — это очень модно! — воскликнула Катька жеманным голосом.

— Ничего она не рыжая,— смущенно возразил Петя.

Макарона прикрыл глаза и будто бы во сне, замирающим голосом протянул:

— Влюбился.

— Молчи, амеба,— сказал Петя.

Катя ревниво хмыкнула и быстро проговорила:

— Ну и что, ну и что! А что это за девочка?

— В порядке...— ответил Петя безразличным голосом.— Она с гландами...

— С чем, с чем? — спросил Макарона и сел от удивления.

Но Петя уже скрылся в палисаднике.

Дома он взял книжку и смиренно сел у окна, чем несказанно удивил маму. Но дальше первой страницы чтение не двигалось, потому что Петя вел наблюдение из окна...

Вот Нина и Людмила Ивановна показались во дворе и направились к воротам. Петю будто ветром сдуло. Он нагнал их у калитки и поспешно выпалил:

— Здрасьте!

Они остановились, поздоровались. Людмила Ивановна сняла темные очки — глаза у нее были такие же светлые, выпуклые, как у Семена Ивановича,— и тихо, но строго спросила:

— Ты и правда не знаешь, кто это выскочил вчера?

— Ей-богу! — воскликнул Петя.— А вы не уезжайте, поедем лучше за воздухом на Казачий остров!

— А где этот остров? — спросила Нина.

— Мы поедем на городской пляж,— быстро сказала Людмила Ивановна.

— Значит, так,— деловито сказал Петя.— Сядете на трамвай, а там толпа, духотища! Приедете на пристань, и торчи в очереди за билетами на теплоход, а на теплоходе опять стой! И на пляже стой в очереди за теплым ситро. Эх, зря!

— Да, перспектива ужасная,— улыбаясь, сказала Людмила Ивановна.

— А остров, вон он, рядом! — воскликнул Петя.— И воздух там ужасно полезный, лечебный. Его... даже скоро будут вывозить в баллонах и продавать!

— Почем? — спросила Нина насмешливо.

А Людмила Ивановна сказала:

— Ну, кажется, ты нас уговорил. Я тогда поеду по делам в город, а ты, Нина, побудешь здесь, почитаешь, привыкай к солнцу.

— Хорошо, буду привыкать,— послушно ответила Нина, тут же села на скамейку и раскрыла книжку, а Людмила Ивановна пошла на трамвайную остановку.

А что было делать Пете? Он поплелся опять к своему дому и, чтобы затянуть время, шел какими-то зигзагами. А солнце жарило все сильнее и прямо лезло, ломилось через забор, а под забором, поджав ноги, сидела, упрямо читала книжку эта тихоня и совсем не поднимала голову. Петя посреди двора сделал стойку на руках, потом начал сбивать камешками старого змея с проводов, но она так и не подняла голову... Да, жизнь проходила совершенно бессмысленно... Тогда Петя решительно двинулся на улицу, чтобы оказаться в гордом одиночестве. Когда он взялся за ручку калитки, козырек жокейской шапочки шевельнулся, Нина подняла на Петю внимательные глаза и спросила:

— А ты давно был на острове?

Петя повернулся и от радости даже не стал врать:

— Этим летом еще не был, все некогда. Хочешь, сейчас пойдем?

— Хочу. А как мы туда попадем?

— На лодке поплывем! Мигом!

— А можно до обеда вернуться, чтобы мама не узнала?

— Это все равно, что в магазин сходить. Тысячу раз вернешься!

— Если тысячу раз, пойдем.

Петя открыл калитку, и они вышли на улицу, где их сразу обдало жаром, точно из духовки. Они перешли трамвайные пути, от которых пахло горячим мазутом, и вошли в узкую улочку слободки.

Здесь в пятнистой тени от садов копались куры, возле скворечников хлопотали, шумели скворцы.

— Я ни разу в жизни не была на острове,— проговорила Нина почему-то шепотом.

Они прошли последний переулок, где на солнцепеке сидел задумчивый длинноухий щенок, и перед ними открылся речной простор. Знойный воздух струился стеклянными потоками. Совсем близко, за полоской воды, белел песчаный берег острова. А за островом синела бесконечная ширь воды, вспыхивая под солнцем.

— Красиво как! — сказала Нина восхищенно.

Они стали спускаться к самой воде, где покачивались лодки. Около одной из лодок толпились люди; матери и бабушки с малышами, мальчишки, все, кто хотел переехать на остров. Они подошли ближе, и Петя увидел Кольку-Челюсть; он важно сидел на корме лодки у мотора и покрикивал на пассажиров:

— Эй, вы, на обе стороны садитесь! Куда навалились на один борт? Бабка, возьми ребенка в руки.

Петя знал, что старший брат Кольки часто подрабатывает на своей лодке, перевозит пассажиров на остров, а сегодня он, видно, поручил это дело Кольке, и тот выдрючивается. Нина, конечно, не узнала Кольку. А Петя подошел к нему и крепко ударил по плечу.

— Здорово, чулок! Почем сегодня берешь?

Колька испуганно обернулся, и Петя увидел, что под рубашкой у него надета тельняшка, которую он, конечно, выпросил у старшего брата. Колька заморгал маленькими своими вредными глазками и ответил:

— Для рыжих скидка.

Петя помог Нине войти в лодку, и они прошли на нос, но Колька тут же закричал наглым голосом:

— Эй, вы, уйдите с носа! Не видно. Все сели? Чтоб не шевелились у меня!

Колька снял рубашку, закатал рукава тельняшки и веслом оттолкнулся от берега. Потом он дернул рукоятку завода, мотор взревел, и лодка кинулась наперерез течению...

Петя не знал, как ему вести себя сейчас с Колькой. Конечно, за чулок следовало ему вломить, но попробуй, когда он капитан! Да и не стоит при девчонке. Неправильно поймет. Пусть уж она думает, что Колька-Челюсть — благородный человек, пусть ей все здесь понравится: и Волга, и остров, и ребята...

На середине протоки стало резко покачивать, и такие брызги хлестнули через борт, что один маленький мальчик, сидя на коленях у бабушки, закричал:

— Буря! Ура!

Но Колька смотрел вперед хмуро и велел пассажирам собрать деньги. Пассажиры завозились, каждый достал десять копеек, и, передавая из рук в руки, вручили Кольке горстку мелочи. Он высыпал ее около себя на сиденье, сосчитал, потом пересчитал пассажиров и сказал склочным голосом:

— Так, а кто зажал?

Пассажиры стали удивленно переглядываться, а Колька приостановил движение лодки и сердито спросил:

— Кто у нас такой крохобор?

И тут Петя спохватился, что это он не заплатил. Признаться, он считал, что Колька и так их с Ниной провезет: все-таки товарищи. Петя покраснел, полез в карман, но там не было ни копейки. Все пассажиры сердито смотрели на него, а Нина страшно смутилась и тоже сунула руку в карманчик своего полотняного сарафана. Колька совсем остановил лодку, сплюнул в воду и заявил:

— Если не платите, я обратно поворачиваю.

Пассажиры загалдели, зашумели, а Колька увидел, что Петя, красный, как помидор, закусив губу, пробирается к нему с носа, поспешно сказал:

— Ладно, поехали!

Лодка мягко ткнулась носом в берег. Нина сняла тапочки, и они с Петей спрыгнули на песок. Какой прекрасный, влажный песок выходил здесь из воды, как он сохранял отпечаток каждого пальца босой ноги! Зато дальше он жег подошвы, будто раскаленная зола. Они побежали вверх по берегу, и чем выше поднимались, тем горячее было ногам. Наконец они выскочили на глинистый обрыв и оглянулись на город. Растянутый вверх по берегу, по горам, подернутый лиловой пеленой, город точно дышал, очертания его трепетали в мареве зноя. Сквозь эту пелену лучисто сверкали стекла домов.

— Остров! И правда остров! — воскликнула Нина, сдернула шапочку и, размахивая ею, побежала на другой берег. — Ура, мы Робинзоны!

Они пробежали заросли ивняка и вышли к обрыву. Сюда, под обрыв, накатывала и ударяла крепкая волна. Вода тяжело бурлила под обрывом, даже кружилась голова. Далеко-далеко за главным руслом, казалось, прямо на воде, на тонкой пленке воздуха стояли синеющие деревья.

На краю обрыва, подмытая водой, наклонилась старая ветла.

Петя сбросил майку, выгоревшие штаны, быстро забрался на ветлу, ухватился за ветку повыше, раскачался и бесстрашно прыгнул в кипящий водоворот. Нина ойкнула и съежилась от страха. Вода крутилась как бешеная, а Петя не показывался. Наконец, гораздо ниже по течению, вынырнула его голова, облепленная мокрыми волосами. Он зафыркал, поплыл, вылез на берег, подбежал и стал прыгать на одной ноге, склонив голову набок, чтобы вода вылилась из уха.

— Вот это да! — уважительно произнесла Нина, глядя на его загорелую, крепкую, как желудь, голову. — А я совсем плавать не умею.

— Я тебя враз научу! — сказал Петя без всякого сомнения. — Плавать легче, чем пешком ходить! Я запросто могу и до тех деревьев доплыть. — Он показал на дальний берег. —

Конечно, если мне на лодке будут какао подвозить в термосе. Ну, айда остров смотреть!

Петя подхватил свою одежду, пошел вперед, вдруг обернулся и спросил:

— А ты откуда приехала?

— Из Ленинграда. У нас там совсем не так — сыро, прохладно.

— Ничего, у нас поправишься,— сказал Петя.— Ты солнца не бойся, сними шапочку, Будем с тобой на остров ездить хоть три раза в день!

— А почему этот остров называется Казачий?

— Значит, так,— уверенно сказал Петя — Потому как на нем казаки Стеньки Разина лагерь разбивали, когда из Астрахани плыли на челнах!

Петя запел басом:

— «Мимо острова на стрежень, на простор речной волны...» Ясно? Мимо этого острова, вон туда на стрежень они выплывали.— Петя широко показал рукой, подумал и небрежно сказал:— Вообще-то он и княжну где-то здесь бросил. Прямо... около затона! А хочешь, я тебе наш тайник покажу?

— Покажи.

— Тогда побежали!

Петя пустился в глубь острова, Нина побежала за ним, размахивая шапочкой. Около высохшего осокоря Петя остановился, оглянулся. От быстрого бега у Нины развязалась одна косичка, щеки порозовели, влажно заблестели виски.

— Слышь, а тебе ничего так бегать? — спросил Петя.— Не вредно?

Нина подвязала косу лентой, упрямо тряхнула головой.

— Чего ты все, как мама моя,— вредно, вредно! Без вас знаю!

— А эти... гланды?

— Замолчи! Показывай тайник.

Петя начал отмерять от дерева шаги.

— Семь шагов на север, поворот, три шага на запад. Стой!

Петя раскидал сучья возле старого пня. Открылась яма под корнями. Он запустил туда руку и вытащил закопченную алюминиевую кастрюлю и пачку соли, твердую, как кирпич. Потом достал четыре гнутые ложки и сказал со вздохом:

— Вот они, наготове, только ухи нет! Мама до сих пор удивляется, куда эти ложки подевались.

— И больше ничего? — спросила Нина.

Тогда Петя засунул руку подальше и достал сухую заячью лапку, сдул с нее пыль и протянул Нине.

— А это наш счастливый талисман! Эх, смешно вспомнить! — Петя снисходительно засмеялся, покрутил головой.— Мы за него так сражались! Если носишь его с собой, у тебя рыба лучше всех клюет и к доске реже вызывают.

Между тем солнечный свет незаметно потускнел. Над степью, за Волгой, поднялась серо-желтая пелена пыли. И вдруг горячий ветер понесся над островом, выворачивая листья светлой изнанкой, засвистел в сухих ветках осокоря.

Солнце стало багровым, и на него снизу, от горизонта, наползла дымная туча. Вода в Волге пошла тяжелыми стальными волнами. Недаром так немилосердно пекло с утра. На город шла пыльная буря из выжженных прикаспийских степей.

— Скорее к лодке! — крикнул Петя, и они побежали.

На берегу крутился, плясал песчаный смерч. Ни людей, ни лодки не было, точно всех уже унесло бурей. Лодка с людьми, зарываясь в волны, уже подходила к городскому берегу. Пете стало не по себе. Нина не знала, что иногда в сильный шторм волны захлестывали, затопляли плоский остров.

— Колька-а! — закричал Петя изо всей силы, но ветер разорвал, заглушил его крик.

Лодка подошла к тому берегу, пассажиры, подхватывая детей, поспешно побежали вверх, в город, а ветер толкал их, пузырями надувал рубашки и платья.

— Колька-а, Колька-а!..

Колька закрепил лодку и, не оглядываясь, припустил вверх.

В это время раздались детские голоса и оханье; Петя оглянулся и увидел еще троих отставших пассажиров: это была бабушка с двумя мальчуганами в одинаковых голубых панамках. Увидев, что лодки нет, братья дружно заревели в полный голос, басом.

— Да что же это делается, господи! Живых людей бросили! — испуганно говорила бабушка, прижимая внуков к себе, точно их могло унести ветром.

— Ничего, орлы, все будет в порядке! — решительно сказал Петя.— Прекратить рев! Вы хотите быть космонавтами?

— Хотим,— сказал один из малышей, переставая реветь, но всхлипывая.

— Молоток! Значит, ты полетишь первый.

И малыши, и бабушка, и Нина смотрели на Петю с надеждой, а между тем из-за острова наваливалась мрачная, лохматая туча. Она совсем закрыла солнце, и на берегу сразу стало холодно и неприютно. За Волгой зарокотал гром, и оттуда дохнуло влагой.

И вдруг Петя увидел, что к городскому берегу подошла рыбацкая лодка и рыбак поспешно стал вытаскивать воротом из воды свою снасть, так называемого «паука» — сетку, подвешенную к двум скрещенным железным коромыслам. Петя скинул одежду, побежал в воду и, когда уже поплыл, обернулся, крикнул:

— Ждите, сейчас приплывем за вами!

Вода была теплой, как парное молоко. Но большие волны накатывали сзади, и, когда Петя оглядывался, он видел только высокие пенистые валы, и ему становилось страшно. Зато городской берег был уже близко, и Петя закричал истошным голосом:

— Эй, дяденька, помогите!

Рыбак обернулся, увидев мальчика, который быстро плыл к берегу, и погрозил ему пальцем: «Чего орешь?» Тогда Петя набрал воздуха и нырнул под воду. Рыбак испуганно начал вставлять весла в уключины. Петя вынырнул у самого борта и, перелезая в лодку, отчаянным голосом завопил:

— Дядя, дяденька, спасите!

Рыбак, заросший пожилой мужчина в переломанной соломенной шляпе и в пиджаке на голом теле, сердито закричал:

— Чего орешь? Плаваешь, как лягушка, и орешь! А ну, сойди с лодки!

По воде, по лодке застучали тяжелые капли дождя. Петя, дрожа под ветром, быстро-быстро заговорил:

— Дядя, вон на острове братья мои! Маленькие! Плачут, грома боятся. Их мать с утра ищет! Они и так простуженные, а еще от страха заиками станут.

Дядька ворча вставил весла в уключины, сильно оттолкнулся от берега. Дождь ливневыми потоками обрушился на лодку. Прямо над головой у Пети нестерпимым фиолетовым сверканием осветило тучи, струи дождя стали похожи на серебряные прутья. Тут же выстрелило, как из пушки.

— А-а, черт бы вас подрал! — выругался дядька, и непонятно было, что он имел в виду.

Лодка подошла к берегу; Нина сбежала вниз, таща одного малыша на руках; Петя помог бабушке со вторым карапузом влезть в лодку и тут же накрыл мальчишку своими штанами, уперся в нос лодки грудью, руками и столкнул лодку в воду.

Когда пристали к городскому берегу, дождь затихал, а на востоке, за Волгой, между синими полотнищами ливня уже жемчужно светлело, проблескивало небо, а выше нежным молочным цветом наливались облака.

Бабка схватила внучат за руки и ушла вверх по берегу.

Рыбак ухитрился под полой пиджака закурить папиросу; держа ее в кулаке, он затянулся, выпустил дым сквозь зубы и спросил:

— А ты чей же будешь, спасатель? Вроде из слободки?

— Не-е, мы издалека,— ответил Петя, влезая в мокрые штаны.

Нина удивленно посмотрела на него и даже пожала плечами.

Дядька нагнулся, достал из-под лавки и протянул Пете живого черного рака.

— Нате-ка, ребята. За сеть зацепился.

Ливень стих так же внезапно, как и начался... Блеснуло солнце, длинные облака уплыли за горы, теплый пар заструился от земли, запахло мокрым высыхающим песком, деревом и смолой от лодок.

Петя подхватил рака за длинный ус, и они пошли вдоль берега; через десять шагов Нина сурово спросила:

— Ты зачем соврал?

— Когда?

— А вот минуту назад. Сказал, что ты не из слободки. Не знала, что ты такой.

— Да разве это вранье? — искренне удивился Петя.— Я для твоей же пользы. Этот рыбак Семена Ивановича знает, еще зайдет к нему и расскажет, как мы на острове остались. Тебе же попадет!

— А мама все равно узнает. Вон какой сарафан мокрый!

— Это ерунда. Сейчас враз высушим. Пошли.

Петя подвел Нину к старому баркасу, который наполовину утонул в песке. Один его борт, обращенный к солнцу, давно высох.

— Притронься, как греет.

Нина приложила ладонь к черному металлическому борту, он был горячий, как включенный утюг.

— Снимай сарафан и вешай на борт, враз высохнет,— посоветовал Петя.

Нина помолчала, тихо проговорила:

— Я тогда в баркас залезу, а ты отвернись.

Петя отошел, лег на песок лицом в небо. В глубокой мягкой синеве таяло последнее облако.

— А твой отец где работает? — спросил Петя.

— Он штурман, он плавает.

Петя тут же сел, обернулся. На борту баркаса уже висел сарафан, а голова Нины с розовым от загара носом выглядывала из-за борта.

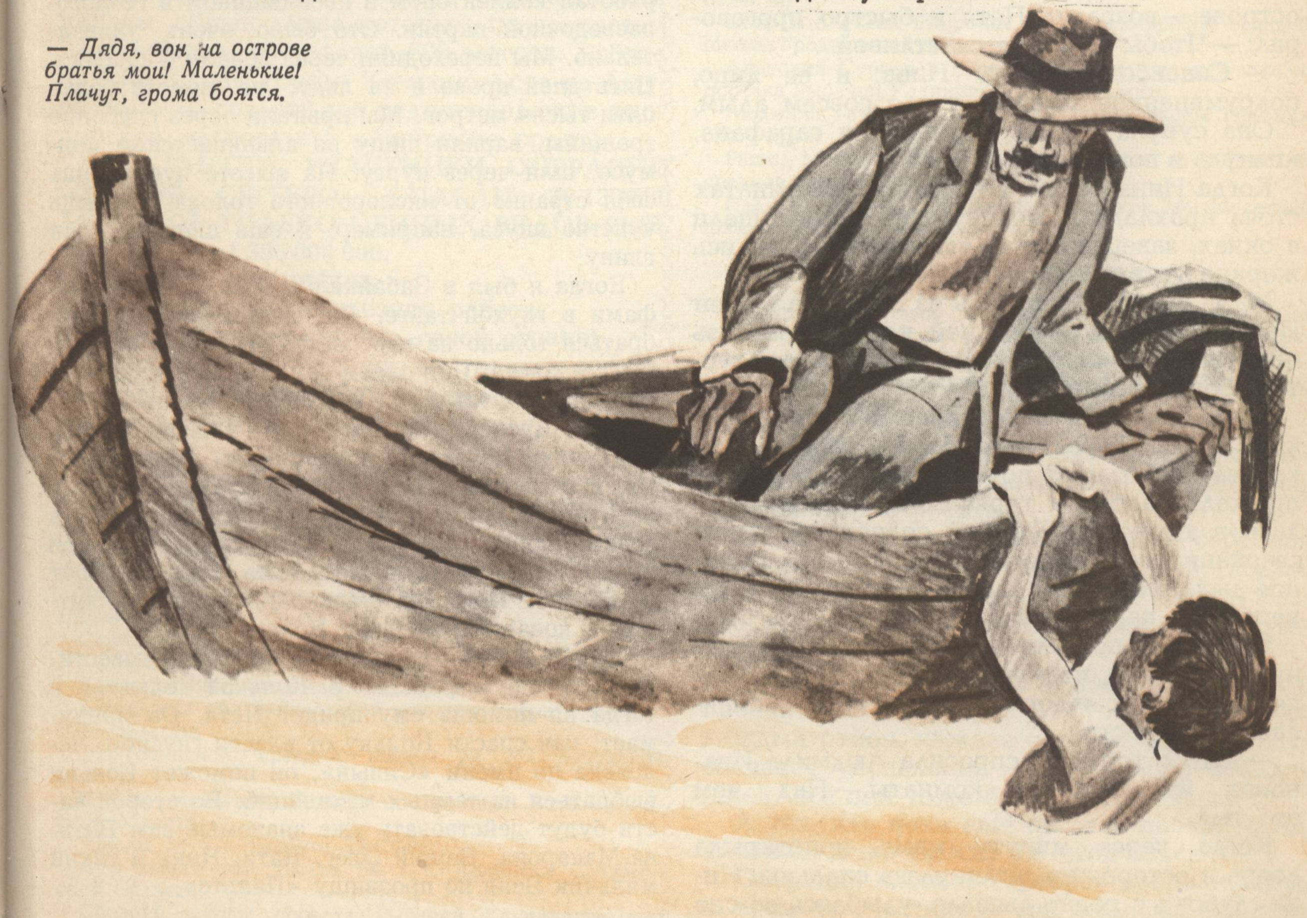
— Где плавает? По морям?

— Конечно! Вот сейчас они ушли в Гавр.

— А ты была на корабле?

— Много раз. Там у них в салоне вот такие зеркала! — Нина развела руки, показала во всю длину баркаса.

— Дядя, вон на острове братья мои! Маленькие! Плачут, грома боятся.



— Эх вы, девчонки! Подумаешь, зеркала,— сказал Петя снисходительно.— А вот сколько сил у них в двигателях?

— Сколько-то тысяч,— ответила Нина.— Много, в общем.

— Эх ты! Много! Двадцать тысяч сил, понятно? Или даже тридцать. А какая длина корпуса?

— Не знаю,— ответила Нина виноватым голосом.

— Сто тридцать метров. Я про эти корабли читал. Я вообще-то в речное училище хотел поступать в этом году, но решил пока отложить. Десять классов окончу — и прямо в институт морского транспорта двину. Уж если плавать, так на больших кораблях, в дальние рейсы.

— Ты прав,— уважительно сказала Нина.— А я вот еще не знаю, кем быть. Мне очень нравится история. А тебе?

— Ничего, нравится,— неуверенно сказал Петя.— Только скучно и времени жалко все про царей да королей читать. Ведь их жутко много было. Людовиков этих штук двадцать... А еще Генрихи, Карлы всякие.

— Наверно, у тебя тройка по истории,— сказала Нина со вздохом...

...Через полчаса они вошли в калитку. Нина достала из кармана сарафана заячью лапку и протянула Пете.

— Вот твой талисман.

— Что ты! Это тебе. На память о Казачьем острове,— возразил Петя и быстро проговорил: — Чтобы ты была счастливой.

— Спасибо,— сказала Нина, и ее лицо, подрумяненное загаром, стало совсем алым.

Она сунула руки в карманчики сарафана, кивнула и пошла к дому...

Когда Нина вошла в квартиру, в комнатах стоял прохладный полусумрак. Сквозь щели в окнах, завешенных одеялами, пробивались жаркие лучики солнца с улицы...

Мама еще не вернулась из города, а Семен Иванович спал в соседней комнате; сквозь прикрытые створки двери доносился его густой, богатырский храп.

Нина села в глубокое кресло в углу, прикрыла глаза. И сразу показалось, что пол раскачивается, плывет под ногами... Она крепко прижала ладони к горячим щекам, улыбнулась в темноте... Жгучий солнечный ветер, сверкание белого песка, шум листвы, влажное дыхание грозы — все перемешалось и завертелось каруселью...

Вечером в постели перед сном Нина сунула руку под подушку, нашла и сжала заячью лапку в ладони и вдруг тихо засмеялась от радости.

— Что с тобой? — спросила Людмила Ивановна из соседней комнаты.— Над чем это ты?

Когда через минуту мама приоткрыла дверь и осторожно заглянула в спальню, Нина глубоко и ровно дышала, улыбаясь во сне невесть чему...

Что нам читать?

Писатели рассказывают

Я очень люблю путешествовать. Разъезжать начал очень давно, когда мне было от роду всего... шесть месяцев. Именно тогда мои родители поплыли по Волге, прихватив меня с собой.

С тех пор я проехал по всей Волге, будучи пассажиром, а также работая кочегаром и мотористом на грузовом теплоходе. Должен сказать, что плыть по Волге, работая в жарком и грохочущем машинном отделении, управляясь с двигателями и насосами, было гораздо интереснее, чем путешествовать простым пассажиром.

И всегда, когда я приезжал в какие-нибудь далекие края, старался работать там, заниматься делом вместе с людьми. Так, на Памире я работал коллектором и носильщиком в геологоразведочной партии. Это было очень увлекательно. Мы переходили через ледник Федченко. Пять дней провели на льду, на высоте более пяти тысяч метров. Мы прыгали через глубокие трещины, варили пищу на альпинистском примусе, шли через пургу. На высоте чувствуешь себя странно от кислородного голода, теряешь чувство вкуса, например, и ешь шоколад, как глину.

Когда я был в Забайкалье, работал с географами в глухой тайге. До нас можно было добраться только на вертолете. Мы жили на вечной мерзлоте. Под слоем земли в пятнадцать — двадцать сантиметров там лежит вечный лед.

Петя Кузяев, герой повести «Казачий остров», тоже мечтает путешествовать. Придет время, и он отправится в далекие края. Но пока у него много дел и забот в родной слободке, в своем дворе. Как вы видите из повести, он любит выдумывать и изобретать. Много хлопот доставляет Пете его ближайший товарищ, хитрый и коварный мальчик Колька-Челюсть.

Сейчас я работаю над второй частью повести. В ней беда стрясется с Колькой-Челюсть, и тогда на помощь ему придет Петя. Он придумает, как спасти Кольку от власти гнусного человека по имени «Сивый», он поможет Кольке выбраться из темных махинаций. Во второй части будут действовать уже знакомые вам Витька-Макарона, Вещий Олег, Катя, Нина и тихий мальчик Веня по прозвищу «Пальто»...

Евгений ШАТЬКО

Кто стал победителем?

Главному штабу операции «Живое серебро» совсем непросто было ответить на такой вопрос в этом году.

2 897 ОТРЯДОВ, 53 370 ГОЛУБЫХ ПАТРУЛЕЙ УЧАСТВОВАЛИ В ОПЕРАЦИИ.

И все ребята работали отлично!

Если можно было бы вытянуть в одну прямую линию прибрежные полосы всех рек и озер, которые взяли под свою охрану голубые патрули Российской Федерации, получилась бы огромная дорога длиною в 1 026 километров.

В районе реки Куры рыбьим бедам помогали одновременно пионеры Грузинской и Азербайджанской республик. Все вместе они выловили в отшнуровавшихся водоемах и переправили в реку 64 тысячи мальков ценных видов рыб.

В Белоруссии создано 758 отрядов, все они действуют постоянно и весь этот год соревновались между собой. Лучшими в состязании оказались голубые патрули Гродненской области — они спасли от гибели 6 миллионов мальков!

В бассейне Амура голубые патрули спасли 7 с половиной миллионов мальков, обследовали 44 водоема, соединяя отшнуровавшиеся озерца с большой водой, прокапывали канавы, общая длина которых, по подсчетам Главрыбвода, составляет 600 метров. Ребята из 75-й школы города Комсомольска-на-Амуре помогли создать две радиопередачи в пионерской радиогазете «Амурские орлята».

ВСЕ ВМЕСТЕ УЧАСТНИКИ ОПЕРАЦИИ «ЖИВОЕ СЕРЕБРО» СПАСЛИ 70 130 000 МАЛЬКОВ ТОЛЬКО ЦЕННЫХ ВИДОВ РЫБ, А ВСЕГО — 1 395 000 000.

Это огромные цифры,
это настоящая, серьезная работа,
это прекрасная помощь своей стране!

Главный штаб операции благодарит все отряды и дозоры голубых патрулей и с радостью называет имена победителей.

Это отряды голубых патрулей:

Катынской средней школы Смоленской области (*Приятно второй раз поздравить этих ребят!*);

Восьмилетней средней школы № 1 города Осташкова Калининской области;

Видновской средней школы № 1 Московской области (*Молодцы ребята! Опять они впереди!*);

Саукской восьмилетней школы Латвийской ССР;

Кегумской восьмилетней школы Латвийской ССР;

Ахтачинской школы Азербайджанской ССР;

8-го класса «А» Байкальской школы-интерната Тюменской области;

Уш-Тобинской средней школы № 262 Казахской ССР;

Школы юннатов Чилийского района Кзыл-Ординской области;

Школы № 5 г. Елабуги ТАССР;

8-го класса «Б» школы № 1 г. Долинска Сахалинской области;

Средней школы поселка Рыбачий Калининградской области;

Школы № 1 города Кириши Ленинградской области;

3-й средней политехнической школы города Луги Ленинградской области;

Школы имени Н. К. Крупской Гурьевской области;

Сантахеской школы Приморского края;

Вилковской средней школы № 1 Одесской области;

Кировской средней школы Астраханской области;

Верхне-Бузанской восьмилетней школы Астраханской области;

Честь и хвала отрядам-победителям!

Главный штаб операции «Живое серебро» называет среди победителей не только отряды, но и отдельных ребят, тех, кто особенно отличился, кто сам работал творчески и товарищам помогал.

Вот имена этих ребят:

Миша Мозгов и Сережа Ферисенков из Катынской школы Смоленской области;

Павел Сумма из 1-й восьмилетней школы г. Осташкова Калининской области;

Надя Агеева и Нина Митрошина из 1-й Видновской школы Московской области;

Инта Садука из Саукской восьмилетней школы Латвийской ССР;

Сергей Серединский из Грозненской школы-интерната № 1;

Абулзагир Абдулахитов из Хорошиловской прикутанской средней школы-интерната ДАССР;

Виталий Лысенко из средней школы № 75 г. Хабаровска;

Антс Эльтмаа из Оруской школы Эстонской ССР;

Сергей Федоров из средней школы № 1 Амурской области;

Петр и Алексей Егоркины из Житомлянской средней школы Гродненской области;

Анатолий Сурков и Юрий Суслов из средней школы поселка Рыбачий Калининградской области;

Людмила Гаврилица из Сантахеской школы Приморского края;

Рашид Менсеитов и Анатолий Чупрасов из Кировской средней школы Астраханской области;

Надя Сапейленко из Верхне-Бузанской восьмилетней школы Астраханской области.

Молодцы ребята! Так держать!

Вместе с ребятами Главный штаб операции отмечает и взрослых — лучших руководителей голубых патрулей: Л. М. Калинину, Г. В. Шарова, Р. Е. Сайянца, К. Мамедова, М. Н. Фурочкуна, Т. Абуова, Н. А. Пехтереву, И. В. Платонова.

Главный штаб благодарит и поздравляет всех взрослых — помощников, советчиков, организаторов ребят!

Все победители операции «Живое серебро» награждены. Они получили палатки, лодки, рюкзаки, фотоаппараты, ручные часы и разные другие подарки, которые им давно хотелось иметь.

Видишь, каким длинным получился список победителей в этот раз! И это еще не все: каждый район, каждая область, каждое бассейновое управление назовут своих победителей. Все они тоже будут награждены.

А тех, кто пока еще не стал победителем, Главный штаб просит не огорчаться.

Операция «Живое серебро» продолжается, и всем ее участникам мы желаем больших успехов!

СОВСЕМ НЕМНОГО ОБ АЗБУКЕ КИНО

А. МИТТА,
кинорежиссер

Рисунки А. БОРИСОВА.

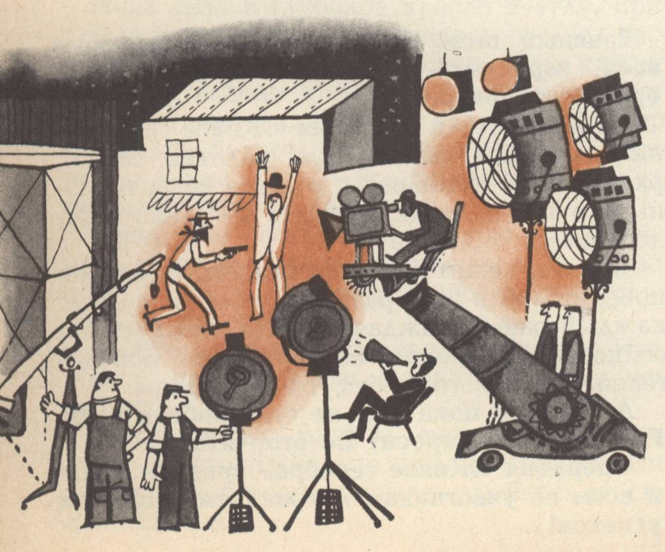
Этих ребят сняли общим планом, а мальчика внизу — крупным.

Так снимают общий план.

Когда вы смотрите хорошую картину, вам вряд ли приходит в голову, что полуторачасовой фильм состоит из пятисот — шестисот отдельных сценок. Кажется, что действие разворачивается непрерывно. Между тем через каждые десять — двадцать секунд на экране возникает новая картинка. И это не только тогда, когда герои несутся по полю на конях или преследуют бандитов в узких переулках.

Даже когда снимают сцену из жизни обычных школьников в обычной комнате, в кино показывают ребят то с ногами, во весь рост, то крупно, так, что на экране умещается только одно лицо, а остальное остается где-то за кадром. А иногда, когда требуется показать что-то очень страшное или важное в жизни героя, во весь экран показывают глаза. И мы не задаемся вопросом: куда делись нос и рот? Мы начинаем переживать: что же такое страшное увидел герой? Мы понимаем, что неспроста перед нами эти огромные глаза.

Однако когда самую простую сегодняшнюю картину показывают людям, никогда не видавшим кино (представьте, есть еще такие в Южной Америке, Центральной Африке), эти люди ничего не могут понять. Что происходит? То люди огромные, как слоны, то маленькие, как обезьянки. То на экране часть человека, а то — много людей сразу. То мы видим целые города сверху, как будто летим по небу, а то вдруг попадаем в чью-то комнату. Одна картинка сменяется другой без какой-то видимой связи. И, наверное, жутко становится.



Между тем среди ваших приятелей нет, я уверен, ни одного, который бы не любил кино или не понимал его. Язык изображений всем вам понятен. Это новый универсальный язык двадцатого века, который был неизвестен ни Пушкину, ни Гоголю. Сегодня на этом языке объясняются люди всей земли.

Можно смело сказать, что все вы прекрасно разбираетесь в языке современного кино. Это факт. Только не загордитесь слишком, узнав, что понимаете новый язык. У Мольера в пьесе «Мещанин во дворянстве» был такой герой господин Журден. Он очень зауважал себя, узнав, что разговаривает «прозой».

Проза современного кинематографа потому понятна всем, что опирается на присущие каждому человеку особенности восприятия мира.

Исследуя, как человек смотрит на предметы, ученые обнаружили, что зрачок при разглядывании мгновенно перемещается, как бы прерывисто

занимая множество положений. Любой предмет как будто рассматривается по частям. Но человек сам не сознает этого. Он разглядывает то, что его интересует, а в сознании у него возникает цельная картина увиденного.

Подобно человеческому глазу, глаз кинематографа — киноаппарат в руках оператора — стал выбирать точки съемки, которые лучше всего удовлетворяли интерес смотрящего.

Допустим, зритель попал в новое место. Сперва он оглядывается: куда я попал? Киноаппарат снимает общий план местности: улица, дома. Но вот появился какой-то человек. Что за человек? Киноаппарат подскочил к нему и разглядывает его вблизи. Но человек не замечает аппарата, он напряженно всматривается вдаль и вдруг лезет рукой в карман. Киноаппарат с любопытством ребенка бросается разглядывать: что там он вынул из кармана?

Человек вынул пистолет! В кого он будет стрелять?..

Видите, три разных угла зрения, три разных картинки составили видимый рассказ.

И мы, когда смотрим, не задаемся вопросами, не выясняем, почему киноаппарат мечется, как угорелый: то заглянет в лицо, то залезет в карман, то отскочит на сто метров. Так же, как мы в жизни не замечаем, куда сами повернули голову, разглядывая что-то. Вот если мы чего-нибудь не увидели, тогда нам неудобно, тогда мы стараемся так вывернуть шею, чтобы обязательно разглядеть то, что хотим.

Обратили вы внимание на то, что мы обычно видим только то, что хотим видеть?

Вот вы внимательно смотрите в тетрадку: перед вами в тридцать сантиметров ряды букв. Что-то отвлекло ваше внимание, вы бросили взгляд в окно: в небе маленькая серебристая стрелка самолета. Похоже на то, что вы в сознании склеили две картинки: одну, снятую крупным планом, другую — общим.

Если задуматься, почему вы подняли глаза, то окажется, что до вас донесся звук летящего самолета. Звук так же, как и изображение, воспринимается выборочно. Мы слышим то, что нам нужно, или то, что нас раздражает. А то, к чему мы безразличны, мы не слышим. Так, не слышим мы привычного тиканья часов, шума улицы и тысячи других неважных для нас звуков.

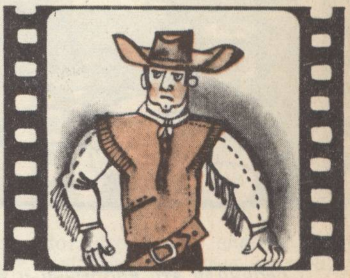
Соединение изображения и звуков в связный рассказ в кино называется монтажом. Так же, как рассказ пишется писателями из фраз, эпизодов, так фильм монтируется кинорежиссером, составляется из множества картинок, увиденных в жизни.

Кинофильм, если разбирать его как систему монтажа,— это цепь событий, увиденных необыкновенно подвижным глазом. Если в фильме хороший монтаж, нам кажется, что мы сами как бы были участниками событий. Потому что все, что мы хотели увидеть, нам показали в тот момент, когда это оказалось необходимым.

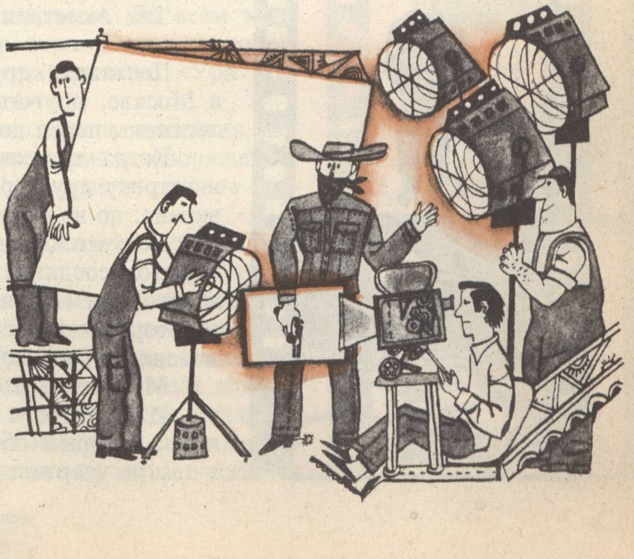
Рассказывают, что впервые лицо актрисы во весь экран снял американский режиссер Дэвид Гриффитс. Он делал кино для капиталиста, который требовал очень быстрой работы. Гриффитс не успевал. После окончания съемок ему показалось, что в одном месте совершенно необходимо показать расстроенное лицо героини. Но киногруппа уже уехала с места съемок. Тогда Гриффитс подумал: что, если снять лицо героини на фоне черного бархата? Это будет выглядеть как заплата, но лучше заплата, чем дырка.

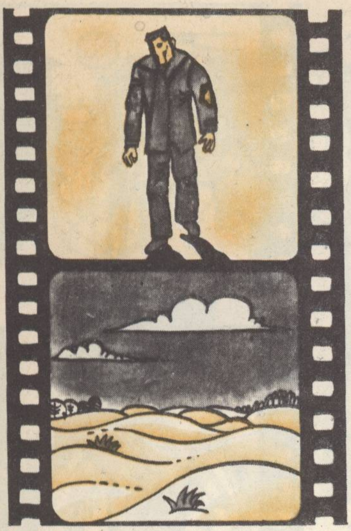
Сняли лицо героини, склеили с другими кадрами. И показалось режиссеру вдруг, что заплата едва ли не самое выразительное место фильма. Непривычно крупно, во весь экран, на зрителя глядело женское лицо, в нем угадывались живые чувства. Между тем, когда первые зрители увидели лицо артиста во весь экран, они стали топать и кричать: «Где ноги! Покажите ноги!»

А обиженный хозяин кинофильма обратился к режиссеру и сказал:



Киноаппарат пристально наблюдает за человеком: то заглянет в лицо, то залезет в карман, то отскочит на сто метров. Руку с пистолетом (крупный план) снимали вот так.





Соединили эти кадры—и у зрителя создается впечатление безнадежного и длинного пути.

При монтаже заменили один кадр; в результате совсем другое впечатление — бодрости, целеустремленности.

— Господин киносъемщик, я оплачиваю артистов целиком. Извольте показывать их в кинофильме также целиком, с ногами и руками.

— Видите ли, — заволновался режиссер, — я хотел приблизить к зрителю лицо артиста, чтобы показать едва заметную мимику, тонкие чувства. Возможности нового искусства еще не изучены...

— Господин киносъемщик, вы меня за дурака считаете? — обиделся хозяин. — В театре зрители не лезут на сцену, чтобы разглядеть лицо артиста. И артист не бегает по рядам, чтобы показать всем свое лицо поближе. Артист играет на сцене, а когда не хватает мимики лица, всегда можно помочь руками, сказать: «Ах! Ах! Коварная!» — и заломить руки или поднять их вверх... или что-нибудь еще придумать. Я вижу, вы хотите фокусами съемки заменить недостаток воображения. Предупреждаю вас, что за непоказанные части тела господ артистов я буду соответственно вычитать деньги из их гонорара. Я плачу за то, что вижу.

Между тем портрет актрисы, склеенный с общим планом, и был зародышем языка, на котором вскоре заговорило новое искусство.

Театр так показать человека не мог.

Когда Жорж Мельес снимал свои феерические чудеса, он разговаривал еще на языке старых театральных представлений. Каждая картинка, показанная на экране, была отдельной, самостоятельной сценкой. И соединялись они чисто механически, без идеи составить единое целое. Кадры фильмов Мельеса напоминали детали, разложенные на столе. Мы разглядываем эти колесики, шестеренки и говорим: «Ах, как забавно, какие милые штучки!»

Потом приходит гениальный наблюдатель. Он вглядывается в детали. И собирает из них нечто целое. «Оно» тикает и показывает время. «Подумать только! — поражаемся мы. — Нам бы в голову не пришло, что из этих колесиков можно сотворить такой удивительный механизм!»

Человек, составивший из колесиков часы, руководствовался идеей. Он установил связи и закономерности между отдельными элементами. Наверняка он подытожил опыт многих других исследователей, воспользовался плодами их трудов.

В кино таким человеком оказался знаменитый советский кинорежиссер Сергей Михайлович Эйзенштейн. Он наиболее четко разработал сегодняшний киноязык — киномонтаж. В нынешнем кино каждая картина без исключения собрана в одно целое из отдельных сценок методом киномонтажа.

У этого монтажа есть свои законы и правила, почти такие же, как у синтаксиса и грамматики.

Странные закономерности склейки кадров наблюдались уже давно. Ну вот, например, снимали совершенно непроницаемое лицо артиста и склеивали этот кадр сперва с тарелкой супа, потом — с плачущим ребенком, а после — с наставленным пистолетом.

В первом случае казалось, что человек сдерживает голод. Во втором — что человек с равнодушием и жестокостью смотрит на ребенка, в третьем — то же лицо артиста выражало бесстрашие перед смертью.

Это было как будто невероятным, но все зрители считали, что на экране артист очень тонко и убедительно выражает сложные чувства.

Так заметили: монтаж помогает показу человеческих чувств, усиливает их.

Поставили другой несложный эксперимент: сняли человека, идущего в Москве, другого, идущего по Ленинграду. Они сошлись на ступеньках лестницы перед домом в Киеве.

Когда три кадра склеили, получилось, как будто два человека идут навстречу друг другу и сходятся в одном месте, существующем только на экране, но не в жизни.

Допустим, мы сняли медленно идущего и быстро идущего человека. А потом соединили эти кадры с видом бесконечной пустыни. В первом случае в нашем сознании возникнет образ безнадежного и длинного пути, а во втором — мы понимаем, человек идет к какой-то цели, хоть она нам и неясна. Но на экране будет образ целеустремленности.

Монтажом можно выражать понятия, мысли, идеи.

И в театре и в кино артисты изображают человеческие чувства. Но язык, которым объясняется кино, резко отличается от театрального. Если в театре у артиста на ваших глазах вырастет борода, вы будете аплодиро-

вать необычному трюку. А в кино, если на безбородом лице наплывом появится борода, вы поймете: прошло несколько дней, человек оброс бородой. Время в кино условно. Мы можем растянуть минуту на целый час, если захотим показать, как шестьдесят человек прожили эту минуту. А можем день уложить в секунды. Если снять кадр рассвета и склеить с кадром заката, все понимают: прошел день. Если снять ребенка с игрушечным самолетиком в руке и склеить с кадром летчика, садящегося в большой самолет, мы сразу догадаемся: прошло двадцать лет, детская мечта осуществилась.

Если в театре артист вдруг исчезнет со сцены и в тот же миг появится на балконе, вы не поверите. Как так? Вы только голову повернули, а артист уже вон где! Наверняка это какой-то фокус. Просто подменили одного артиста другим.

А в кино человек на двадцатом этаже встал со стула, сделал шаг, в следующий миг он спокойно идет по улице. И вы, заметьте, глазом не повели. Поняли, что он вышел из комнаты, спустился на лифте, прошел по вестибюлю, открыл дверь и так далее. Просто эти подробности лишние, их пропустили, потому что не только время, но и пространство в кино условно.

А вот если человек на экране засмеется или заплачет понарошку, вы сразу обратите на это внимание и подумаете: «Плохо играет». Почему плохо? Потому что непохоже на правду. Поведение человека в кино должно быть безусловно правдивым.

Смотрите как — одно может быть условным, другое должно быть безусловным. Не слишком ли это сложно? Да, сложно. Но все сложности становятся ясными, когда они приведены в систему.

«Гениальный эксперимент», «эксперимент, понятный миллионам» — так называли фильм Сергея Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин».

Об этом фильме написаны сотни книг и тысячи статей. Но мне хочется вспомнить его в связи с нашим разговором о монтаже. В этом фильме впервые с гениальной яркостью были показаны возможности киномонтажа, безграничные резервы киноязыка. Создал его Эйзенштейн молодым, почти полвека назад, но и сегодня фильм по праву носит гордый титул «лучший фильм всех времен и народов», а сам Эйзенштейн всегда открывает любой перечень лучших кинодеятелей мира, как «кинорежиссер № 1». Он один из немногих людей кино, признанных современниками гением, то есть человеком, исключительно много сделавшим в своей области, повлиявшим на развитие культуры человечества.

Наверно, многие из вас видели фильм Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин».

В нем показано восстание моряков царского флота в 1905 году. Доведенные до отчаяния жестокостью офицеров, матросы захватили корабль и подняли на нем красный флаг революции.

Этот флаг, снятый в фильме и раскрашенный в красный цвет от руки (цветного кино еще не существовало), стал символом нового искусства революционной России.

Сегодня фильм уже не поражает необычностью, его откровения стали азбукой, на которой учились поколения художников кино. Но в 1925 году все в нем потрясало зрителей, все было в новинку. И что самое удивительное: сложный монтажный язык фильма был понятен всем. Во всем мире люди, говорящие на разных языках, живущие в разных условиях, восхищались этим фильмом, а после окончания просмотра кричали: «Ура России! Да здравствует революция! Долой капиталистов!»

На военных кораблях буржуазных флотов происходили восстания, рабочие устраивали забастовки, правительства специальными распоряжениями запрещали показ фильма — так велико было его революционное воздействие.

И все открытия монтажного мышления были показаны в этом фильме с яркостью, до сих пор непревзойденной.

Помните, мы уже говорили о том, что пространство кино условно. Эйзенштейн снимал расстрел демонстрации на Одесской лестнице. На этой лестнице собираются радостные жители города, чтобы приветствовать восставший броненосец «Потемкин». По этой лестнице с ружьями наперевес пойдут послушные, как машины, солдаты. От них с ужасом отхлынет безоружная толпа и беспорядочно кинется вниз по лестнице, оставляя на ступенях раненых и убитых. По этой лестнице, раскачиваясь, покатится

Вот что такое законы монт
жа! Одно и то же непроница
мое лицо выражает то жест
кость, то бесстрашие, то голо

Каждый кадр знаменитого эпизода на Одесской лестнице выглядит как кусок реальной жизни.

коляска с грудным ребенком — страшный символ беззащитности человека перед бессмысленной жестокостью царского террора.

Собранный в одно целое из десятков выразительных кадров, эпизод расстрела на Одесской лестнице стал классическим образцом монтажа в кино. Каждый кадр этого эпизода выглядит как кусочек реальной жизни. Кажется, что он снят документально точно. Все в нем правда. Любой участник съемки «живет» на экране, как будто он присутствует при настоящем расстреле.

А время и пространство полностью подчинены мысли режиссера. Известно, что Одесская лестница имеет длину сто пятьдесят — двести метров. В фильме она выглядит по меньшей мере в десять раз длиннее. И это никого не смущает. Так надо для того, чтобы выразительнее вышла сцена. Условное пространство помогло создать художественный образ события.

Сколько мог длиться расстрел безоружной демонстрации в жизни? Несколько десятков секунд. На экране показано событие, как бы увиденное одновременно десятками разных людей. Реальное время растягивается, как растягивается в сознании человека мгновение ужаса. Почти двадцать минут длится расстрел демонстрации, и за это время зрителю внушается невероятно сильное чувство гнева против солдат, стреляющих в беззащитных людей.

Новооткрытые законы монтажного языка стали оружием в руках художников. С их помощью режиссеры заставляли людей плакать и радоваться, понимать сложные явления жизни.

А что же за человек был Сергей Эйзенштейн?

Он родился в Риге в семье преуспевающего архитектора и сам готовился стать архитектором. Он прекрасно рисовал, был остроумным и на-

читанным мальчиком из «приличной буржуазной семьи». Однако, когда свершилась Октябрьская революция, молодой Эйзенштейн надел красноармейскую буденовку и пошел на фронт солдатом революции. Сразу после окончания гражданской войны демобилизованный красноармеец Эйзенштейн появился в Москве. Тут было холодно и темно. Не ходили трамваи, в зимнюю стужу не топились дома, нечего было есть. Но это не мешало радостному возбуждению молодых людей, которые понимали, что они создают культуру нового мира.

Повсюду возникали театральные студии и театры. В один из них Эйзенштейн сразу поступил художником. Театр носил угрожающее название «Перетру!». Но никого там не перетирали, это было сокращение: «Передвижная труппа». Тогда вообще любили странные сокращения. Например «ГВЫРМ» — назывались курсы режиссеров, на которые Эйзенштейн поступил учиться. Кроме того, он начал учить японский язык. Кроме того, он ставил один за другим спектакли в театре «Пролеткульта» («Пролетарской культуры»).

Это были очень странные спектакли. Если соединить в одно классическую пьесу Островского, передачу КВН и цирковое представление, тогда получится что-то похожее на эксперимент молодого Эйзенштейна. На спектаклях происходили жуткие вещи: под стульями зрителей взрывались пороховые петарды, артисты скакали по сцене, как лошади, кувыркались и бегали по проволоке. Главному режиссеру было, заметим, двадцать три года. Вам, конечно, кажется, что это очень много, но для руководителя театра, согласитесь, возраст не слишком большой.

В это же время Эйзенштейн пришел в кино. Кино было делом новым. Никто этому не учил, институтов кино не было. Просто звали способных людей на студию и давали попробовать. Получилась проба—делай фильм. Получился фильм — делай второй.

У Эйзенштейна ничего не получилось. Ему дали попробовать второй раз — снова вышло плохо. Как быть? Чувствует директор студии, что способный человек, а ничего у него не выходит. Никому третьей пробы не давали, а Эйзенштейну дали. И в третий раз он снял... плохо.

Но директор студии и оператор Тиссэ, который снимал эти пробы (и позже работал с Эйзенштейном над «Броненосцем «Потемкиным» и другими его картинами), все равно поверили в Эйзенштейна. Они втайне от него написали расписку: «Пробы плохие, но человек интересный. Под нашу ответственность даем ему снимать фильм». И Эйзенштейн снял прекрасный фильм «Стачка».

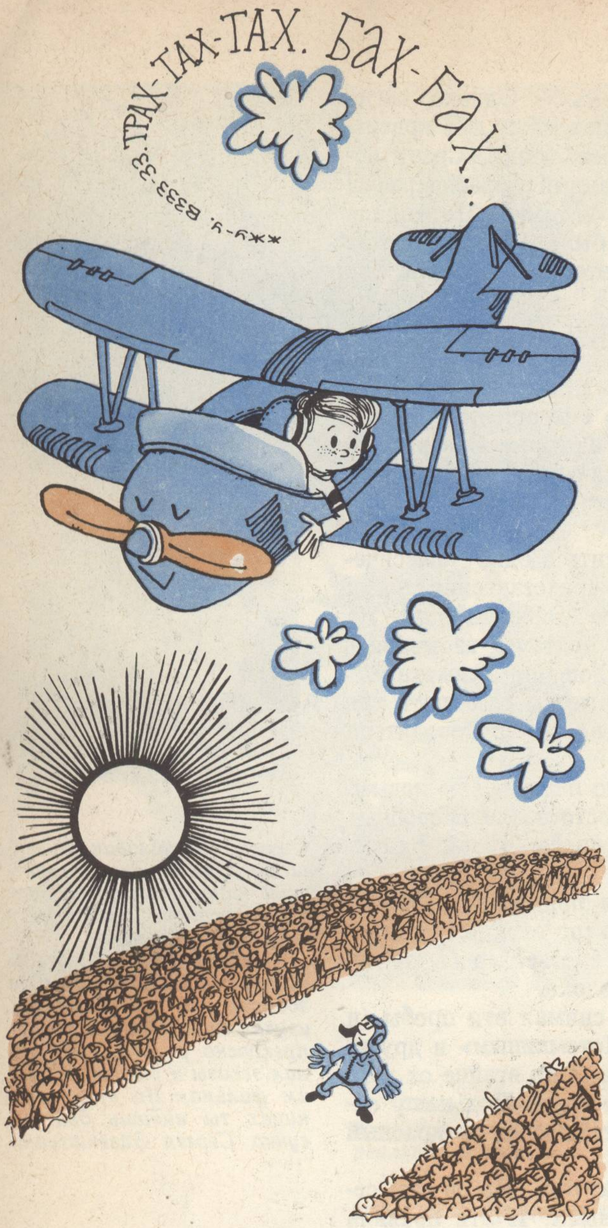
Он ничего не умел вначале, и некому было его научить. Но он сам себе придумал правила, по которым надо снимать фильмы. И эти правила легли в основу современного киноязыка. Следующий фильм Эйзенштейна стал вершиной достижений немого кино и прославил его во всем мире. Это был «Броненосец «Потемкин». Кажется невероятным, что за три года человек проделал такой огромный путь.

Время было такое, время революции. Шестнадцатилетние люди командовали полками, двадцатилетние — фронтами. Время требовало от людей максимальной отдачи и сверхнапряжения. Эйзенштейну было что отдавать. Все, кто знал его, говорят: это был удивительно образованный человек, он говорил на пяти языках, изучал философию, историю, блестяще знал мировую литературу и при этом умел работать с рассвета и до рассвета.

Прожил Эйзенштейн сравнительно немного, всего пятьдесят лет. Но сделал невероятно много в разных областях. Его фильмы «Александр Невский» и «Иван Грозный» идут по всему миру, его ученики — прославленные мастера нашего кино, его сочинения по теории искусств до сих пор вызывают интерес ученых и издаются на всех континентах.

Но главное свое открытие он совершил в двадцать семь лет. Это было открытие нового языка — монтажного языка кино.

Сергей Михайлович Эйзенштейн, знаменитый советский кинорежиссер, главное свое открытие совершил в двадцать семь лет. Эйзенштейн был удивительно образованный человек, он говорил на пяти языках, изучал философию, историю, прекрасно рисовал, сам делал эскизы и рисунки к своим фильмам. На этих страницах ты видишь два рисунка Сергея Эйзенштейна.



Л. ПЕТРУШЕВСКАЯ

ДВЕ СКАЗКИ

Говорящий самолет

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Как-то однажды один мальчик случайно зашел на аэродром и сел в самолет, когда там никого не было.

Сначала он сидел в мягком кресле летчика и смотрел по сторонам. Потом он стал трогать разные кнопки и рычажки и, наконец, потянул за большую ручку.

И тут только мальчик заметил, что самолет уже летит.

Мальчик от страха выпустил ручку, но самолет сказал ему:

— Теперь уж не отпускай эту ручку. Если уж ты так отличился, что сумел войти на аэродром и сесть в самолет и уж тем более полететь на нем, то теперь не отпускай ручку. Это ручка управления.

Мальчик очень обрадовался, что самолет с ним заговорил, и сказал самолету:

— Это я случайно зашел на аэродром и случайно сел в самолет. Я больше не буду, никогда не буду.

А самолет сказал:

— Дело в том, бедный мальчик, что мы, самолеты, можем говорить только три раза в жизни. Я с тобой говорю второй раз, и мне останется еще один, последний раз сказать тебе что-нибудь, и на этом будет конец. Очень жалко, что мне приходится говорить на такую пустяковую тему, как ручка управления. Я бы лично предпочел поговорить со своим летчиком. Я с ним давно хотел поговорить, но не решался. А теперь вот я истратил два разговора на какие-то глупые ручки управления. Мой летчик со мной никогда не стал бы говорить о ручках управления.

И, пожалуйста, не прерывай меня и молчи, потому что если ты что-нибудь скажешь, а мне придется ответить, то это уже будет третий разговор в моей жизни. А нам с тобой этот третий разговор может еще понадобиться. А теперь я буду рассказывать то, что мне самому неинтересно,— о ручках управления, о всяких циферблатах и, к примеру, о том, что дверь в самолет осталась открытой, это ты не закрыл дверь. Ее надо будет закрыть, потому что если в самолете распахнута дверь, то облака непременно заползают в самолет. Они любят кататься в самолетах, но только их туда никогда не пускают. Так что ты сейчас пойдешь и закроешь дверь, а я пока буду петь песню, чтобы не прерывать свой второй разговор.

И самолет запел:

— Жжу-у. Вззз-зз.
Трах-тах-бах-бах.
Дду-уу. Дз-зззз.
Бах-тарабах.

Это у него, вероятно, была единственная песня, какую он знал, и, пока мальчик закрывал дверь, он слышал все одно и то же:

— Жж-у. Вззз-зз. Трах-тах-бах-бах...

Мальчик вернулся, и самолет сказал:

— Теперь я буду учить тебя, как лететь обратно.

И мальчик под руководством самолета осторожно повернул самолет обратно и повел его на аэродром.

— А теперь,— сказал самолет, — самое трудное — посадка. Скажи аэродрому по радио, что ты просишь посадки. Скажи: «Я мальчик на самолете, я мальчик на самоле-

те. Вы слышите меня? Прием». Тебе ответят: «Какое безобразие, мальчик на самолете, как слышите? Прием». Ты скажешь: «Я мальчик на самолете, прошу посадки. Как слышите? Прием». Тебе ответят: «Вас поняли. Заходите на посадку»,—и скажут, куда. Но теперь слушай: как только тебе скажут, куда идти на посадку, ты внимательно смотри на землю, чтобы не натолкнуться на другие самолеты, стоящие на аэродроме. С ручкой ты умеешь обращаться?

Мальчик ответил:

— Теперь умею.

— Эх ты! — сказал самолет. — Зачем же ты мне ответил! Теперь у меня уже идет третий разговор, последний разговор. А ведь ты сейчас должен будешь говорить по радио. Значит, ты меня прервешь, и мой третий разговор тоже закончится. И тебе придется самому заходить на посадку! А ты еще маленький! Ты можешь разбиться!

И самолет замолчал, а потом продолжал:

— Жаль только, что я никогда не поговорю с моим летчиком. Я с ним так давно хотел поговорить! Я ему хотел сказать, что я ему друг и что спасибо ему за то, что он когда-то в войну не бросил меня раненого, не спустился с парашютом, а долетел со мной до аэродрома. Ну хорошо. Теперь это уже неважно. Теперь я замолкаю, а ты связывайся с аэродромом по вот этому радио.

— Не хочу,— сказал мальчик упрямо,— не хочу вас прерывать,— и вдруг понял, что уже прервал.

Самолет молчал и только ровно гудел.

Мальчик надел наушники и сказал все, что полагается, аэродрому. И когда аэродром ему ответил, мальчику показалось, что это голос самолета. Мальчик даже спросил:

— Самолет, это ты?

— Нет,— ответил голос,— это летчик, что ты там выдумываешь! Как слышишь? Прием.

И мальчик сказал:

— Слышу вас хорошо, иду на посадку. Прием.

И когда мальчик посадил самолет на аэродром, к нему побежал впереди всех человек в кожаной куртке и шлеме. Человек в кожаной куртке ворвался в кабину, схватил мальчика на руки и вынес. И только когда он опустил мальчика на землю, он сказал:

— Кто же тебе разрешил, а?

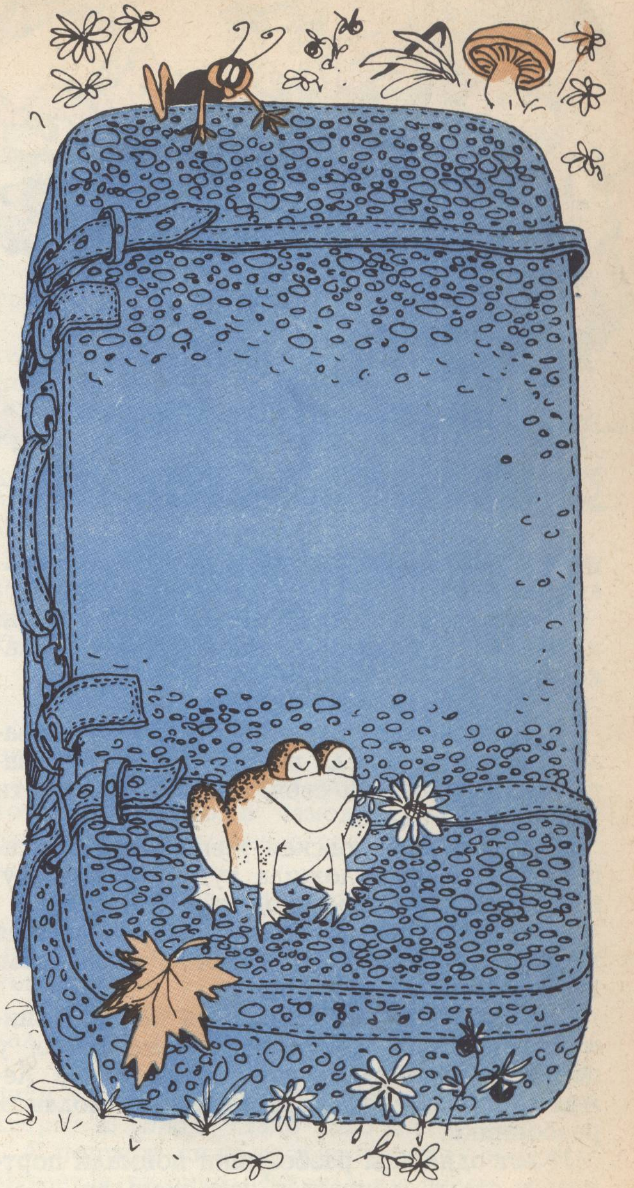
И мальчику снова показалось, что это голос самолета.

Мальчик сказал:

— Ваш самолет хотел вам сказать спасибо за войну, что вы не спрыгнули тогда с парашютом.

Но летчик ничего не ответил, он погладил мальчика по голове, посадил в микроавтобус и помахал ему рукой. А сам полез в самолет.

И все время, пока мальчик ехал, он видел, как летчик в своей стеклянной кабине сидит и о чем-то думает.



Чемодан чепухи

Жил да был портной, который однажды вдруг задумался и все перепутал в своем шитье: например, одному человеку он пришил к пиджаку три рукава; другому он сделал на шапке большой карман; а одной злой колдунье он смастерил платье, у которого рукава были сшиты друг с другом.

И много еще разной одежды он перепортил из-за своей задумчивости.

Конечно, все стали ругать портного, а злая колдунья бросила прямо на пол свое платье с соединенными рукавами и сказала:

— Сам носи такое платье! И будешь носить не только это платье, но и все другие вещи, пока кто-нибудь не захочет у тебя их отнять. Но вряд ли кто-нибудь захочет от-

ть у тебя такую чепуху. Так что я тебя заолдовываю!

И, сказав это, колдунья взмахнула руками исчезла. А бедный портной чуть не заплал.

Но его хитрая жена сказала:

— Не все еще потеряно! Колдунья сказа «носить». Но ведь носить — это не обязально надевать на себя. Можно носить эти ещи и в чемодане.

И хитрая портновская жена живо притаила чемодан, положила туда всю одежду, портной стал всюду ходить с чемоданом.

Обедать он ходил с чемоданом. Купаться одил с чемоданом. И плавал с чемоданом. спал, держась за чемодан.

Так что все стали обращать на него внинание и стали говорить, что, наверное, у ортного в чемодане что-нибудь такое лeит. Особенно заинтересовались чемоданом азбойники.

И вот однажды разбойники поймали портого и стали отбирать у него чемодан.

Портной пожалел их и сказал:

— Ну зачем вам этот чемодан? Там ведь росто чепуха!

— Это ты притворяешься, что там чепуа! — закричали разбойники.— Отдавай сейас же чемодан!

Портной пожал плечами и отдал чемодан. о при этом он сказал:

— Теперь этот чемодан будет ваш. Вы буете носить эти вещи, пока у вас их кто-ниудь не отнимет. Запомните!

А разбойники весело отвечали:

— Не беспокойся, у нас-то никто ничего е отнимет!

Разбойники ушли в лес, сели там в круок и стали делить добычу. Их было двацать пять человек, и каждому досталась из емодана какая-нибудь одежда.

Одному досталось пальто, зашитое снизу, ак мешок.

Другому — рубашка, у которой вместо руавов были пришиты чулки.

Третьему — брюки с пятью штанинами.

Четвертому достались носки, сшитые, как ерчатки.

А пятый получил зимнюю шапку, в которой были две большие дыры для ушей.

Все разбойники, глядя друг на друга, перепугались.

Особенно ругался тот разбойник, у которого оказалась рубашка без прорези для головы. Он уже надел эту рубашку и не знал, куда девать голову.

Разбойники пытались снять с себя эту одежду, но она прилипала к ним. Тут старший разбойник закричал:

— Портной говорил правду! Он же нас предупреждал, что мы будем носить эти вещи, пока у нас их кто-нибудь не отнимет.

И все разбойники заплакали. Особенно плакал тот, которому некуда было девать голову, и он плакал под рубашкой.

— Погодите! — сказал старший разбойник. — Но ведь сам-то портной ходил всюду с чемоданом! Он носил эти вещи не на себе, а в чемодане!

Разбойники повеселели, стащили с себя одежду, сложили ее в чемодан и пошли обратно в город. Им приходилось нести чемодан всем сразу, потому что их руки не могли оторваться от чемодана. Разбойникам было очень тесно идти, они толкались, наступали друг другу на ноги, но терпели.

И вдруг им повстречался самый большой хитрец в городе.

Хитрец увидел их и сказал:

— Что это у вас за чемодан — такой облезлый и грязный? Я бы за него не дал и копейки.

Разбойники ему сказали:

— Иди своей дорогой и не смотри на чужие чемоданы.

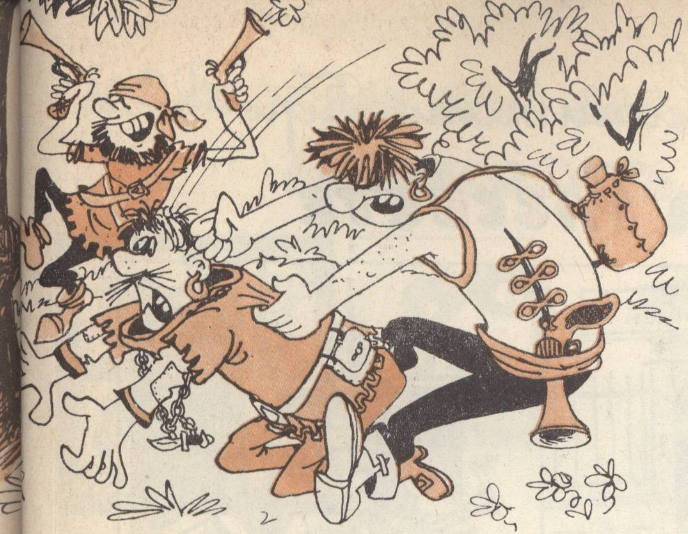
А хитрец сказал:

— Если вы идете толпой, вы думаете, что никто не увидит, что вы несете чемодан? Я бы за этот чемодан не заплатил и двух рублей. Даже если бы вы мне его захотели продать.

Разбойники ответили:

— Этот чемодан не продается!

— Ах, не продается! — сказал хитрец.— Тогда я могу обменяться с вами. Вы мне дадите ваш некрасивый чемодан, а я вам подарю две вещи, которых вы никогда не видели.



Разбойники дружной толпой подошли к хитрецу.

— Мы согласны! — закричал тот разбойник, которому досталась безголовая рубашка.

— Ты, может, и согласен, но я не согласен! — сказал старший разбойник и наступил на ногу тому разбойнику, который получил брюки с пятью штанинами. И тот разбойник нарочно закричал:

— И я не согласен! Мы не можем отдать чемодан. У нас его можно только отнять!

А тот разбойник, которому досталась безголовая рубашка, тихо сказал хитрецу:

— Ты хватай чемодан и тяни к себе, а я в это время упаду.

И он упал, а на него повалились все остальные разбойники.

Хитрец мигом выхватил чемодан у разбойников и сказал им:

— Сейчас будет честный обмен! Я вам вместо вашего грязного чемодана дарю две вещи, которых вы никогда не видели.

И хитрец протянул разбойникам ладонь и сказал:

— Берите!

— А тут нечего брать! — сказал старший разбойник, поднимаясь с земли. — У тебя ничего нет!

— Как это нет? — сказал хитрец. — Тут лежат две вещи, которых вы никогда не видели: рожки и хобот кошки! Я вам их дарю!

Тут хитрец повернулся и пошел поскорей домой.

А старший разбойник сказал ему вслед:

— Только имей в виду, что этот чемодан будет твой до тех пор, пока его кто-нибудь у тебя не отнимет!

А хитрец засмеялся и сказал:

— Хитрей меня никого нет в городе! Никто у меня его не отнимет.

Придя домой, хитрец открыл чемодан и увидел пиджак, у которого оказался всего один рукав, да и то пришитый на спине. Тут хитрец все понял, положил пиджак обратно в чемодан и пошел на базар и встал в самый последний ряд.

Мимо проходила дама. Она увидела чемодан на прилавке и сказала:

— Вы что-нибудь продаете?

— Продаю платье, но вам оно не подойдет.

Тогда дама спросила:

— Можно мне его померить?

— Нельзя,— ответил хитрец.— Это платье рассчитано на самую красивую даму в городе.

— Ну так дайте же мне его померить,— сказала дама.— Это как раз то, что мне подходит.

— Нет, нет и нет,— сказал хитрец. — И не просите.

Пока они разговаривали, сбежались все дамы города. Все они хотели померить платье.

И тут появилась колдунья и сказала хитрецу:

— А мне вы не хотите дать померить платье из вашего чемодана?

— Нет,— ответил хитрец.

Тут колдунья взмахнула руками и сказала:

— Пусть платье, которое лежит в чемодане, окажется на мне!

А надо сказать, что единственное платье, которое лежало в чемодане, и было как раз то самое платье с соединенными рукавами.

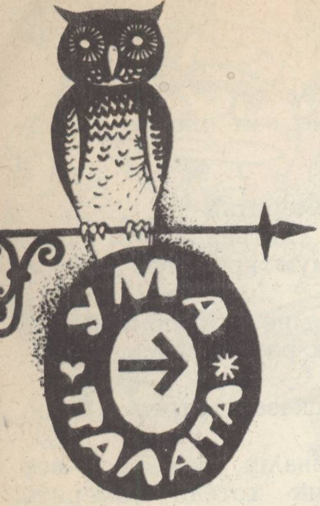
И волшебница мигом оказалась одетой в это платье. Она хотела было взмахнуть руками, чтобы начать колдовать, но рукава ей помешали.

А когда она пошла прочь, чемодан поскакал следом за ней.

С тех пор волшебница не колдует, разбойники не разбойничают, хитрец больше не хитрит. В городе стало тихо и спокойно.

А портной шьет всякую всячину и поглядывает в окошко. И когда он видит колдунью, которая всюду ходит с чемоданом, он каждый раз ей кланяется и говорит:

— Все-таки я был прав, что сшил вам такое платье! В этом платье вы очень милы!



Записки капитана Перо-86

КРИК НА РАССВЕТЕ

1. Это произошло во время Пятого перемирия. Ранним утром я проходил мимо Клуба карандашей и вдруг услышал громкий крик: «Помогите! Помогите!»
2. Я бросился на помощь. Испуганный Зеленый карандаш был связан. Он рассказал мне, что две резинки забрались через окно к нему в комнату, связали, перевернули все вверх дном и похитили секретные документы Клуба.
3.— Преступники убежали через эту дверь. За ней — коридор. Он ведет к окну в сад. Не теряйте ни секунды!— сказал карандаш.
4.— Я вам не верю,— ответил я карандашу.— И вы, ребята, наверное, поняли, почему.

Из газет и журналов будущего

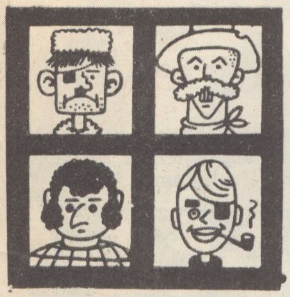
КТО ПОБЕДИЛ?

Маленькие обитатели планеты Нептун любят играть в ледбол. Вы знаете, что на Нептуне очень холодно, и достаточно вынести во двор таз с водой, как он тотчас же покрывается тонким слоем льда. Ребята этой планеты ставят таз на расстоянии пятидесяти метров и бросают в него свинцовые шарики. Выигрывает тот, чей шарик образует на льду самое большое число расходящихся лучей-трещинок. Я видел, как в ледбол играли четверо ребят. Первым бросал шарик Неп, вторым — Тун, третьим — Нут, четвертым — Пен.

Перед вами таз, в который попали все четыре шарика. Не могли бы вы сказать, как зовут мальчика, победившего в этом состязании, и как распределились остальные места? Объясните, почему вы так думаете.

Журнал «Галактика» № 1 за 2011 год

НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ, РЕБЯТА, НАРИСОВАТЬ ПОРТРЕТ ПИРАТА?



Много лет тому назад
Жил один чудак-пират.
Был отважен он,
как дьявол,
Без меча бросался в бой
И бесстрашно
в море плавал
На акуле голубой!

Не могли бы вы нарисовать портрет этого смельчака?

ВОТ ЕГО ПРИМЕТЫ

1. Лицо круглое. 2. Волосы светлые, пробор направо. 3. Нос маленький, прямой. 4. Уши маленькие, оттопыренные. 5. Брови густые, прямые. 6. Левый глаз маленький, черный. 7. На правом — повязка. 8. Губы толстые. 9. Плохо побрит. 10. Могучая шея.

Чтобы вам легче было перерисовывать приметы — в левом углу четыре лица. Когда нарисуете, переверните журнал и посмотрите, на каком из двенадцати портретов пират.

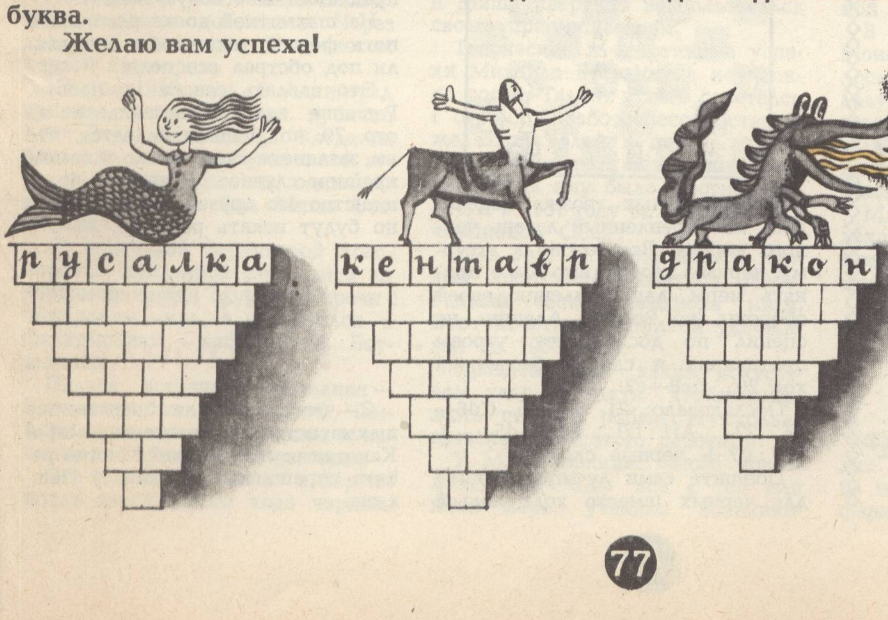
С приветом, ваш ЖИВЖИВКА.

Игры Деда-Буквоеда

ХОТИТЕ СТАТЬ ВОЛШЕБНИКОМ?

Тогда попробуйте из одной буквы «а» написать семь разных слов. В состав каждого нового слова должна входить одна новая буква.

Желаю вам успеха!



Ответы на задачи из № 10

ПЕЛЕ ВСТУПАЕТ В ИГРУ

На поле Пеле находится под № 3 (третий кружок по краю справа. Начинать считать нужно снизу).

ЗАПИСКИ КАПИТАНА ПЕРО-86

Резинка не могла ничего читать вечером, так как в патроне над кроватью нет лампочки.

СЛОВА-НЕВИДИМКИ

В стихах спрятались слова:
1. Скука, кукла, кулак.
2. Осока, доска, коса.
3. Бульдог, голубь, уголь.

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. БОРИСОВА.

ПОДАРКИ В СТРАНУ «НУ и НУ»

Дорогие ребята! Мы получили очень много подарков, которые вы предлагаете Живживке взять с собой в страну «Ну и Ну».

Все подарки Живживка не сможет забрать, поэтому он отобрал только самые лучшие:

1. Кресло-телевизор, которое прислала Синицина Оля из Молдавии.

2. Авторучку с постоянным запасом чернил для заправки, сконструированную Сергеем Чабаком из Москвы.

3. Очки без стекол для тех, кто хорошо видит. Подарили Живживке Аристархова Оля и Ионов Олег из Москвы.

4. Утюг на колесиках, чтобы легче было гладить, сделанный Володей Пановым из Великих Лук.

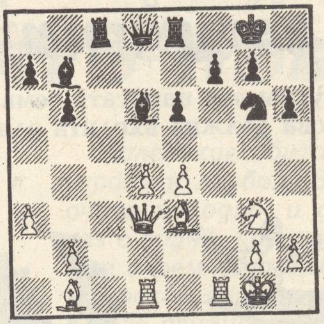
5. Рисунок двери с ручкой, расположенной внизу, для тех, кто любит ходить вниз головой, присланный Муратом Кучубаевым из Ташкента.

11 600

11 600 школьников Ростовской области изучают стратегию и тактику шахматных сражений. Недавно команда Ростова победила в трудном матче юных шахматистов Воронежа. Пешкин, получив это сообщение, немедленно отправился к своим друзьям. Он побывал в Ростове, Таганроге, Батайске, Белой Калитве, во многих городах и станицах на Дону. Смотрел, как проводят ребята соревнования, как обучают новичков, как овладевают шахматным мастерством, и остался доволен своими друзьями. Пешкин наградил «Грамотой ферзя и ладьи» Юру Николина, ученика батайской школы № 9, ростовчан Васю Заваду (школа № 5), Юру Смоленского (школа № 36), Олю Абраменко (школа № 82), Эдика Хлияна (школа № 13), Сережу Хартиева (школа № 93), Женю Юкелевича (школа № 37), Сашу Кижикина (школа № 93), Олю Ковалеву (школа № 23), Юру Егорова, ученика донецкой школы № 2, Альбину Солодуха из Белой Калитвы, Толю Кубкина из Таганрога, Борю Титова из Батайска, Сашу Резника и Олега Прошутинского из Донецка.

Атака и защита

На областном турнире ростовских школьников возникла интересная позиция в партии, которую играли Женя Юкелевич и Володя Алешин.



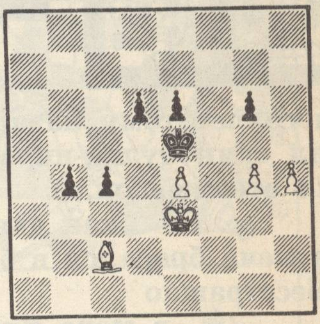
Фигуры белых грозно нацелились на укрепленный лагерь черного короля. Все готово к штурму, черным необходимо было принять меры для усиления своей обороны, но Володя Алешин не оценил по достоинству угрозы противника и сделал беспечный ход 20... Лс8—с7.

Последовало: 21. e4—e5, Cd6—e7 22. Лf1 : f7! Фd8—d5 3. Лf7 : g7 + черные сдались.

Поищите сами лучшую защиту для черных (вместо хода ладьей на с7). Как, по-вашему, могли бы белые пожертвовать ладью на f7, если бы черные сыграли 21... Cd6—f8, а не 21... Cd6 — e7?

Пешки вперед!

Пешкину понравилось и окончание партии между Юрой Шевченко и Сашей Кишикиным.



Здесь исход боя решили пешки. Игра продолжалась так: 45... b4 — b3.

Пешки надо располагать так, чтобы они стесняли фигуры противника. Ошибочно было бы 45... с3. Тогда слон белых получил бы большой простор.

46. Сс2—d1 d6—d5 47. e4 : d5 e6 : d5 48. h4—h5.

Создание проходной пешки — главный шанс белых.

48... g6 : h5 49. g4 : h5 d5 — d4+ 50. Kpe3 — f2 Kpe5 — f6 51. Kpf2—e1.

Оцените позицию. Чем, по-вашему, закончится сражение, если противники будут играть правильно?

Пешкин-математик

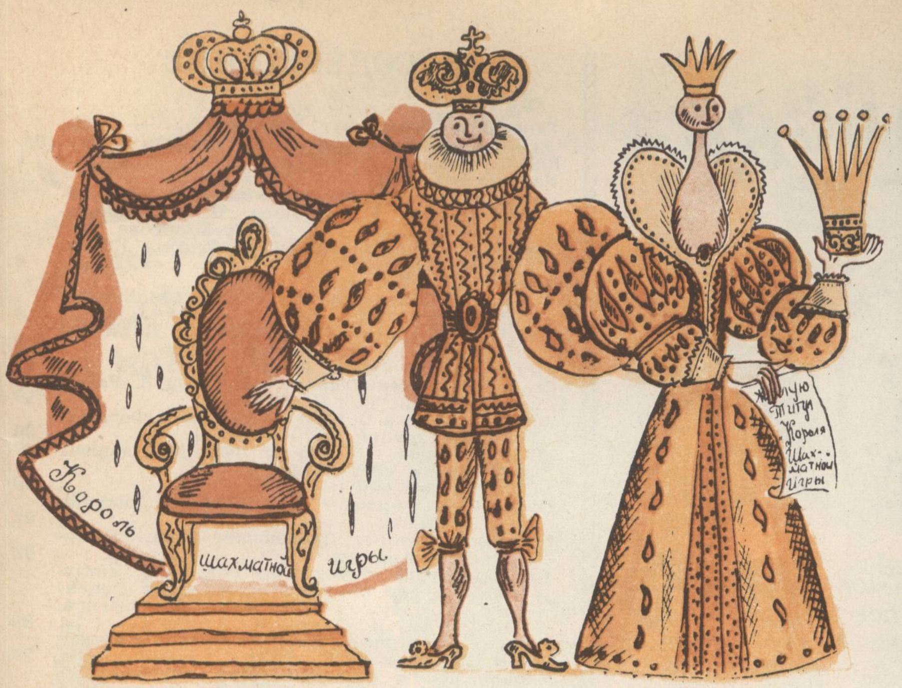
Помните математические задачи на шахматной доске, которые задавал вам Пешкин? Сейчас он предлагает вам новую задачу.

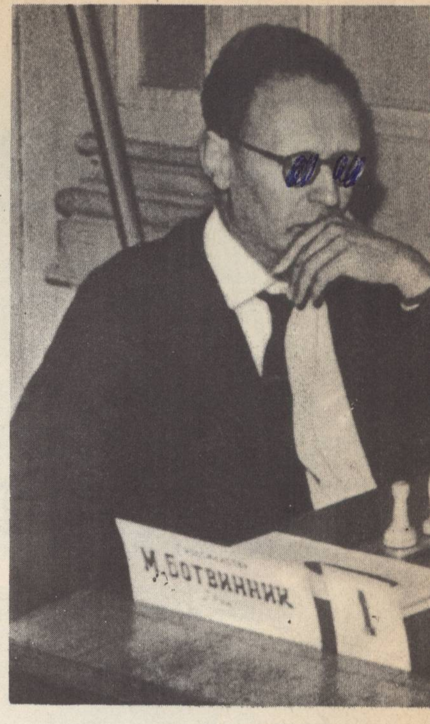
На шахматной доске расставьте пять ферзей так, чтобы они взяли под обстрел все поля.

Это сделать совсем не просто. Решение задачи вы найдете на стр. 79, но Пешкин надеется, что вы заглянете туда только в самом крайнем случае; он уверен, большинство его друзей самостоятельно будут искать решение.

Путь к победе

С чего начинали знаменитые шахматисты — чемпионы мира? Как они шли к победе? Многие ребята спрашивают об этом у Пешкина.





С этого номера Пешкин начинает рассказывать о выдающихся мастерах. Первый рассказ о Михаиле Ботвиннике.

*

«Осенью 1923 года я впервые принял участие в школьном турнире и сыграл неудачно: набрал примерно половину очков»,— так вспоминает М. Ботвинник о своем первом соревновании. Было в ту пору будущему чемпиону мира двенадцать лет.

«Несмотря на все старания, нередко партнеры меня побеждали: они имели больше опыта и знаний»,— говорит в другом месте Ботвинник.

Но вот что характерно: неудачи не оттолкнули Мишу от шахмат, они заставляли его серьезно заняться теорией шахмат. Он охотно принимал участие в соревнованиях, искал встреч с сильными противниками: у них многому можно научиться.

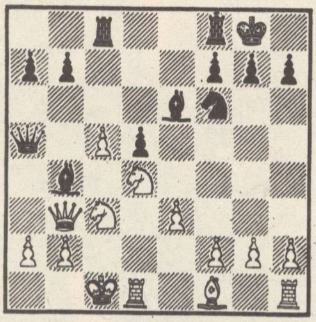
Постепенно школьник-шахматист научился побеждать. Через два года он стал шахматистом первой категории.

Ноябрь 1925 года. В Ленинград приехал чемпион мира кубинец Хосе Рауль Капабланка. Когда он проводил сеанс одновременной игры на тридцати досках, одним из его противников был Миша Ботвинник.

«В новенькой коричневой косоворотке, купленной мне мамой по торжественному случаю встречи с чемпионом мира, я направился в филармонию»,— вспоминает Ботвинник.

Первая встреча Капабланка — Ботвинник была интересной. Чемпион мира играл рискованно и неожиданно потерпел поражение.

Эта позиция возникла в партии после двенадцатого хода черных. Король белых — а белыми играл Капабланка — в опасности. Чемпион мира попытался закрыть линию «С».



Последовало 13. c6 С : c3 14. Ф : c3 (если 14 bc, то 14... Ке4 с грозной атакой) 14... Ф : a2 15. Cd3 bc 16. Кр c2 c5 17. К : e6 Фа4+ (коварный промежуточный шах. Плохо 17... fe 18. Ла1) 18. b3 Фа2+ 19. Фb2 Ф : b2 + 20. Крb2 fe.

В эндшпиле у черных лишняя пешка при хорошем положении, и Миша уверенно воспользовался своим преимуществом.

Творческие и спортивные успехи Михаила Ботвинника неуклонно росли. Талант у него сочетался с огромной работоспособностью и железной волей к победе.

Звание мастера Ботвинник получил, когда ему было шестнадцать лет, а в 1931 году он впервые стал чемпионом СССР.

1948 год. М. Ботвинник — первый советский шахматист, завоевавший звание чемпиона мира. Этот почетный титул он удерживал до 1963 года.

Представляете, каким искусством надо обладать, чтобы одержать столько побед! И сколько пришлось для этого работать!

У М. Ботвинника много последователей. «Мы все в той или иной мере ученики Ботвинника»,— писал известный гроссмейстер А. Котов. А нынешний чемпион мира Б. Спасский говорит: «Ботвинник — это целая эпоха в шахматах, у него надо учиться, ему надо подражать».

Да, ребята, надо учиться у Ботвинника. Учиться самокритичности, требовательности к себе, умению трудиться упорно и настойчиво.

Многим ребятам, да и родителям, кажется, что шахматы мешают хорошо учиться. Да, мешают, но только тому, кто не умеет правильно организовать свое время. А вот у Миши Ботвинника хватало времени и для того и для другого, потому что он уже тогда умел ценить время, правильно его распределять.

Уже будучи чемпионом страны, в разгар своих шахматных выступлений, он защитил диссертацию и стал кандидатом технических наук. В 1950 году он, чемпион мира, стал доктором технических наук, руководителем крупной научной лаборатории.

В августе этого года Михаилу Моисеевичу Ботвиннику исполнилось шестьдесят лет. Он уже стал дедушкой, бывший ленинградский школьник. Но, как и в прежние годы, Михаил Моисеевич ведет научную работу и продолжает заниматься шахматами.

М. М. Ботвинник награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета».

ПЯТЬ ФЕРЗЕЙ
(решение задачи)

Ферзей надо расставить на полях a2, c4, d5, e6, g8. Теперь все 64 поля шахматной доски взяты ферзями под обстрел.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Сами о себе

Сейчас мне пятнадцать лет. Когда я училась в шестом классе, я поссорилась с моей лучшей подругой. Она сумела поссорить со мной почти весь класс. Мне объявили бойкот, и это продолжалось месяца два. Сначала я отчаялась, но потом решила оставаться самой собой, оказалось, что я поступила правильно. Мне было очень трудно, а потом девочки во всем разобрались и стали ко мне относиться, как раньше. После этого случая я решила, что надо быть самой собой в любых обстоятельствах. Я презираю людей, которые подделываются под всех. Если все будут одинаковые, будет скучно жить на свете. Когда человек подделывается под кого-то, он убивает свою индивидуальность. Из такого человека не выходит точная копия того, под кого он подделывается. А когда человек хочет подделаться под всех, он делает это зря: под всех нельзя подделаться. У каждого человека есть свое «я», и точно скопировать его невозможно. Да и не нужно.

Голубкова Наташа
8 класс «В», г. Москва.

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАСКРЫВАЮТ СВОИ ТАЙНЫ

Ответы на конкурс Икса из № 9

7 и 12

Придется семь раз подряд наполнять семилитровый сосуд и переливать воду (всего 7 × 7 л = 49 л) в двенадцатилитровый. Наполнив большой сосуд до краев, не забудьте сначала опорожнить его, а потом влить остаток воды из меньшего. Освобождать двенадцатилитровый сосуд придется четыре раза (проверьте), вылито будет 4 × 12 л = 48 л, останется 49 л — 48 л = 1 л.

8 и 5

У нас есть бочка с 12 пинтами вина, большой сосуд вместимостью 8 пинт и маленький — 5 пинт. 6 пинт в большом сосуде можно получить за 6 переливаний. Сначала наполним из бочки большой сосуд, из большого — маленький, а из маленького выльем вино обратно в бочку (всего 3 переливания). В бочке будет 9 пинт, остальные 3 — в большом сосуде. Перельем их в маленький, а большой наполним из бочки (еще два переливания). Наконец, дольем маленький сосуд из большого, и в восьмипинтовом сосуде останется ровно 6 пинт.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Москва праздничная. Рисунок И. Урманче.

Главный редактор **С. А. ФУРИН.**

Художественный редактор
С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

О. И. Грекова, В. К. Железников, Н. В. Ильина, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **С. В. Михалков, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева. Э. С. Соколова.**

Макет **К. М. Высоцкой.**

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. В. Вантрусов.**

Сдано в набор 31/VIII 1971 г. А 00623.
Подписано к печати 1/X 1971 г.
Формат бумаги 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 350 000.
Изд. № 2208. Заказ № 1898.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Если ты любишь музыку и хочешь научиться играть или уже играешь на каком-нибудь музыкальном инструменте, тебе помогут ЭТИ КНИГИ.

НОТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ (БЕЗ ЗАДАТКА).
ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ:
МОСКВА, А-171, 1-й НОВОПОДМОСКОВНЫЙ ПЕР.,
МАГАЗИН № 102 «НОТЫ — ПОЧТОЙ».

Агафонов О., Лондонов П., Соловьев Ю. **Самоучитель игры на баяне.** «Музыка», 1971. Цена 2 руб.

Акимов Ю., Гвоздев П. **Прогрессивная школа игры на баяне.** Ч. I. «Советский композитор», 1971. Цена 1 руб. 73 коп.

Акимов Ю. **Прогрессивная школа игры на баяне.** Ч. II. «Советский композитор», 1971. Цена 1 руб. 50 коп.

Басурманов Н., Чайкин С. **Самоучитель игры на баяне.** «Советский композитор», 1971. Цена 1 руб. 25 коп.

Давыдова Е., Запорожец С. **Музыкальная грамота.** Вып. 1. Цена 1 руб. 53 коп., вып. 3 стоит 97 коп.

Кончаловская Н. **Нотная азбука** (на украинском языке). Киев, 1968. Цена 1 руб. 16 коп.

Мейлих Е. **Самоучитель игры на фортепиано для взрослых.** «Музыка», 1971. Цена 1 руб. 18 коп.

Музыка для детей. Фортепианные пьесы. Вып. 2. Составитель К. Сорокин. «Советский композитор», 1971. Цена 2 руб. 28 коп.

Музыкальные картинки. Занимательная книга для первоначального обучения детей игре на фортепиано. «Советский композитор», 1971. Цена 1 руб. 73 коп.

Наумов Г., Лондонов П. **Школа игры на аккордеоне.** «Музыка», 1971. Цена 2 руб. 60 коп.

Онегин А. **Школа игры на баяне.** «Музыка», 1971. Цена 1 руб. 33 коп.

Сазонов В. **Школа игры на семиструнной гитаре.** «Советский композитор», 1971. Цена 1 руб. 82 коп.

Современный пианист. Учебное пособие для начинающих. Составители М. Соколов, В. Натансон, Н. Копчевский. «Музыка», 1970. Цена 2 руб.

Чачикашвили Н., Вещицкий П. **Самоучитель аккомпанемента на семиструнной гитаре.** «Советский композитор», 1971. Цена 98 коп.

Юрьев В. **Самоучитель игры на семиструнной гитаре.** «Советский композитор», 1971. Цена 1 руб. 40 коп.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Рисунок И. УРМАНЧЕ.